

History & modernity
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**SOCIAL-NATURAL
HISTORY**

XXVIII

2006

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ВЫПУСК
XXVIII

Художественный редактор серии Ю.Э. Кульпина

Э.С. Кульпин

ЗОЛОТАЯ ОРДА:
СУДЬБЫ ПОКОЛЕНИЙ

МОСКВА
2006

Серия научно-методических работ "Социоестественная история" ("Генезис кризисов природы и общества в России") содержит результаты научных изысканий и издается под редакцией руководителя программы Э.С.Кульпина (Кульпина-Губайдуллина). Цель исследований – целостное конструктивное осмысление исторических процессов, используя оригинальную методологию социоестественной истории – научной дисциплины на стыке гуманитарных и естественных наук, изучающей взаимосвязи, взаимодействие и взаимовлияние процессов, явлений и событий в жизни общества и природы.

Э.С. Кульпин-Губайдуллин. Золотая Орда: судьбы поколений

Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Кульпина Э.С. Вып. XXVIII) М.: ИНСАН. 2006. – с.

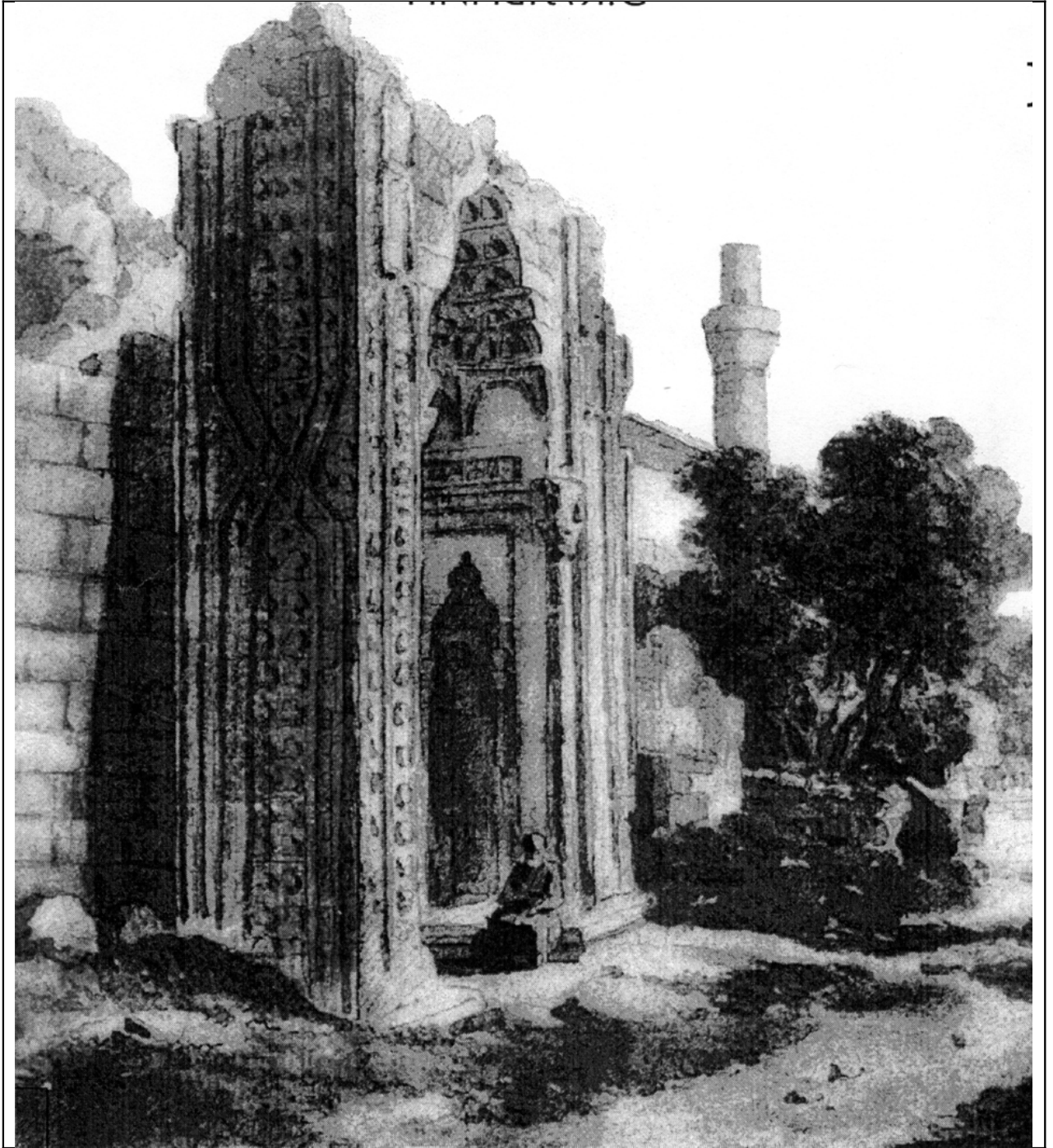
Рецензенты: д.и.н. Крамаровский М.Г., д.и.н. Усманов М.А., д.и.н. Шеремет В.И.

Монография посвящена радикальным изменениям жизни кочевников, пришедших из Азии в Южнорусские степи и создавших на новой родине городскую цивилизацию. Особый упор делается на принципиальные изменения в представлениях о мире и о себе в ходе смены поколений, характера отношений монголов и тюрок, народа и знати, изменении отношений человека и природы в процессе демографического роста, а также на экологические и экономические критерии цивилизованности, на роль средневековой глобализации и системы престолонаследия. Рассмотрение жизни народа как живого организма, изменяющегося от поколения к поколению, осуществляется впервые.

ISBN

© ИНСАН, 2006

© Кульпин Э.С., 2006

Солхат (ныне Старый Крым) был третьим городом империи по численности населения и значимости. Медресе Узбек-хана было одним из красивейших зданий города. Сейчас от него остались лишь развалины, но два века тому назад, когда оно еще только начало разрушаться, было зарисовано.

Перепечатка осуществлена с линогравюры из альбома Иванова (Источник: Кулаковский, вклейка)

ВВЕДЕНИЕ. Природа и люди

Магия чисел

Условия этногенеза

Потенции вмещающего ландшафта

Гл. 1. ПОКОЛЕНИЯ ОБУСТРОЙСТВА (1236-1291)

Тюрки и монголы первого поколения (1236-1256).

Почему не был выполнен завет Чингис хана

Ямы противостояния и единения

Тюрки и монголы второго поколения (1255-1273).

Тоталитаризм и демократия степи

Становление государства и общества

Тюрки третьего поколения (1273-1291)

Плоды независимости

Силы выталкивания и притяжения

Гл. 2. ПОКОЛЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЕЙ (1291-1343)

Четвертое поколение (1291-1308)

Предел возможностей вмещающего ландшафта

Оседание на землю

Пятое поколение (1308-1325)

Город

Полис и хора

Шестое поколение (1325-1343)

Экологические и экономические критерии цивилизованности

Социальная ткань общества

Гл. 3. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СМУТА

Седьмое поколение (1343-1361)

Начало бедствий

Принцип престолонаследия

Дискуссия о Золотой Орде как цивилизации

Дискуссия

Код цивилизации

Две смуты: опыт сравнения

Сходство истока - социально-экологический кризис

Черты различия: роль горожан

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Литература

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

М.А. Усманов и М.Г. Крамаровский о социоестественных исследованиях

ПРИЛОЖЕНИЕ

Что можно принять за ДНК цивилизации?

Проблема ментальности в современном мире

Архитектура. Пролог и эпилог Золотой Орды.

Керамика Золотой Орды (из раскопок А.А. Бурханова)

ПРЕДИСЛОВИЕ

С начала 1990-х гг. по инициативе автора данной работы неформальный коллектив – ученые разных отраслей знаний, как гуманитарных, так и естественных, индивидуально и совместно в ряде коллективных проектов пытается найти ответы на «вечные» вопросы: *кто мы, откуда мы пришли, куда мы идем?* Уже 15 лет этот коллектив ежегодно на конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории» обсуждает названные проблемы, глядя на них с Запада и с Востока, из будущего в прошлое, от общего к частному, осуществляя конкретные, в том числе полевые исследования и одновременно решая теоретические проблемы, фиксируя результаты в серии книг «Социоестественная история». В этих обсуждениях объектом внимания стала и история Золотой Орды.

На необходимость обращения к Золотой Орде мы вышли совершенно неожиданно в работе по коллективному проекту РФФИ «Генезис кризисов природы и общества в России» (1992-1995). Начиная проект, мы полагали, что монгольское нашествие было вторжением варваров, способным задержать, приостановить, но не принципиально изменить эволюцию народов Восточной Европы. Однако мы были вынуждены признать исходную неправоту суждения. В итоге, побочным результатом проекта стала монография «Золотая Орда» (1998)¹. В связи с тем, что результат был важным, но для проекта второстепенным, жанр книги оказался несколько необычным: это был не результат прямого исследования, а постановка проблем будущих исследований. В той книге впервые было констатировано, что Золотая Орда – забытая цивилизация. С этой точки зрения Орда ранее не рассматривалась. Критерий именно такой оценки вытекал из фундаментальных положений социоестественной истории, базирующейся на общей теории систем и синергетике, из взаимоотношений человека и природы, системы и окружающей ее среды, целого и части.

Уже после публикации последней коллективной монографии в серии социоестественной истории (Кульпин Э.С., Клименко В.В., Пантин В.И., Смирнов Л.М. Эволюция российской ментальности. М.: ИАЦ Энергия. 2005) возникла мысль пересмотреть результаты предыдущих исследований, как собственных, так и коллег под новым углом зрения: реальной жизни демографических поколений в истории нашей страны, начиная с монгольского нашествия. Почему именно поколений и почему от нашествия? Потому что через поколения осуществляется динамика общественных процессов, связь времен, можно проследить количественные и качественные изменения в материальной и духовной жизни больших человеческих организмов, и потому что эти живые организмы периодически проходят через переломные бифуркационные состояния. В истории России монгольское нашествие было одним из таких состояний, как принятие христианства, создание Московского государства, Смутное время, петровские преобразования, Великие реформы XIX века, Гражданская война, крушение СССР.

¹ В настоящее время вышло в свет второе ее издание (Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М.: КомКнига, 2006) с исправлением досадных опечаток: первом издании не нашлось средств на техническую корректуру.

В данном исследовании Золотой Орды учитывалось то обстоятельство, что после фундаментальных многолетних археологических раскопок, осуществленных Г.А. Федоровым-Давыдовым и его последователями и осмысления результатов раскопок с использованием известных нарративных источников возникла ситуация, когда появление новых свидетельств - нарративных источников или археологических раскопок несколько замедлилось², и на новом этапе оказались востребованными нетрадиционные подходы, связанные с привлечением последних открытий в области климатологии, психологии, этнологии, с использованием фундаментальных закономерностей демографической динамики, миграций, эпидемий, почвообразования, городских агломераций, новые подходы, когда объектом анализа является не **состояние** по ограниченным параметрам, при котором все остальные параметры является не более чем фоном, а **многофакторные процессы** природные, демографические, психологические, социальные, экономические, ментальные, действующие в **совокупности**, как равноправные актеры эволюционного развития. Иными словами, осуществлять социоестественный анализ, объектом которого является триединство **природа-хозяйство-ментальность**.

Настоящая работа, в соответствии с принципиальным положением, принятом в социоестественной истории о проведении конкретных, четко очерченных исследований³ является попыткой ответа на один вопрос: какой этнос был ведущим в создании уникальной в истории человечества степной городской цивилизации? Не исключено, что не столько ответ на этот вопрос, сколько метод рассмотрения эволюции общества через судьбы сменяющих друг друга

² Молодые археологи, копающие золотоордынскую периферию, конечно, надеются на возможность открытий. Из последних свидетельств их достижений см., например, «Сугдейский сборник», где опубликованы две статьи, связанные с историей Золотой Орды. М.В. Ельников пишет: «Письменные данные периода Золотой Орды в большинстве отрывочны и не дают представления о судьбах кочевого и оседлого населения этой области (Поднепровья – Э.К.). В связи с этим особое значение приобретают археологические исследования, которые содержат принципиально новые материалы относительно историко-культурных и экономических связей нижнеднепровского региона и Крыма в золотоордынский период» [Ельников, с. 57]. А А.В. Джанов доказывает, что известный очень многим в нашей стране «храм с аркадой» в геноузской крепости в Судак «не типичное произведение итальянского Возрождения в «местном» крымской исполнении», а золотоордынская мечеть [Джанов, с. 654-669]. Однако названные исследователи не являются первооткрывателями своих положений.

³ Это принципиальное положение заимствовано у Вернера Гейзенберга, который писал так: «в науке хорошую и плодотворную революцию можно совершить только тогда, когда мы пытаемся внести как можно меньше изменений, когда ограничиваемся прежде всего разрешением узкой, четко очерченной проблемы. Попытка отказаться от всех прежних вещей или изменить их по своему произволу ведет к чистой бессмыслице. В науке только не критически мыслящие полубезумные фанатики рискуют опровергать все существующее — например люди, утверждающие, что можно построить вечный двигатель, — и из подобных попыток, естественно, ничего не выходит. Я, конечно, не знаю, можно ли сравнивать научные революции с революциями в общественной жизни людей. Но я склонен думать — пусть это только мечта, — что и в истории человечества самые успешные революции те, в которых люди пытаются разрешать лишь ясно определенные проблемы и изменять как можно меньше. Вспомните о той великой революции две тысячи лет назад, инициатор которой, Христос, сказал: «Я пришел не отменить закон, а исполнить его». Повторяю: все дело в том, чтобы ограничиться одной важнейшей целью и изменять как можно меньше. То небольшое, что будет при этом изменено, может проявить потом такую преобразующую силу, что само собой перестроит почти все жизненные формы» [Гейзенберг 1989, с. 267]

демографических поколений, станет началом переосмысления всей истории России в данном ключе.

Познавая прошлое, мы строим модели, не более того. На это положение хотелось бы обратить особое внимание. Считаю необходимым подчеркнуть, что данная работа, как в принципе и любое историческое исследование, не может претендовать на описание сколько-нибудь полной жизни общества, а представляет лишь модель реальной жизни. Как всегда для историков желательно, чтобы их модели, версии исторических процессов как можно больше приближались к действительности. Но при этом ни один историк, если он осознает приблизительность знаний и честен, не станет утверждать, что владеет истиной в последней инстанции. Он обязан говорить, что может дать только то представление, которое *сейчас, в данное время* признается специалистами наиболее отвечающим действительности. Но *завтра* это представление может стать иным. И остается только надеяться, что оно будет другим в деталях, а в главном останется неизменным.

Данное исследование стало возможным благодаря многочисленным трудам ученых прошлых и наших дней, к которым автор испытывает чувство глубокой благодарности⁴, прежде всего, к Г.А. Федорову-Давыдову, В.Л. Егорову, М.Г. Крамаровскому, а также А.А. Бурханову, любезно предоставившего для публикации в данной книге фотографии результатов своих полевых сезонов на Волге и Аму-Дарье, сохранившихся архитектурных памятников той эпохи в Куня-Ургенче. Автор также выражает признательность и благодарность ген. дир. издательства «Инсан» Гибадуллину Я.Н. и зам. ген. Директора Гибадуллину Р.Я.

⁴ Помимо научной значимости открытий, для археологов, ведущих раскопки в Нижневолжье, это чисто человеческий подвиг. За тонким слоем цветной пыли от изразцов, покрывавших некогда стены домов и развеянных ветром на десятки километров вокруг исчезнувших городов, на месте самих зданий была полутораметровая, спрессованная до прочности бетона кирпичная пыль, которую нужно было “преодолеть”, чтобы “дойти” до сохранившихся под этой “подушкой” оснований зданий. В полевой сезон температура воздуха, как правило, выше 30 градусов по Цельсию.

ВЕДЕНИЕ. Природа и люди

Магия чисел

Жизнь народа измеряется поколениями, а живая связь времен прямым общением представителей разных поколений. В семье внук, общаясь со своим дедом, может узнать от него о жизни деда и прадеда. **«Живая» человеческая память** твердо удерживает в себе знания о жизни пяти поколений, когда дед является главным связующим звеном «зримых» поколений. В предельном случае достигший совершеннолетия правнук может общаться с еще живым прадедом, который также застал при жизни своего прадеда. Таким образом, **если в отдельных семьях устные предания, как правило, ограничиваются пятью поколениями, то в роде, племени - расширяются до семи поколений.** «Далее» семи поколений связь времен становится опосредованной и реализуется через предания, которые мифологизируются, даже если имеют какие-то письменные подтверждения. Центральное значение для жизни любого народа имеет связь семи поколений.

Временной интервал смены демографических поколений – разница между рождением матери и ее первой дочери, отца и его первенца сына возрастал с 17-18 лет в средневековье до 20 лет в Новейшее время. Средний срок смены семи поколений в XIII-XVIII вв. составлял 122,5 года и постепенно возрастал до 140 лет в наши дни. Если проследить семипоколенные демографические циклы истории нашей страны, начиная с колоссального потрясения, каким было монгольское нашествие, то мы получаем удивительный результат.

Первый после монгольского нашествия семипоколенный демографический цикл в Восточной Европы завершается преддверием Гражданской войны в Золотой Орде – Великой Замятни (1360). Второй – стоянием на Угре (1480), окончанием татаро-монгольского ига на Руси и созданием Московского государства. Третий – началом русской смуты (1605). Четвертый – завершением петровских реформ (1727) и созданием Российской империи. Пятый – Крымской войной и преддверием Великих реформ (1850-е гг.). Шестой – кризисом советской эпохи (1990-е гг.)

То, что монгольские завоевания – важнейший рубеж жизни всего Старого Света – факт не подлежащий сомнению. Эти завоевания позволили информационно объединить все цивилизованные народы Старого света. Европейцы узнали о Китае, уровень цивилизационного развития которого на столетия опережал Европу. Походы Чингис хана, нашествие Батыя стали явлением, которое по аналогии с физикой можно назвать **пусковым механизмом** эволюции многих процессов в исторической жизни ряда народов. У некоторых из них изменилась **колея** общественного развития. Насколько радикально и как? Для нашей страны с ее историческим сосуществованием двух ведущих этносов – русских и татар этот вопрос особенно актуален. И если на вопрос «кто такие русские?», мы, как нам кажется, знаем ответ, то кто такие татары у ученых на сегодняшний день нет согласованного, принятого всеми ответа. И отсутствие научного согласия о татарах, заставляет сомневаться, насколько верны наши представления и об этногенезе русского народа. Случайны ли совпадения

переломных моментов в истории России с начальной «точкой отсчета» смен семи поколений от монгольского нашествия? Если не случайны, то здесь надо искать ответы на многие вопросы в сфере гуманитарных наук, остающихся до сих пор нерешенными. Итак, что такое Россия? Специфичная, но в то же время неотъемлемая часть Запада? Часть Востока? Не Запад и не Восток?

Золотая Орда по-прежнему остается феноменом мало исследованным. Сейчас, когда уже нет споров о том, что это – проявление дикости или цивилизации⁵, дискуссия сосредоточена на «дележе» цивилизационного наследства. Кем были предки и кто потомки создателей уникальной степной цивилизации? Предки – монголы, тюрки или другие народы? Потомки – современные татары или же их нужно искать во многих современных народах, где являются ничтожной частью, т.е. присутствуют везде или нигде одновременно? При рассмотрении судебных демографических поколений должны быть четко поставленные конкретные вопросы. И как всегда бывает, отвечая на них, исследователь попутно получает ответы на многие другие – сопутствующие. Такими конкретными вопросами в данном исследовании стали два. **Первый. В чем специфика этногенеза тюрков Великой степи в XIII-XIV вв.? И второй, вытекающий из первого. Какой этнос был ведущим в создании уникальной городской цивилизации Золотой Орды?** Однако, прежде чем приступить к ответу на эти вопросы необходимо кратко обрисовать дискуссию в нашей стране относительно происхождения татар, коснуться общих закономерностей этногенеза и жизни кочевников в степях Восточной Европы.

Условия этногенеза

Период Золотой Орды занимает особое место в истории эволюции татарского народа. Хотя никто из ученых не отрицает, что эпоха Золотой Орды – важная веха в истории *татар*, но имеются разные мнения о значении эпохи в истории этноса. Существует три теории происхождения татар: болгаро-татарская, монголо-татарская и тюрко-татарская [Татары, Ч. 2, гл. 4]. Сторонники болгаро-татарской теории делают акцент на особой роли болгар в культурогенезе современных татар, монголо-татарской – монголов, тюрко-татарской – общетюркских корней. При этом никто из ученых не отрицает ни выдающейся роли болгар, ни общетюркских корней, но в отношении монгольского влияния нет согласия. Хотя все признают, что оно имело место.

Тюрко-татарская теория говорит о том, что в древнетюркское время не только сложилась основа материальной культуры: семейная организация, социальная структура. Также сложились и основы духовной культуры: этика, изобразительное искусство, фольклор, государственная традиция (мифологемы, идеи сакральности власти), язык, как устный, так и письменный. Болгаро-татарская базируется не только на высокой степени самоорганизации болгарского общества в раннем Средневековье, восприятии народом одной из мировых религий – ислама, но и на возникновении именно у болгар литературного устного и письменного языка. Монголо-татарская делает упор на то, что в эпоху Золотой Орды произошло создание новой государственности и на основе ее – синтетической культуры и этнополитического самосознания.

Против основных аргументов каждой из этих теорий никто не возражает. И в то же время до сих пор в ученой среде не решен вопрос, кто из древних и

⁵ Здесь достаточно упомянуть последнюю работу известного археолога М.Г.Крамаковского прямо так и озаглавленную – «Золотая Орда как цивилизация» [Крамаровский 2005]

средневековых тюрок были прямыми предками современных татар. Научная полемика, чрезвычайно острая, с обменом почти недопустимыми колкостями, не закончена. Не дает ответ на этот вопрос и недавно вышедшая в свет книга «Татары», в предисловии которой справедливо утверждается: «*Настоящая монография является по существу сводом сведений о татарском народе*» [Татары, с. 5]. В этом «своде» обращается внимание на то, что «татары прошли длительный путь этнического становления», что их «этногенез до сих пор остается предметом дискуссий», что в России и в Западной Европе длительное время татарами называли практически все тюркские (иногда и не тюркские) народы, что «татарская этническая общность» имеет сложную внутреннюю структуру, которая в полной мере еще не проанализирована, что комплексное этнографическое исследование, позволяющее судить об этнокультурной дифференциации данной общности, до сих пор не завершено.

В отличие от многих других народов выяснению этногенеза не может помочь антропология, поскольку «главным выводом антропологических обследований конца XIX – начала XX в. явилось положение о «чрезвычайной» смешанности татар в расовом отношении». Антропологически татары с раннего средневековья относятся как к четко выраженным европеоидам, так и монголоидам. Встречаются и разнообразные переходные типы. При этом даже завоевание монголами Волжской Булгарии и вхождение ее в состав Золотой Орды не внесло кардинальных изменений в физический облик предков современных казанских татар.

Не может помочь и конфессиональная принадлежность: изначально тюрки – не мусульмане, не все татары – мусульмане, так, *крящены* – христиане.

Не могут помочь и лингвистические различия: уж слишком невелики они у тюрок. И в древности и сейчас в устном общении тюрки легко понимали и понимают друг друга.

Отсюда следует, что единственной возможностью вычленить татар из большой семьи тюрок остается их самоназвание – *этноним*. Но в эпоху Золотой Орды тюрок – жителей Золотой Орды иноземцы именовали татарами, однако сами они себя так не называли, отождествляя себя с местом проживания, с традиционными племенными и родовыми этнонимами. Лишь в эпоху заката Золотой Орды появляются относительно малочисленные группы людей, именующие себя татарами. Это – прямые потомки знатных монгольских родов, прежде всего рода самого Чингис-хана, а также сеиды – потомки пророка Мухаммеда.

Лишь после гибели Золотой Орды вдруг и как бы из ничего на всем широком пространстве бывшей великой империи появляются татары – *мещерские, волго-уральские, сибирские, крымские*. И уже не только так их именуют другие народы, но и сами себя они так называют. Окончательно это происходит уже в другой империи. Российской. Ныне, констатируют Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов, «этноним «татары» является общенациональным и употребляется всеми группами, образующими татарскую этническую общность – Поволжья и Приуралья, Западной Сибири, Крыма, Буджака (Румыния) и исторической Литвы. В прошлом у всех этнотерриториальных групп татар имелись и локальные этнонимы...» [Исхаков, Измайлов 2000, с. 8].

Сторонники монголо-татарской теории Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов полагают, что в Золотой Орде сформировалась *новая* этнополитическая общность на базе военно-феодальной знати, приверженной государственной идеологии,

использовавшей как традиционные (тюркские и монгольские) мифологемы, так и исламские идеи и символику. Эта общность в XIV – XV вв. укореняется, имея многозначную семантику, которую можно свести к нескольким смысловым блокам [Исхаков, Измайлов 2000, с. 106-110; Измайлов, 1993]. С. 17-32]. Из этих «нескольких» они выделяют два блока, сводимые, в конечном счете, к одному.

Блок первый: этнообразующий фактор – *государство*. Одно из названий страны служит определением ее и живущего здесь народа – *государство татар*. В этом смысле его употребляют арабские авторы («государство татар», «царство северных татар»), русские летописи и европейские путешественники.

Блок второй: непосредственный этнообразующий социальный слой – *военно-феодалная знать*, служащая государству «пером и мечом». В этом социальном слое вырабатывается *особая сословная рыцарская культура*, имеющая *надэтничный* характер, создаются материальные и духовные символы *надплеменного имперского единства*, государственная идеология с использованием как традиционных (тюркских и монгольских) мифологем, так и исламских идей и символики. Этот экстерриториальный социальный слой обладал правом перемещения из одного ханства в другие, имел самоназвание «татары», тогда как «черное» население было «привязано» к конкретной государственно-организованной «земле» через принадлежность к имевшимся в ее составе «юртам» (княжествам) и имело иные самоназвания. Далее, без конкретных доказательств, исследователи утверждают: «Можно сказать, что, по существу, не кыпчаки ассимилировали монголов, а наоборот, монголы сумели растворить в своем государстве кыпчаков, болгар, мадьяр и другие народы и внедрить в их среду новое этнополитическое самосознание [Исхаков, Измайлов 2000, с. 97].

Но сумела ли немногочисленная монгольская элита «растворить» всю массу тюркского люда и внедрить в эту массу (и ныне-то повсеместно не слишком политизированную) *этнополитическое* самосознание? Как шел процесс «внедрения»? Письменных свидетельств этого нет. Будучи серьезными и честными историками, Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов свои доказательства приводят. Они пишут, что в Улусе Джучи официальным языком был не тюркский, а монгольский. На монгольском, причем с письменностью на уйгурском алфавите, велось делопроизводство и дипломатическая переписка. На монгольском знать говорила не только «по протоколу», но и использовала его в быту. На монгольском записывались легенды и создавались поэмы. Но так дело обстояло в среде узкого слоя аристократии. А народ?

Многоязычное население Золотой Орды говорило на многих языках, но только – не на монгольском. Однако нельзя не отметить, что если население не владеет языком элиты, то это вовсе не ограничивает повсеместное распространение устоев жизни элиты на всех. Если население Золотой Орды не владело монгольским языком, то из этого вовсе не следует, что растворение тюрков в монголах невозможно. Во Франции в первой половине XVII в. только 10% населения говорило по-французски. Понадобилось два века, чтобы французский язык стал общенародным. Однако во Франции язык элиты, в конечном счете, стал общенародным, а в Золотой Орде монгольский язык – не стал.

Следовательно, если *растворение* в монгольской среде тюрков – кыпчаков, болгар, мадьяр и других народов происходило, то монгольский язык к этому процессу не имел отношения. Чиновный аппарат государства издавал свои директивы – ярлыки, которые практически должны были осуществлять реальное

«внедрение» этнополитического самосознания, о котором пишут Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов. Документов канцелярии сохранилось мало, а те, что известны, содержат конкретные приказы о назначениях наместников. И немного иных, например, о веротерпимости. Из того, что известно нам, нельзя сделать вывод, что правительственные директивы могли формировать самосознание населения. Однако, если отсутствуют два важнейших параметра этничности из четырех, названных таковыми Д.М. Исхаковым и И.Л. Измайловым (язык и письменность), то это еще не означает, что утверждения ученых должны быть поставлены под сомнение. Если нет прямых, то, возможно, есть косвенные свидетельства.

Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов пишут, что общность людей может не только *осознаваться* и выражаться в этнониме, но может *не осознаваться*. Поскольку, как именно *самосознание не осознается*, авторы не расшифровывают, их утверждения необходимо привести дословно: «Исходя из принятого в ряде этнологических трудов принципа противопоставления, с одной стороны, этнообразующих факторов, обусловивших само появление этноса (общая территория, государственность, язык, письменность и т.д.), с другой – собственно этнических признаков, эти последние можно, в свою очередь, разделить на два уровня. Первый из них относится преимущественно к сфере культуры в ее широком понимании, а второй — производный от него — проявляется в осознании самой этнической общностью своих отличий от других коллективов и этносов [Крюков 1976: 42-63; Крюков и др. 1993: 376]. Именно такое представление о структуре свойств этноса заставляет считать, что, вопреки мнению ряда историков и археологов [Халиков 1978; 1989; Казаков 1992; 1999; 1999а; Хузин 1995], говорить о завершении процесса формирования этноса позволяет не возникновение тех или иных культурных особенностей этнической общности, а появление отчетливого самосознания своей общности, а отличия от других, которое, разумеется, базируется на основе всех объективных признаках первого уровня, но очень часто не осознается». [Исхаков, Измайлов 2000, с. 7].

Из приведенного видно, что ученые интуитивно подходят к феномену бессознательного, социального бессознательного, как его именуют современные социологи [см. Сикевиц, Крокинская, Поссель] или общественного бессознательного по терминологии социоестественной истории [см. Смирнов 2005; Приложение 1,2]. «У специалистов в области социальных наук факт существования феномена бессознательного сегодня не вызывает сомнения – слишком высокой объяснительной способностью обладает эта концептуальная конструкция. Долгое время приоритет в области изучения бессознательного принадлежал сначала философии, а потом психологии, где школами так называемой «динамической психиатрии», психоанализа З. Фрейда и аналитической психологии К. Юнга достигнуты выдающиеся результаты. И философы, и психологи оперировали с бессознательным преимущественно в его индивидуальном выражении, вместе с тем указывая, что в его основе лежит культурно-историческое развитие человеческих сообществ, т. е. социальный фундамент. Не случайно с конца XIX – начала XX в. бессознательное постепенно занимает все более значительное место в социально-философском, социально-психологическом и социокультурном анализе разных видов познания, в том числе искусства и науки, а также в изучении ряда таких новых явлений, как тоталитарные и другие закрытые общества, социальные кризисы и трансформации. Сегодня все большее число специалистов в разных областях гуманитарного знания – социологов, политологов, экономистов, историков, рас-

смаатривая различные классы явлений, прибегают к этой недавно еще «чуждой» категории. Понятие «бессознательное» приобретает, таким образом, междисциплинарный характер» [Сикевич, Крокинская, Поссель, с. 8].

Неизвестно, когда и как в Золотой Орде — огромном государстве, объединившем разные племена и народы, возникли некие человеческие общности, в которых житель той или иной местности, представитель того или иного рода, племени, причем не обязательно тюркского начал бессознательно ощущать себя неотъемлемой частью социального организма. Известно, что впоследствии это ощущение общности выкристаллизовалась в этнониме. Иными словами, человек этой общности сначала бессознательно **стал**, а уже *потом* начал осознать себя никем иным, а именно татаринoм.

Исследуя малую этническую общность — *тептярей*, и, осмысливая ее историю на фоне процессов в России и мире, уфимский историк и этнограф Р.И. Якупов пришел к целoму ряду выводов [Якупов, с. 241-250]. Некоторые из них могут быть применены к истории Золотой Орды. Так, он полагает, что предшественником этнонима (самоназвания этноса) является **соционим**, т.е. консолидация социума в полиэтничной политической системе (формирование социальной обособленности, возникновение между членами социальной общности ощущения комплиментарности (дружественного взаимопонимания), формирование особенностей языка, материальной и духовной культуры, связанной со спецификой природы и хозяйства).

Согласно Р.И. Якупову, главные условия формирования этноса следующие:

- 1) единая территория,
- 2) компактность расселения,
- 3) количественная критическая масса,
- 4) полнота внутренней социальной структуры (наличие собственных структур управления, формирующих «идеологию», социальная стратификация, стимулирующая социальную мобильность и движение к экономической стабильности или изобилию),
- 5) нормы обычного права (способствующие выработке особых черт менталитета),
- 6) выделение «структур управления» общности — шаг к ее сознательной консолидации.

Среди факторов *влияющих* на формирование этноса, Якупов назвал три: конфессиональный, обретение новой родины, потестарный (вождества).

С образованием Улуса Джучи у всех народов, его населяющих, появилась единая территория. В ряде областей уже до создания Улуса было компактное население, но не в степной зоне, где территория была огромна, а население редким. Если следовать логике Р.И. Якупова, то, прежде всего, надо исследовать эволюцию социума, количественное и качественное соотношение этносов в полиэтничном государстве. После определения исходной **численности населения** и динамики его роста, важнейшим является выявление момента достижения той количественной **критической массы**, при которой из разных племен и народностей происходит сложение единого этноса.

Для изучения формирования современного татарского этноса важнейшее значение имеют два обстоятельства: исходные этносы и демографические поколения — временные единицы эволюции этноса.

До монгольского нашествия в Восточной Европе уже жили тюрки: волжские булгары, а также – кипчаки (половцы), хазары, частично принявшие иудаизм. Относительно волжских булгар нет сомнений, что все они – прямые предки современных татар, чего мы не можем сказать относительно пришедших в Восточную Европу в середине XIII века монголов и тюрков. Их потомки не все стали современными татарами.

Из кого состояли завоеватели, что их объединяло, а что разъединяло, что объединило их потомков? Если мы говорим не о политической истории, а о народе, как о живом организме, то мы должны говорить о процессах развития этого «организма» и, следовательно, о временных единицах этого процесса. Принятыми временными единицами в политической истории являются астрономические – дни, годы, столетия. Они идут от физики, а не от биологии и социологии. У этноса, как биологического и социального организма другие временные измерения, главное из которых – смена поколений. Итак, если в истории народов смена демографических поколений – это как бы исходная единица времени жизни этноса, то какой может быть следующая? Выше уже говорилось о семи поколениях. Эта единица измерения жизни социума соответствует тюркской ментальности. Издревле каждый тюрк должен помнить минимум семь поколений предков. Когда Бату хан в 1236 начинал свой поход на Европу, его воины были, в основном, в возрасте от 18 лет и старше. Это первое поколение воинов Бату хана завершило свою активную социальную жизнь через 17-18 лет в 1255-1256 гг., второго – детей первого поколения – в 1273 г., третьего 1290-1291 гг., четвертого – 1308, пятого – 1325-1326 гг., шестого – 1343, седьмого – 1360-1361 гг.⁶

Перейдем к рассмотрению истории жизни кочевников Южнорусских степей по поколениям.

Прежде всего, отметим, что на основании новейших исследований климата и палеопочвенных данных мы можем говорить о существовании в восточноевропейских степях до второй половины XIV века «средневекового климатического оптимума» [Слепцов; Слепцов, Клименко]. Пик оптимума пришелся на XIII век [Демкин, 28-29].

Сразу оговоримся, что демографический рост волжских булгар, перешедших к оседлости и подчиняющихся законам демографического воспроизводства земледельческих народов, кроме периода восполнения потерь численности населения после монгольского нашествия, как и тюрков азиатской части Улуса Джучи, где степи сухие, скудные, был крайне малым (примерно, 5% за столетие). Напротив, демографический рост кочевников в Южнорусских степях, был большим, доходя до биологических пределов – 5% (или 50%%) за год. Поэтому решающим для **количественного измерения** народа является динамика степного населения Южнорусских степей.

Исследования биологов второй половины XX века позволяют достаточно точно определить *верхний и нижний пределы* числа воинов армии Бату в 50-60

⁶ В эти годы в Улусе Джучи – Золотой Орде правили: Бату (второй сын Джучи) – 1242-1255; Улагчи (малолетний хан, известный по русским летописям) – 1255-1256; Берке – младший брат Бату – 1256-1266; Менгу-Тимур – 1266-1280; Тула-Менгу – 1280-1287; Тулабуга – 1287-1290; Токта – 1290-1312; Узбек – 1312-1341; Тинибек – 1341; Джанибек – 1341-1357; Бердибек – 1357-1359; Кульна (Кульпа по русским летописям) – весна-осень 1359; Ноуруз – осень 1359 - весна 1360; Хызр – весна 1360 - весна 1361; Тимур-Ходжа – весна 1361; Ордумелик – весна 1361; Кильдибек – лето 1361 - лето 1362.

тыс. [анализ см. Кульпин, 2005]. Монголы в этом войске составляли незначительную часть. После Руси не все монголы пошли в Западную Европу. После взятия Киева, разочарованные бедностью главного города Руси, чингизиды, ранее сопровождавшие Бату, со своими воинами покинули его, вернулись домой – в родные монгольские степи. Большая часть нукеров Бату после похода в Западную Европу также вернулись к своим семьям в монгольские степи. Известно, что армия Улуса Джучи состояла «из войск русских, черкесских, кыпчакских, маджарских и прочих, которые присоединились» к первоначальному ядру завоевателей [Рашид ад-Дин I. С. 275]. Ясно, что русские, черкесы, маджарцы после походов возвращались в родные дома. Кто же оставался в степях Улуса Джучи? Как и прежде – кыпчаки, а теперь уже и монголы. Хотя мы не знаем, сколько из этих кыпчаков в походе не принимало участия, сколько вернулось в родные степи нынешнего Казахстана, сколько осталась на новых землях, на которых еще недавно обитали побежденные и частично отброшенные с родной земли их ближайшие сородичи – половцы, в данном случае для нас важно другое, а именно: родная земля тюрков, в отличие от монголов, находилась в Улусе Джучи.

По монгольским традициям верховным собственником всей земли являлся великий хан, он распределял (перераспределял) землю, точнее устанавливал маршруты кочевий для подвластных кочевых народов. После похода в Западную Европу все, кому не хватало пастбищ в азиатской части Улуса, могли получить их в европейской. Следовательно, судьба потомков завоевателей-тюрков является частью общей судьбы тюркского населения Улуса и демографический рост их можно рассматривать в целом как рост населения Улуса. Поэтому, когда мы «закладываем» в демографический расчет численность кочевников только участников похода в Европу, мы получаем определенный запас прочности: на самом деле тюрков было больше, и перспективы демографического роста у них были значительные.

Потенции вмещающего ландшафта⁷

Возможность расширенного хозяйственного воспроизводства тюрков, пришедших в степи Восточной Европы, основывалось не только на временно опустевшей после половцев степи, но и в больших, если не уникально огромных, возможностях расширения пастбищ. В эпоху Золотой Орды сезонные кочевья имели меридиональное направление. Они непрерывно сдвигались на север, в леса, к северу от Большой климатической оси Евразии – границы леса и степи. К северу от Оси более мощные черноземы, более устойчивый и влажный климат, больше корма для скота – фитомассы, чем к югу от Оси. Весной, летом и осенью в лесостепи и лесах, превращаемых в лесостепь, на той же по размерам территории, что и в степях, может кормиться *в пять раз больше* скота.

В степях в «течение сезона меняется кормовая ценность, доступность и количество кормовых трав. Если привес скота, получаемый на пастбище в мае принять за 100%, то в июне он составит – 88%, в июле – 78%, августе – 65, сентябре – 58, а в октябре – только 35%» [Судьба степей, с. 191]. Однако если скот пасти севернее Оси, в европейской лесостепи, где до осени сохраняется кормовая ценность, доступность и количество кормовых трав, то потерь привеса

⁷ В социоестественной истории основное свойство вмещающего ландшафта – его кормящие возможности. Не случайно один из теоретиков СЕИ А.В. Антипова посвятила этому вопросу несколько специальных статей [Антипова 1999, 2006]

половцы бы не имели. “В луговых степях нет перерыва в вегетации растений и жизнедеятельности животных, вызванного засухой, поэтому экосистема функционирует дольше, чем в более сухих степях. За счет этого общая масса растительности достигает 3,2–4,2 т/га, а животных – 0,4 т/га, **что в 5 раз больше, чем в других типах степей**” [Судьба степей, с. 144, выделено мною – Э.К.]. Иными словами, более чем на 100 лет в Европейской части Улуса Джучи летние пастбища не являлись ограничителями роста поголовья скота, а, следовательно, и роста населения⁸.

Чем больше корма для животных – фитомассы и чем меньше она подвержена сокращению за счет засухи, тем больше кочевник может иметь скота, количество которого ограничено только объемом растительной пищи. А возрастание количества скота (ежегодный приплод) на порядок (в десятки раз) превосходит демографический рост людей. Чем больше у кочевника скота, тем большую семью он может иметь. В средневековье у всех народов при недостатке пищи, в первую очередь ее отдавали сыновьям. *Сыновья – защитники и продолжатели рода* при всех жизненных невзгодах. Но чем более зажиточной была семья, тем больше она позволяла себе рожать и полноценно кормить дочерей. *А дочери – это гаранты расширенного воспроизводства рода и сохранения генофонда.*

Известно, что во время социально-психологической напряженности рождаются преимущественно особи мужского пола. В периоды спокойной стабильной жизни – женского. После завоевания – и у монголов, и у тюрков должны были рождаться преимущественно девочки. Известна и еще одна закономерность, которая нам понадобится в дальнейших рассуждениях. Конкретные социально-психологические исследования в современном обществе выявили четкую связь между принадлежностью социальному классу и предпочтением конформизма или независимости. Родители, принадлежащие к зажиточному слою общества, предпочитали независимость, а родители менее обеспеченные — подчинение. [Триандис, Малпасс, Дэвидсон, С 307]. Чем меньше зависимость от проблем элементарного пропитания, тем меньше социальная зависимость от окружающих, больше предпочтения независимости, больше укрепления мужского начала в семьях и в народе в целом. Исследования психологов позволяют говорить также о том, что плохое питание приводит к физиологическим результатам (например, к эндокринным нарушениям). Эти результаты приводят к тому, что у мальчиков уменьшается чувство ответственности, а тело приобретает особенности женской фигуры, у ребенка закрепляется уровень зависимости от окружающих [Триандис, Малпасс, Дэвидсон, С. 307, 309].

Хотя эти закономерности выявлены социологическими исследованиями наших дней, естественно предположить, что они имеют фундаментальное основание в психологии людей, вне зависимости от времени и этнической принадлежности. Быть бедным и независимым – всегда чрезвычайно трудно или

⁸ Ограничителем роста поголовья скота в истории Улуса Джучи были не летние, но зимние пастбища. Проблема определения их емкости требует специального изучения. Весной, летом и осенью в благоприятных пастбищах скот благоденствует, зимой, когда эти пастбища покрываются снегом, – в буквальном смысле выживает. Для выживания стада определяющее значение имеет удельный вес лошадей, способных своими твердыми копытами разбивать наст и открывать лежащую под снегом траву для коров и овец. Зимние пастбища в Восточной Европе находятся на юге – в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, в Крыму. В Закавказье – в Азербайджане. в Азербайджане.

невозможно. Всегда легко быть мужчиной, т.е. ответственным и за себя, и за других, когда ты сильный и богатый, трудно или невозможно, когда слаб и беден.

Кочевники сухих центрально-азиатских степей с их ограниченным объемом фитомассы, придя в богатые травостоем степи юго-восточной Европы, получили возможность стать еще более сильными, и богатыми, перейти от простого к расширенному демографическому воспроизводству. Как писал М.Г. Сафаргалиев [Сафаргалиев, с. 343], ссылаясь на Плано Карпини, монгольские и тюркские племена, прибывшие вместе с Батыем в Дешт-и-Кыпчак, владели большим количеством скота. Следовательно, имели большие возможности для расширенного демографического воспроизводства. Расширенному демографическому воспроизводству благоприятствовало сочетание традиций и сложившихся обстоятельств. Согласно традициям кочевников у побежденных кочевых племен могли физически уничтожаться мужчины, но не женщины. Женщины побежденных кочевников, если их было чем кормить, брались в жены или служанки, дети – в работники. В мирное упорядоченное время дети и женщины пасли стада. Лишь в беспокойное, смутное время стада охраняли мужчины. Монгольская армия повсюду устанавливала жесткий порядок. Она изгнала с родных пастбищ часть половцев, но многие из них возвратились назад⁹, не изгнала половчанок и их детей. Если половчанки брались в плен, они становились женами (вторыми, третьими, как кто мог содержать) или служанками, занимавшихся хозяйством, доивших коров и кобылиц, делавших творог – основную белковую пищу кочевников. Завоеватели – мужчины – главы семей могли иметь не по одной жене. Из фиксированных прецедентов XIX в. относительно демографического состава семьи киргизов, чьи пастбища были более тощими, чем на юге Восточной Европы, а семьи, как правило, с одной матерью, известно, что в стагнационном режиме кочевая семья имела 4-5 человек, а при возможностях роста – до 12 [Тортика и др., с. 55].

Оценим возможный рост и нижний предел численности кочевников Золотой Орды. Существуют формулы, по которым можно рассчитывать соотношения кормов для скота (фитомассы), количества скота и численности людей. По этим формулам можно рассчитывать предельное число кочевников, могущих безбедно существовать на той или иной земле. Авторы методики - А. А. Тортика, В. К. Михеев, Р. И. Кортиев утверждают, что «кочевые общества органически входят в геобиоценоз степей и, как правило, не нарушают равновесия. Кочевников может быть столько, сколько прокормится от существующего стада, а размеры стада ограничены продуктивностью и размерами пастбищ. Увеличение выше нормы какого-либо вида, потребляющего другой вид в экосистеме, ведет к гибели от голода вида потребителя раньше, чем будет окончательно уничтожен вид потребляемый, после этого равновесие восстанавливается. Так, чрезмерное увеличение стад (при отсутствии возможности расширения территории) ведет к их истощению: скот гибнет от голода, а за ним гибнет, распадается или порабощается кочевое общество. Поэтому кочевники тысячелетиями накапливали

⁹ Из последних свидетельств археологов об этом можно отметить наблюдения М.В. Ельников, ведущего раскопки в низовьях Днепра. Он пишет: «несмотря на военные погромы и сокращение населения низовий Днепра, жизнь на этих территориях не прекратилась. Монгольское завоевание носило характер расширения, а не перемещения, поэтому новые завоеватели вынуждены были для построения собственной улусной системы использовать этнические группы, сложившиеся в предыдущий период. Уже при Батые, который предоставил ряд льгот для половцев, происходит возвращение последних в причерноморские степи [Плано Карпини 1957, с. 72]» [Ельников, с. 57-58]

и шлифовали свое экологическое знание, которое воплощалось в четко определенном хозяйственном цикле, системе пастбищ и перекочевков, размере семьи и стада, рационе и т. д. Численность кочевого населения не могла без катастрофических последствий выйти за рамки возможности экосистемы. Определение этих возможностей есть, по сути, определение размеров кочевого общества» [Тортика, Михеев, Кортиев 1994].

Можно поступить и иначе: обратиться к прецедентам, подчиняющимся тем же закономерностям и дающим возможность получить без расчетов те же результаты. Обращение к прецедентам имеет неоспоримые достоинства по сравнению со всеми другими (по захоронениям, по данным о численности войск, налогоплательщиков, свидетельствам нумизматики и т.п.) методами оценки численности населения, в которых исходная база данных ограничена, и поэтому велика область спекулятивных предположений. **Прецедент имеет максимально возможную или полную доказательность, так как может рассматриваться как прямой аналог эксперимента в естественных науках в том случае, если исходные характеристики** (в данном случае этноса и вмещающего ландшафта) **идентичны или те же самые** (как в истории с переселением Букеевской орды).

Этот прецедент исследовали совместно биолог Игорь Иванов и историк Игорь Васильев. В 1801-1803 гг. *прямой потомок* золотоордынского соционима - небольшая казахская (Букеевская) орда из 50 тысяч человек с 200 тыс. голов скота по разрешению царского правительства и под его контролем поселилась на пустующих в то время землях Рын-песков в междуречье Волги и Урала – территории географически расположенной почти точно *в середине степной зоны Золотой Орды*. Через 20 лет у них было уже 5 млн. голов скота (т.е. рост в 25 раз), что оказалось чрезмерным для вмещающего ландшафта и вызвало экологический кризис в междуречье Волги и Урала, продолжающийся вплоть до наших дней¹⁰. Несмотря на кризис и его следствие – падение поголовья скота в 2-3 раза (до 1,5-2,6 млн.), население, стартовав со стагнационного демографического состояния, за 40 лет утроилось, составив 150 тысяч человек [Иванов 1995, с. 181, 184].

Следует отметить, что степи между Доном и Днестром по площади примерно в 10 раз больше, чем в междуречье Урала и Волги, но в силу более благоприятных почвенно-климатических условий позволяют вегетировать значительно больше фитомассы, чем в междуречье Урала и Волги. Это значит, что экологический кризис в Южнорусских степях мог произойти при численности населения более 1,5 млн. человек.

Исходя из приведенного прецедента можно рассчитать динамику роста населения кочевников Золотой Орды. Если принять общую численность завоевателей, пришедших в Восточную Европу, в 300 тысяч человек (при 60 тыс. взрослых мужчин и исходных пяти членов нуклеарной семьи простого демографического воспроизводства) и темпы утращения населения через каждые 40 лет, то получим следующую динамику роста завоевателей. К 1282 г. численность их должна составить не менее 900 тысяч, к 1322 г. – эпохе расцвета Золотой Орды – 2700 тысяч, к 1362 г – 8100 тыс. человек.¹¹

¹⁰ Лишь в наши дни биологи доказали, что раньше здесь была не пустыня, а степь [Мирошниченко, 1997].

¹¹ Последняя цифра была вряд ли достижимой. Однако определение «точной» границы возможностей кормящего ландшафта и, соответственно, предельной численности кочевников имеет чисто теоретическое значение, поскольку существовал ряд реальных ограничителей роста: природно-антропогенных, биологических, климатических, социальных, экономических, политических, действующих и порознь, и в совокупности. О некоторых из них пойдет речь в

Следовательно, видимыми (к невидимым нужно отнести общественное бессознательное степного социума и разнообразное воздействие окружающей среды, природной и человеческой) исходными ограничителями динамики роста кочевников были:

- 1) их способность превратить лес в лесостепь, и
- 2) естественные зональные географические пределы.

Попросту говоря, сколько скот в прямом и переносном смысле мог съесть лесов до той естественной границы, когда по природно-климатическим условиям уже нельзя превращать лес в лесостепь. Известно, что степняки дошли до этого естественного рубежа. В отличие от половцев, которые в XII-XIII вв. не кочевали севернее условной линии – Харьков-Киев-Кишинев, золотоордынцы в 70-х гг. XV в. почти ежегодно кочевали близ южной границы Московского княжества [Кириков, с. 22, 24].

Ограничением темпов *реального* роста стала чума, которая пришла в степи Дешт-и-Кыпчака в первый раз в 1346 г. От чумы в средневековье умирало от трети до половины жителей стран, охваченных эпидемией. Сколько погибло людей в 1346-7 гг. в Золотой Орде, мы не знаем. Но несомненно то, что динамика демографического роста – утроение за 40 лет – чумой была прервана, население уменьшилось до менее 3 млн. чел., однако никак не могло опуститься ниже рубежа 1 млн. – минимальной критической массы этноса, которая позволяет осуществить цивилизационный прорыв.

Представления людей о мире и о себе, их интересы не остаются постоянными, а меняются от поколения к поколению, а возможности решения жизненных проблем зависят не только от готовности людей их решать, но и от их численности народов и от темпов демографического роста. Население, получив возможность демографического роста, растет скачками – от поколения к поколению. Выявив динамику демографического роста населения степной части Золотой Орды по рубежам количественных переходов из одного состояния в другое, мы можем дифференцировать демографический рост по поколениям. Получив исходные *количественные ориентиры*, мы можем перейти к рассмотрению процессов и событий, зафиксированных в исторических документах. Сопоставив эти процессы и события с поколениями и их демографическими возможностями, мы можем приступить к *качественному* анализу.

Осмысливая историю тептярей на фоне процессов в России и мире, историк и этнограф Р. Якупов пришел к целому ряду фундаментальных выводов, часть из которых может быть применена к истории Золотой Орды [Якупов, с. 241-250]. Из

дальнейшем. Здесь же достаточно обратить внимание на первое ограничение – природно-антропогенное. Поскольку, хотя природные условия лесостепи и лесов позволяют кормить в пять раз больше скота, чем в степях, летом, но не зимой. Если естественная лесостепь в целом (но каждый год) пригодна для зимних пастбищ, то искусственная, новая лесостепь, превращенная из леса, такими свойствами обладала тем в меньшей степени, чем больше удалялась на север от своей естественной границы – Большой климатической оси Евразии. Сохранение поголовья скота зимой всегда являлось тяжелой проблемой кочевников Евразии и зависело от многих обстоятельств, более всего от плотности снежного покрова. Традиционно гарантией сохранения стада являлись размеры зимних пастбищ и в самом стаде высокий удельный вес лошадей, способных своими твердыми копытами разбивать снег и делать доступной для следующих за лошадьми коров и овец лежащую под снегом траву. Чем беднее было кочевое общество в целом и каждый его член в отдельности, тем меньше было в стаде лошадей и больше овец. Чем больше было овец, тем реальнее становилась перспектива экологического кризиса, следствием которого всегда бывает социально-экономический.

его основополагающих положений, о чем писалось выше, следует, что главный фактор, влияющий на этническое развитие – *обретение новой родины*. Главная качественная веха – достижение *комплиментарности* между членами социальной общности. Главная количественная веха – достижение *критической массы*, необходимой для возникновения соционима. А главный этнический процесс – *этнокультурная консолидация* населения. Первым фактором, способствующим консолидации населения, является природно-географический. То пространство, на котором живут люди. Их вмещающий и кормящий ландшафт. У населения осваивающего новое географическое пространство должна выкристаллизоваться подсознательная убежденность, что это *их* земля. «Кристаллизация» начинается во втором поколении людей, пришедших на новую землю, и завершается в третьем, когда возникает чувство *хозяина земли*. Ощущение единства человеческой общности возникает при наличии *общего дела*.

ГЛ.1. ПОКОЛЕНИЯ ОБУСТРОЙСТВА

*В этой главе речь пойдет о роли и месте двух этносов – тюрков и монголов в историческом процессе смены трех демографических поколений. На «входе», в первом поколении завоевателей мы видим два этноса – монголов и тюрков. А «выходе» – в третьем поколении: один – тюрков. Монголы ассимилированы тюрками. Как произошел этот процесс? Ответ можно найти в истории взаимоотношений, интересах этносов, которые мы можем видеть только в проявлениях текущей социальной, экономической жизни. Однако многие историки полагают, что этнические отношения играли второстепенную роль для кочевого населения Золотой Орды. Там не было жесткого деления «своих» и «чужих», рыцарская этика не признавала этнических и конфессиональных различий или такие различия были невелики. Так оно выглядит, если рассматривать **отдельные** эпизоды, **статистику** отдельных кадров, но если переходить к долговременным процессам, то можно выявить первоначально незаметные явления, которые в своем развитии способны изменять жизнь социума в целом и эволюцию этносов, в частности.*

Тюрки и монголы первого поколения (1236-1256).

Что нам известно о событиях 1236-1256 из исторических документов? То, что начало государству Джучидов в Восточной Европе и Сибири имеет свою предысторию¹². То, что для завоевания Восточной Европы в помощь Бату-хану

¹² Оно было положено еще при жизни Чингиз хана. В 1207-1208 гг. после покорения сибирских народов он выделил область правления - улус - старшему сыну Джучи (Козин. С.147-175; Сафаргалиев, 1996. С.293). При этом небольшому владению в Южной Сибири Чингиз предписал расширяться в западном направлении «вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади» (Тизенгаузен, 1941. С.150, 204). После смерти Джучи в 1227 г., на курултаях 1227-1229 гг. были подтверждены права его сына Бату на земли Сибири, Булгарии, Дашт-и-Кыпчак (степной зоны Евразии от Алтая до Карпат), Башкирию, Русь и Черкесию до Дербента. Тогда же преемник Чингиз хана великий каан Угедей «во исполнение указа, данного Чингис-ханом на имя Джучи, поручил завоевание северных стран членам его дома». Однако первые попытки завоевания Джучидами западных земель в 1229 и 1232 гг. не удалось: монголов остановили тюрки – кипчаки (половцы) и булгары. Тогда на новом курултае в 1235 г. «состоялось решение овладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находясь по соседству становищ Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» (Тизенгаузен, 1941. С.22),

великий каан Угедей выделил 13 царевичей с их войсками и весной 1236 г. армия Бату из района Иртыша начала свое движение на запад. Осенью того же года отряды Бату вступили в пределы Волжской Болгарии и завоевали ее к концу года, разрушив города, истребив часть населения, которое не успело спрятаться в лесах и убежать на Русь. Затем в 1237-1241 гг. монголы опустошили Русь, половецкое поле и Тавриду. После этого преодолев Карпаты, прошли по землям Польши, Венгрии, Сербии и остановились на Адриатическом побережье¹³. Однако они были обескровлены тяжелыми сражениями. В 1241 г. умер каан Угедей. Возникла угроза династической распри и междоусобных войн. Войска Бату возвратились в степи Восточной Европы.

Политическая история Золотой Орды начинается с 1243 года, когда Батый возвратился из похода в Европу, великий князь Ярослав первым из русских правителей прибыл в ставку монгольского хана за ярлыком на княжение¹⁴ и обозначились границы Улуса Джучи, включившего в себя степи Западной Сибири, Казахстана и Восточной Европы до Дуная, Северный Кавказ, Крым, Молдавию, Волжскую Болгарию, мордовские земли, Русь и левобережный Хорезм.

В то время столицы, как таковой, государство не имело, хотя были быстро восстановлены разрушенные в ходе завоевания крупные города, такие как Ургенч (Хорезм), Болгар (бывшая столица Волжской Булгарии), Дербент. Власть сосредотачивалась в ханской ставке, а хан кочевал в степи с весны до поздней осени, зимую в первые годы, возможно, в Болгаре. Позже около 1250 г. он стал зимовать в низовьях Волги, где для него и знати строились дворцы разноплеменными ремесленниками из покоренных народов. По ханскому дворцу возникающий город стал зваться Сараем¹⁵.

После завоевания наступил период без войн и восстаний побежденных народов. Лишь десять лет спустя восстала Русь¹⁶. В Северо-Восточной Руси было подавлено восстание, поднятое братом Александра Невского Андреем (1252 г.) и в Юго-Западной Руси восстание Даниила Галицкого (против него совершали походы хан Хуррумши и Бурундай в 1250-е гг.).

Из всего, что мы знаем о событиях времени первого поколения завоевателей, пожалуй, самым непонятным до сих пор остается неожиданное прекращение нашествия на Западную Европу. И на этот факт мы попробуем взглянуть с позиций рядовых воинов армии Бату хана.

Почему не был выполнен завет Чингис хана

¹³ При этом, как писал историк XV века ал-Айни, монголы «захватили то, что могли захватить, и уничтожили тех, которых были в состоянии уничтожить», из-за чего «опустели земли и обезлюдели страны» (Тизенгаузен, 1884. С.503).

¹⁴

К 1244 все русские князья получили ханские ярлыки (грамоты) на княжение.

¹⁵ Сарай – по персидски дворец. Первые свидетельства о Сарае-Бату относятся к 1254 г.

¹⁶ В 1249/1250 г. братья Александра Невского Андрей и Ярослав «подняли восстание против монголов, надеясь, что смена хана в Каракоруме позволит им избавиться от вмешательства Орды в русские дела». [Кучкин, с. 20]. На Андрея была послана карательная экспедиция Неврюя, на Даниила Галицкого – Хуррумши (Куремсы в русских летописях) см. [Горский 1996].

Улус Джучи был частью империи, созданной Чингис ханом. Хотя численность монголов в Улусе, по-видимому, не превышала 5% общего количества кочевого населения Улуса, это отнюдь не мешало монголам быть не просто господствующей, но и руководящей силой общества¹⁷. Для этногенеза вопрос был в другом: на что было направлено руководство элиты? Способствовала ли проводимая властью внутренняя политика консолидации всего степного населения?

Консолидации далеко не всегда способствуют общие традиции, язык и образ жизни. История полна примеров того, что наиболее непримиримыми врагами становятся прежние соратники, родственники, соплеменники. А разные люди, не родственники, не соплеменники, у которых разные традиции, язык и образ жизни при наличии общих интересов сближаются и со временем у них появляются общие традиции, язык и образ жизни. Важнейшим консолидирующим фактором является *общее дело*. Если оно есть и остается неизменным в течение длительного времени, то способствует появлению и общих традиций, и языка, и образа жизни. Таким изначально объединяющим общим делом чаще всего является совместная защита против внешнего врага, но может быть и общее дело по совместному обустройству текущей и грядущей внутренней жизни.

Воины Бату, которые завоевали Восточную Европу и ввергли Западную в состоянии ужаса, помимо грабежа жителей городов, взятых штурмом, имели одну общую задачу, одно общее дело – завоевание новых земель. При завоеваниях новая «пустая» земля возникала за счет изгнания аборигенов. Однако имелись и различия в целях знати и рядовых воинов. Хотя М.Г. Сафаргалиев утверждал, что «главная причина монгольского завоевания заключалась в стремлении приобрести большие необитаемые пространства земли, как неперемное условие кочевого способа производства» [Сафаргалиев, 1996, с. 93], с эти утверждением можно согласиться лишь частично. Действительно, завоевание новых земель было целью и рядовых тюрок, и монгольской знати. Знать стремилась иметь возможность получения постоянной дани с покоренных земледельческих народов. Лишь при завоевании Северного Китая монгольская знать рассматривала возможность истребления завоеванных народов. Один из наиболее авторитетных исследователей Золотой Орды, В.Л.Егоров, пишет: «Активно действовавший при жизни Чингисхана и его преемнике Удегэе первый министр Елюй-Чуцай разработал общеимперские принципы обложения данью покоренных земель. При этом ему пришлось преодолеть сопротивление консервативной части степной аристократии, призывающей каана к поголовному истреблению покоренного населения и использования освободившихся после этого пространств для нужд кочевого скотоводства. С помощью цифровых выкладок Елюй-Чуцай доказал во много раз большую выгодность обложения завоеванных народов данью, а не истребление их» [Егоров, 1996, с. 55].

Интересы монголов могли заключаться в завоевании всей Европы, чтобы получать дань со всех народов Европы. А что ждало бы тюрок, если бы они остались в Западной Европе? Стать новым сословием воинов и жить в городах. Но желали ли этого? Их предки, да и они сами как жить в городах не знали, да и не хотели этого знать. Они хотели вести привычный кочевой образ жизни, что было физически невозможно в Западной Европе. Они могли с риском для жизни

¹⁷ К примеру, в России XVIII в. дворянство, осуществлявшее радикальные преобразования, не превышало 2% общей численности населения империи [динамику роста дворянства в России см. Миронов 1999, т. 1, с. 130; т. 2, с. 208].

штурмовать западноевропейские города и замки только затем, чтобы иметь трофеи. Но после завоевания Руси трофеи уже потеряли притягательность новизны. Они их бросали по дороге от одного города к другому или после взятия следующего города.

До сих пор историки спорят, почему Батый прекратил завоевание и навсегда ушел из Западной Европы, дойдя до Адриатики, находясь буквально в двух шагах от Вечного города – Рима. Говорят об усталости воинов после покорения Руси и похода в Западную Европу, о необходимости Бату ехать на выборы нового хана монгольской империи. И действительно, эти резоны имели место, хотя на выборы он не поехал, а блестящие победы в Западной Европе достались армии Бату малой кровью. Последнее убедительно доказывает А.Ш. Кадырбаев в обстоятельном анализе похода Байду, разгромившего в битве при Легнице объединенные рыцарские силы Западной Европы [Кадырбаев 2006].

На Польшу пошел полководец Байду с одним или, что менее вероятно, двумя туменами (т.е. десятью-двадцатью тысячами воинов)¹⁸. Монголы не все осажденные города брали штурмом, но в полевых сражениях были непобедимы, используя не только непривычную для европейцев стратегию и тактику, но как удалось выявить Кадырбаеву, технические средства, на века опережающие европейские – отравляющие вещества массового поражения. О полном тактическом превосходстве воина степняка над европейским рыцарем исследователь пишет следующее.

Под Легницей «Генрих решил дать степнякам полевое сражение, уповав на численное превосходство своей рати и главное, на тяжеловооруженных польских и немецких рыцарей, перед атакой сомкнутым строем которых, как ему казалось, не должна была устоять легковооруженная конница кочевников ... Но исход сражения был решен необычной для европейцев тактикой степной конницы, очень маневренной и быстроходной, спаянной строжайшей дисциплиной под единым командованием, основанной как на системе материального поощрения, так и на жесточайших карах за проступки... Тактика конных атак монголов была отработана до мелочей ... при Легнице европейцы столкнулись с полным набором этих боевых приемов: ложными отступлениями с заманиванием в засаду под удар основных сил, членением отрядов по фронту и в глубину, использованием скрытого резерва. Луки монголов и тюрок были более дальнобойными по сравнению с европейскими... Сражение открывалось атакой лучников, которые вели массированный и одновременно прицельный огонь с коней, причем точность его была такой, что стрелы то и дело поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы его луков, что ошеломяло европейцев. Этот прием заключался в том, что степные лучники поотрядно выстраивались цепью в круг и начинали атаку, "вращаясь" перед фронтом противника по часовой стрелке – так что мишень всегда была слева от стрелка, т.е. в самой удобной для него позиции. В зависимости от длины фронта стрелок успевал сделать 2-3 выстрела, после чего

¹⁸ Наступление монголов на Западную Европу велось одновременно в трех направлениях, образно говоря, по всей широте фронта, что свидетельствовало о стратегической уверенности в своей силе. «Южную колонну возглавляли Орда, Кадан и Субедей. Они прошли по Трансильвании, захватили города Родна, Бестерце, Варадин, Сибиу и др. Северная колонна Байду и Кайду зняла Сандомир, под Хмельником разгромила объединенную польско-краковскую армию (18 марта 1241 г.), а затем овладела Краковом (28 марта). 9 апреля под Легницей Байдар уничтожил цвет немецко-польского рыцарства. Центральная колонна во главе с Бату двигалась через Верецкий перевал; 11 апреля у р. Шайо она уничтожила армию Белы IV (сам король бежал), 16 апреля пал Пешт. В январе 1242 г. капитулировал Эстергом» [Тартарика, с. 278].

"хоровод" уводил его из зоны стрельбы, и он мог подготовиться к очередной серии выстрелов (в колчане у него было 60 стрел), не подвергаясь опасности, тем более что постоянно был в движении. Противник же оставался практически неподвижной мишенью, а тучей летящие стрелы, пущенные всего с 20-40 метров, точно попадали в самые уязвимые места ... Легкие клинки и доспехи, а также наличие у каждого степного воина запасного коня, когда во время бешеной скачки он мастерски перескакивал с лошади на лошадь, позволяли им лучше маневрировать в бою. С детства степняки осваивали меткую стрельбу из лука на полном скаку, технику езды под брюхом лошади или свесившись на один бок, так, что стрелы противника не могли поразить их. Они умели вскакивать на мчащуюся лошадь и падать с нее из седла, свешиваться на стремянах и волочиться по земле, притворяясь убитым, ловко набрасывать на врага аркан и подхватывать на скаку лежащий на земле предмет, стоять в седле во время скачки.

Представим теперь, в связи с этим, чувства польских, немецких и французских рыцарей в бою под Легницей. Привыкшие к размеренному передвижению в строю, европейским способам ведения боя, к упоительным атакам под развернутыми знаменами, рыцари терялись перед новым противником. Вот скачет рыцарь, чьи доспехи весят 50 кг, навстречу смуглому ордынцу, намереваясь пронзить его пикой, а степняк вдруг резко поворачивает в сторону на своей обученной лошади и выволакивает немца из седла особым крюком, который оказывается у него под наконечником копья. А за ним несется следующий степняк с занесенным кривым клинком... Польский рыцарь гарцует перед вражеским батыром, хочет скрестить с ним клинки в честном поединке – и вдруг летит аркан и рыцарь валится на землю в своих пудовых латах, становясь неповоротливым и беспомощным...» [Кадырбаев 2006, с. 80-82].

Столь красочное, показательное избиение рыцарского ополчения под Легницей, запечатленное и польскими историками¹⁹, ввергло Западную Европу в состояние ужаса, парализующего волю к сопротивлению. Но победоносная армия не стала закреплять победу.

Победоносная армия Бату, профессиональная по боевым качествам, в социальном отношении была вовсе не профессиональной армией, а – всенародным ополчением. При оборонительных войнах такой тип армии естественен, при наступательных – редкий феномен в истории народов.

¹⁹ «В том же году произошла битва под Легницей. Сражение шло с переменным успехом; татары, прибегая к всевозможным хитростям, пытались запугать поляков. Они издавали устрашающие крики, водружали на шесты омерзительные головы, из которых сочились боевые газы. В конце концов польское войско не выдержало натиска превосходящих сил противника. Генрик Благочестивый, „потеряв всякую надежду, защищался с великим мужеством, отбиваясь от нападавших татар то слева, то справа. Но когда воздетой кверху рукой хотел он поразить приближавшегося к нему татарина, другой татарин вонзил ему копье подмышку, и Генрик, опустив руку, свалился с коня. Татары с криками и гиканьем схватили его и оттащили в сторону, на расстояние двух выстрелов из лука; и только там отрубили ему голову, воткнули её на шест, с тела сорвали княжеские одежды и обнаженный труп бросили в поле”, - рассказывает в своей хронике Длугош. А вот цистерцианцы из Генрикова записали следующее: „Надобно [...] знать, что язычники вторглись в силезскую землю и года Господня 1241 и того же года апреля 9 дня убили под Легницей Пана Генрика, благой памяти досточтимого князя этой земли. При жизни князь полновластно правил и в Великой Польше и славно в Кракове”. Смерть Генрика и распад его государства замедлили процесс объединения Польши.» [История Польши 1995, с.30].

Итак, армия была всенародным ополчением. Ее подразделения – десятки и сотни строились по родовому и племенному принципу. Каждый погибший и увечный из десятка был не только соратником по оружию, но и ближайшим родственником, а из сотни – дальним родственником. Такое строение означало доверительные отношения друг к другу даже в тоталитарной армии, где недопустимо инакомыслие, где за любое нарушение была одна мера наказания – смертная казнь. А раз так, то невозможно представить себе, чтобы они не задумывались и не обсуждали вопрос: а для чего жертвы? Жертвы не просто соратников, но близких и дальних родственников.

Поразительно, что историки до сих пор не задавались вопросом: а нужно ли было завоевание Западной Европы рядовым воинам – массе армии Бату? Зачем погибать и получать увечья? Ответ известен: не ради собственных интересов, а ради интересов монгольской знати. В Западной Европе тюркам невозможно было вести кочевой образ жизни, что означало в понимании кочевников невозможность самой жизни. В походе на Западную Европу почти три года с 1239 по 1242 воины Бату непрестанно воевали неизвестно ради чего и в последние два года вообще не видели своих семей. Надо полагать, что психологическая усталость (именно психологическая, поскольку армия была победоносной) была огромной.

Известно, что западноевропейский поход Бату хана начался и закончился в степях Дешт-и-Кыпчака. О чем этот факт говорит нам? О том, что семьи – матери и отцы, жены и дети воинов во время походов находились не где-нибудь, а в степях Восточной Европы – в Дешт-и-Кыпчаке. Во время дальнего похода на Запад семьи остались на востоке. И тюркской массе армии Батыя естественно хотелось вернуться к семьям, которые не случайно не сопровождали воинов в походе на Запад: в Западной Европе нет степей за исключением маленькой венгерской пушты. Только в Восточной Европе была огромная степная зона, причем это были лучшие степи всей Евразии. Только там у них было место для жизни.

Три потока Батыевой рати собрались в 1242 году на берегах Адриатики. Мы не знаем, как подводила итоги похода монгольская знать, что думали военачальники о смерти каана в далекой Монголии, какие толковища вели рядовые воины о своем прошлом, настоящем и будущем. Известен «сухой остаток»: впервые монголы нарушили завет Чингис хана – двигаться за Запад до тех пор, пока будет земля, на которую может ступить копыто монгольского коня. Более того: после западного похода Бату наступило мирное время, и это был единственный период правления, как подчеркивает В.Л. Егоров, когда Золотая Орда не вела никаких войн [Егоров 1995, с. 52].

Может быть, монголы и покорили бы Западную Европу, если бы после взятия Киева, сопровождавшие Батыя его ближайшие родственники – 12 чингизидов продолжили бы вместе со своими нукерами поход на Запад. Но на запад Бату хан шел один, всего лишь с четырьмя тысячами монголов, доставшимися ему в наследство от Чингис хана. Шел во главе разноплеменного войска, ядро которого составляли тюрки, а также русские и народы Северного Кавказа. Любой вождь обязан чувствовать и считаться с желаниями масс. Батый возвратился в Дешт-и-Кыпчак и больше не ходил в походы на Западную Европу.

Нарушив завет Чингис хана, монголы явно уступили желаниям рядовых воинов и ограничили свои интересы, но не утратили инициативы и лишь перенаправили свою роль ведущей силы не на новые завоевания, а на закрепление уже завоеванного. Была ли это временная уступка или принципиальное изменение

стратегии развития зависело от дальнейшего изменения соотношения сил и интересов различных этнических групп завоевателей.

На этапе завершения похода на Запад в отношении Восточной Европы цели всех этносов первого поколения завоевателей, если не совпадали, то и не противоречили друг другу. Монголы получили власть и вместе с ней собственность: право владеть природными и человеческими ресурсами завоеванных народов. Тюрки получили землю. При этом для истории народа и названий его племен важно знать, как ее получили. Получили, так сказать, по армейскому распределению. Монгольское войско формировалась по аилам – семьям. Десять аилов – десяток воинов. Сотня – род – сотня воинов. Племя – тысяча, десять тысяч аилов – 10 тысяч воинов (тьма). Тысячи и тьмы у монголов формировались по племенному принципу. Новые земли могли распределяться только по тому же принципу. Во главе сотни, сформированной из тюрков, стояли сотники – монголы и тюрки, но во главе тысяч и темь – только, или, как правило, монголы. Когда монгольские тысячи ушли домой, монгольские военачальники тюрков остались. Поскольку тысячи и тьмы назывались по тысячникам и темникам, то отсюда и ведут свое происхождение монгольские названия тюркских родов Золотой Орды. Иными словами, монгольские названия тюркских родов вовсе не отражают монголизацию тюрков, равно как, исходя из этнонима балканских болгар, утвердившегося от болгар-тюрков, не возможно утверждать, что население не только современной, но и средневековой Балканской Болгарии – тюрки, а не славяне.

После завоевательных походов у тюрков было «свое» дело – обустройство своей жизни на новых пастбищах. Попросту говоря, их «дело» было в том, чтобы мирно жить, хотя они вынуждены были нести повинности и воевать, когда монголы призывали их для подавления очагов сопротивления земледельческих народов, вошедших в состав империи. Во время походов на Русь и в Западную Европу монгольские тысячи в штурмах городов и в битвах, как правило, не принимали прямого, непосредственного участия. Они выполняли функции карательных заградительных отрядов. Располагались позади основного войска. И были готовы в случае невыполнения приказа или отступления карать нарушителей, т.е. расстреливать и рубить своих. В походе на Русь исполнителями воли монголов были преимущественно тюрки, в походе на Европу, кроме тюрков, кавказцы и русские. Войско было разноплеменным, но дисциплинированным: если бы оно вдруг отказалось повиноваться, то на помощь немногочисленным отрядам монголов готовы были придти монгольские военные соединения из Центральной Азии.

Ни на минуту не следует забывать, что **вплоть до создания Золотой Орды – независимого от монгольской империи государства – тюрки не были полноправными хозяевами своей земли, а, как и жители завоеванных земель, были подневольным народом. Более того «кочевое население оказалось первоначально для золотоордынской верхушки наиболее удобным, естественным объектом угнетения и эксплуатации. Оседлые земли она грабила, разоряла, уводила оттуда народ, обкладывала тяжелой данью. Но в управление хозяйственной жизнью оседлых народов она не вмешивалась. Непосредственными эксплуататорами оставались местные феодалы»** [Федоров-Давыдов 1994, с. 8, выделено мною – Э.С.].

Итак, тюрки после всех великих походов хотели просто мирно жить, причем так, чтобы удовлетворялись базовые потребности, в которые входят – защита от

голода, холода, воспроизводство и получение удовольствий. После остановки движения на Запад в Южнорусских степях все эти потребности в Улусе Джучи для кочевых тюрков первых семи демографических поколений удовлетворялось практически полностью. Массовые голодовки, никогда не остающиеся без фиксации современников внутри страны и за ее пределами, были столь редким исключением на фоне общего состояния продовольственного благополучия, что остались незамеченными²⁰. Своеобразно была решена и проблема защиты жителей городов от холода. В Северном Китае незадолго до монгольского нашествия были изобретены каны, которые сразу нашли применение и в Золотой Орде. Кан – великое анонимное открытие в истории человечества²¹. Он создавал эффект соединения современного центрального отопления с традиционной русской печью с полатями. Кан позволяет эффективно использовать топливо и, при минимальных его затратах, обогревать большие помещения. Говоря о следующей базовой потребности – воспроизводстве, нужно учесть взаимосвязь потребностей. В средние века главным ограничителем демографического воспроизводства было полуголодное существование людей. Другим ограничителем был холод, вызывавший ослабление организма, болезни и смертность. Защита от голода и холода в Золотой Орде создавала благоприятные возможности для расширенного демографического воспроизводства.

Итак, если тюрки хотели просто мирно жить, то монголы должны были обустроить свое государство. Они продолжали процесс созидания могущественной мировой империи и, если не стремились осуществлять тотальное руководство этим процессом, то прилагали усилия к возможно более полному контролю его исполнения²². Иными словами, уже после закрепления завоевания монгольская знать и рядовые завоеватели-тюрки имели разные конкретные интересы. Причем для монголов обустройство государства было в буквальном

²⁰ Следует отметить, что условия жизни в Золотой Орде принципиально отличались от современных им в Западной Европе, которая была “миром на грани вечного голода, недоедания и употребляющим скверную пищу” [Ле Гофф, с. 223]. Вплоть до XV в. в Западной Европе не было практики импорта хлеба из отдельных стран и местностей. Там часто бывали локальные неурожай, не покрываемые урожаями благополучных местностей, и “рассказы об ужасах голода в качестве постоянного рефрена” лишь с XV в. стали сходиться со страниц хроник [Сказкин, с. 175, 176].

²¹ Обстоятельное исследование, посвященное канам см. [Крамаровский М.Г. 2005, с. 48-53].

²² В.Л. Егоров так характеризует государственное устройство Золотой Орды: «Административное деление государства полностью повторяло устройство монгольской армии. В соответствии с этим вся территория делилась на два крыла – левое и правое. Правое называлось Ак-Орда (Белая Орда) – этот цвет по монгольской традиции обозначал запад; левое называлось Кок-Орда (Синяя Орда), что являлось синонимом востока. Более мелкие административные единицы составляли улусы темников, которые раздавал хан самым крупным феодалам. Всего их было около 70-ти, причем с каждого улуса для общегосударственной армии выставлялся, как минимум, десятитысячный отряд в полном вооружении и на лошадях. Улусы темников дробились на владения тысячников, а те, в свою очередь, – сотников и десятников. И каждый из них за право обладания улусом с соответствующим населением обязан был выставлять определенное число воинов по первому приказу хана или беклярибека. Каждый владелец улуса хорошо знал границы собственных владений и предписанные ему маршруты кочевий с отарами овец и табунам лошадей» [Егоров 2005, с. 5-6].

смысле делом жизни и смерти, а для тюрков государство было нужно лишь для поддержания общего порядка. Пастбища скот на землях, с которых прежние хозяева были изгнаны (или лишены прав владения), они могли и без государства, как это неоднократно бывало в истории и тюрков, и монголов. Как это было у половцев, которые жили в русских степях родовым строем и не имели сильных стимулов создавать государство. Не было стимулов для создания государства и со стороны окружающей среды, не было «вызовов» не только соседей – стран и народов, но и природы.

В сравнении с другими эпохами, время смены первых семи демографических поколений Золотой Орды в целом ознаменовалось исключительно благоприятными климатическими условиями, способствующими увеличению поголовья скота, росту благосостоянию кочевников и расширенному демографическому воспроизводству. Во всем названном интервале времени, хотя зимы бывали холодными, не было иссушающей летней жары, а количество осадков было в пределах многовековой нормы, либо выше этой нормы. Здесь следует обратиться к исследованиям В.В. Клименко и А.М. Слепцова [см. Слепцов 2002; Слепцов, Клименко 2005; Клименко 2005], выполненных по проекту РФФИ «Теоретическое и экспериментальное моделирование социально-экологических процессов в истории России» (рук. Кульпин Э.С.). В результате исследований точность знания климата прошлого увеличилась втрое: впервые вместо тридцатилетних были получены десятилетние циклы.

Основные климатические характеристики представлены в нижеследующих графиках.

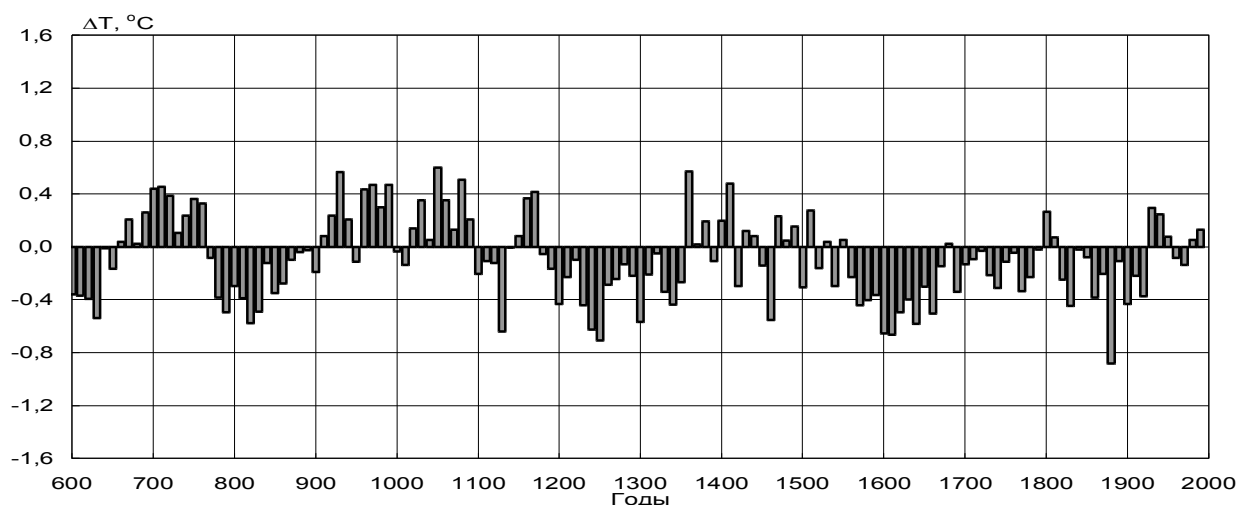

Рис. 1. Отклонения температуры лета (осреднение по 10-летиям) от современных значений для территории Русской равнины (обобщённые данные)

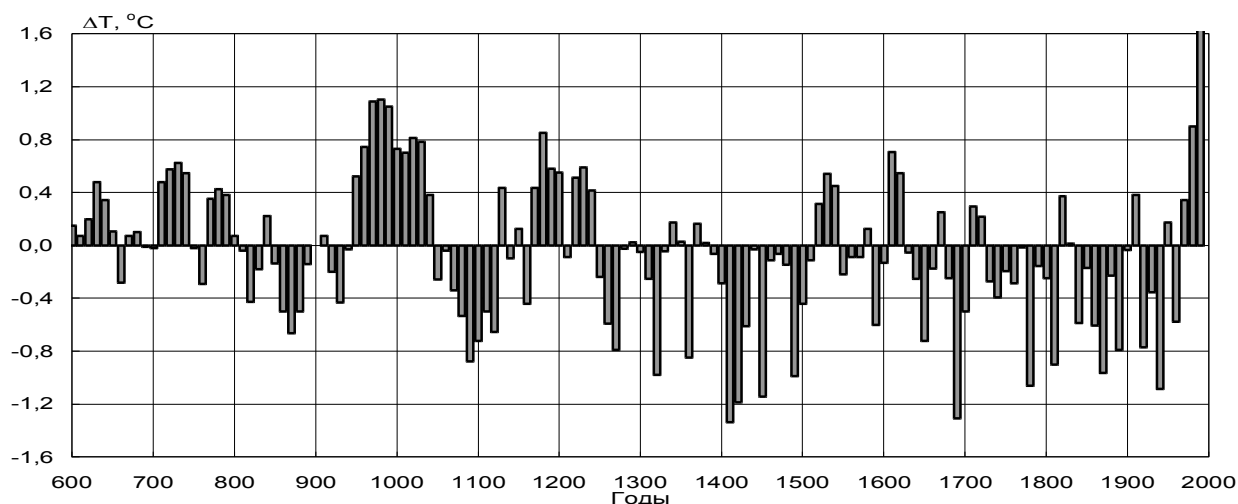

Рис. 2. Отклонения температуры зимы (осреднение по 10-летиям) от современных значений для территории Русской равнины (обобщённые данные)

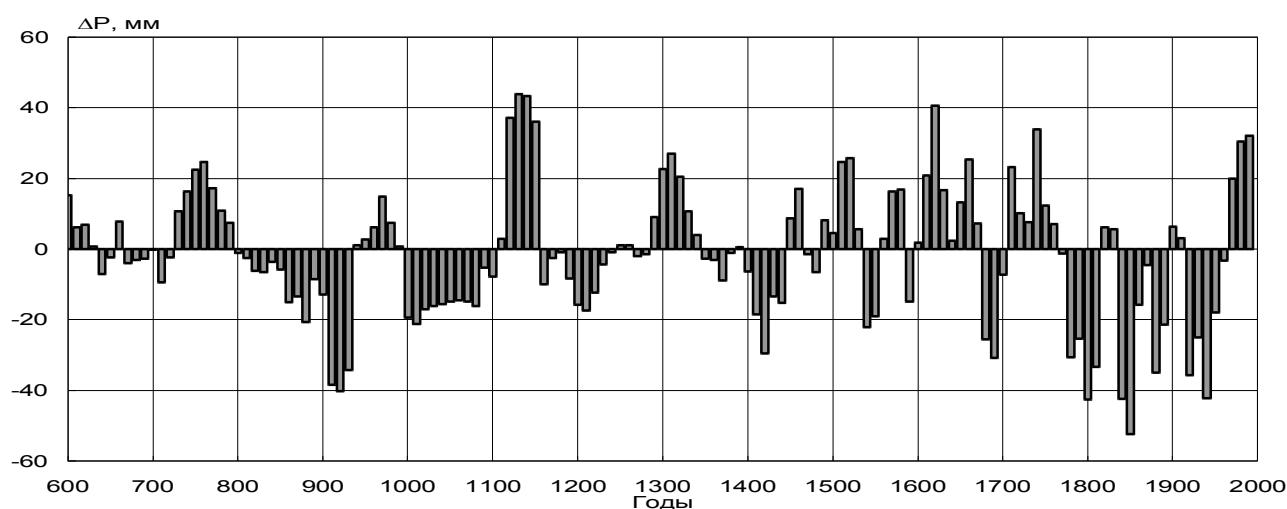

Рис. 3. Отклонения среднего годового количества осадков (осреднение по 10-летиям) от современных значений для территории Русской равнины (обобщённые данные)

Из взаимосвязанных показателей (см. рис. 1-3) наиболее важным для жизни биоценоза степи был последний, поскольку «в аридных и семиаридных областях лимитирующим фактором является увлажнение» [см. Иванов, Луковская 1997]. В целом вплоть до середины XIV в. климатические условия для кочевого скотоводства благоприятны: лета прохладные, зимы – теплые, осадки в норме, а в первой трети XIV в. осадков больше нормы. Во второй половине XIV в. климат меняется в худшую сторону - становится засушливым, количество осадков резко снижается, летние месяцы первого десятилетия второй половины столетия чрезмерно жаркие, зимние – морозные.

Ямы противостояния и единения

Монголы, прежде всего, были заинтересованы в создании и поддержании информационно-транспортной сети. Эта сеть являлась на первых порах необходимым условием жизнеспособности империи. Только быстрая передача информации могла гарантировать быструю реакцию войск, подавление

сепаратистских выступлений, а в случае невозможности Улуса Джучи обойтись своими силами, получить помощь от всей Монгольской империи. Как писал Г.С. Губайдуллин, «Дороги постоянно ремонтировались, велось большое строительство новых дорог. Через некоторые реки были переброшены мосты. У переправ через крупные реки содержались специальные лодки и лодочники, тут же на берегах рек были дома, где проживали проводники... Придорожным жителям вменялось в обязанность сопровождать государственных чиновников, путешественников и купцов, предоставлять им при надобности лошадей, кормить, устраивать их ночлег и отдых... На больших дорогах были сооружены специальные дома – ямы, в которых содержались почтовые лошади, всегда готовые для нужд путешественников» [Газиз 1994, с. 65]. Даже в тяжелых природно-климатических условиях полупустыни, «на отрезке этого пути от Хорезма до Волги через каждые 25-30 км (дневной переход каравана верблюдов) были построены караван-сарай с колодцами, а через реку Эмбу наведена белокаменная переправа» [Егоров 2005, с. 8].

Для будущего прототатар, для их консолидации это первейшее дело монголов в создании информационно-транспортной сети впоследствии оказалось важнейшим. Для самих же монголов важнейшим после коммуникаций было установление фискальной системы. Одновременно необходимо было содержать постоянный воинский контингент быстрого реагирования, способный немедленно ликвидировать любые очаги возможного сопротивления покоренных народов. Наконец, нужно было создать и обустроить постоянный административный центр Улуса.

Для удержания власти желательно было административный – политический центр государства расположить в месте, равноудаленном от анклавов плотного поселения, расположенных по окраинам государства. В противном случае эффективность управления дальней периферией при тогдашних средствах коммуникации была бы чрезвычайно низкой. Географический центр будущей Золотой Орды находился в степях, с их крайне редким населением. Монголы были поставлены перед необходимостью возведения новой столицы буквально на пустом месте. На это они решились не сразу. После возвращения из похода в Западную Европу в 1242 г. сначала Бату расположил свою ставку в Волжской Булгарии и лишь затем перенес ее в низовья Волги. Там незадолго до 1254 г. было положено основание первой столицы Улуса – Сарая Бату.

Мы не знаем, как конкретно выбиралось место для столицы улуса²³, но факт, что первая столица – Сарай-Бату была равно удалена от основных районов плотного населения, как на севере, так и на юге. Вторая столица – Сарай-ал-

²³ Г.А. Федоров-Давыдов писал: «Но почему золотоордынские ханы основывают новые города? Не выгоднее ли для них было сохранить мощь Болгара или Ургенча и сделать столицей старый город, чем строить на пустом месте? Вероятно, для них было живо воспоминание о том, что когда-то они не могли распоряжаться делами старых городов и были вынуждены довольствоваться только частью налогов с населения оседлых земель. Ханам Джучидам хотелось построить новые «ханские» города, где власть не надо было бы делить с баскаками или даругами, присланными из каракорумского дворца великого каана, где они были бы спокойны и единовластны в своих действиях. ... К тому же, расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы — Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья.» [Федоров-Давыдов 1994, с. 10-11]

Джадид (Новый Сарай) располагалась почти точно в середине империи, если смотреть с севера на юг: на 48° параллели северной широты, и лишь немного сдвинут от середины к западу по долготе – 46° восточной долготы (географический центр Золотой Орды – 50° северной широты и 51° восточной долготы). Сдвиг на запад был обусловлен не только великой меридианальной магистралью Восточной Европы – Волгой, но и “подкреплен” демографически: основная масса населения находилась в северо-западной части государства.

Даже один город построить на “обочине” хозяйственно-экономической системы не просто. Первая столица Золотой Орды – Старый Сарай (или Сарай-Бату, или Сарай-ал-Махруса) был построен, как и Норильск, – трудом высококвалифицированных специалистов, превращенных завоевателями в бесправных рабов. При этом если строили Сарай мастера из покоренных земледельческих народов, находящихся в рабском состоянии, то обеспечивать продовольствием и надзирать над ними монголы заставляли тюрок.

В созданной монголами транспортной системе переправы обслуживали также не только тюрки²⁴, но постоянные дворы – ямы, надо полагать, содержали только владевшие необходимым количеством скота и пользующиеся доверием монголов тюрки. Ямы располагались на расстоянии одного дневного пешего перехода – около 25-30 километров. (Для сравнения: установление регулярных почтовых трактов в России берет свое начало с 1707 г. с расстоянием между станами в 15 километров и содержанием на каждом постоялом дворе – стане по 10 лошадей. В конце третьей четверти XVII от Москвы до Тобольска станы из нескольких домов, т.е. семей, были установлены на расстоянии 55 км. Каждый дом должен был содержать по три лошади для проезжающих. [Вигилев, с. , 50, 80-81]).

Размеры Улуса Джучи были огромны и превосходили по размеру все другие улусы монгольского государства. С запада на восток Улус простирался на пять тысяч километров, с севера на юг – три тысячи. Дорог было много. И постоянных дворов было много. Сколько их было, мы не знаем, но можно предположить, что ямская повинность распространялась на многие, если не все рода кочевников.

Система постоянных дворов должна была, как упоминалось, обеспечивать путникам, прежде всего гонцам, кров, пищу, тягловую силу (лошади и верблюды) и транспорт (подводы). (В Российской империи только гонцов в первой четверти XVII, когда она по территории равнялась примерно половине Золотой Орды, было 2 тыс. человек [Вигилев, с. 40]). Обслуживать каждый постоянный двор, как показывает опыт почтовой службы России в тех же природных условиях, могли не менее трех семей, либо для кочевников – одна большая семья, род. Поскольку все мероприятия в монгольской империи распределялись по военному принципу – десяткам, сотням, а последние составлялись по принципу большой семьи, рода, то род должен был решать, кому и как содержать тот или иной постоянный двор. Содержать можно двояко: по вахтенному методу или на постоянной основе, когда члены рода должны были взять на себя обязательство содержать родственников, выполняющих государственную повинность. Если учесть, что в первом поколении пришедших в Восточную Европу было всего 50-55 тысяч семей тюрок, то повинность по обслуживанию постоянных дворов нужно было распределить по *всем* тюркским родам.

²⁴ М.В.Ельников, исследовавший Подднепровье пишет: «Необходимость обслуживания водных перевозов через Днепр и получение продуктов земледелия способствовали сохранению в регионе оседлого населения, основу которого составляли славяне, аланы и болгары» [Ельников 2005, с. 58]

Ямская повинность всегда тяжела для всех стран и народов. К примеру, условия жизни работников почтовых станов в Московском государстве XVII в. были, что характерно для этой службы, столь тяжелыми, что историки пишут так: «Когда просматриваешь бумаги об Ахтырской почте в делах Разрядного приказа ЦГАДА, создается впечатление, что почтари, кроме драк с гонцами, ничем больше не занимались – столь велико было количество челобитных на эту тему». Порядок на трактах установился лишь в XVIII веке. Бывали случаи нападения на почтарей, происходили грабежи гонцов. [Вигилев, с. 55, 65-67, 74-75]. В ямах монгольской империи, как ни тяжела была повинность содержания их, ничего подобного не было, хотя, не исключено, по одной причине: за любое нарушение порядка существовала одна мера наказания – смертная казнь.

Для кочевников эта ямская повинность была чрезвычайно тяжелой. Кочевники не могут находиться на одном месте, где скот быстро съест всю траву в округности и будет голодать, а вместе с ним будут голодать и люди. Кочевники должны кочевать. Как конкретно решался вопрос в семьях: кто должен был оставаться на одном месте и содержать постоянный двор, кто уходил со стадами на десятки, сотни километров от ям, мы не знаем. Знаем только, что **постоянное жительство на одном месте находится в непримиримом противоречии с хозяйственной практикой отгонного скотоводства и означало насильственное осажение части тюрок на землю.**

Впоследствии многие из постоянных дворов превратились в поселки, а потом и города. При этом следует отметить, что для первых одного-трех демографических поколений тюрок не существовало **точки невозврата**, или ситуации, когда нельзя было вернуться к кочевой жизни, да и для последующих поколений такая возможность не исключалась. Необходимость и возможность временной оседлой жизни, как срочная служба в армии, давала возможность осуществления *естественного селективного добровольного отбора* семей, желающих жить на земле постоянно, как ныне солдаты срочной службы остаются служить в армии по контракту. При этом дети, не желающие оседлого образа жизни, как их отцы, могли уходить к близким кочевым родственникам. Иными словами, для первых поколений завоевателей была возможность возвращения к кочевому образу жизни, что снимало традиционное психологическое отторжение кочевников оседлости.

В армии завоевателей немногочисленные монголы были господствующим этносом, тюрки – подневольным. Перед завоеванием Восточной Европы интересы монголов и тюрок совпадали лишь частично: монголы хотели новых пастбищ для своих огромных стад и стремились распространить свою власть на возможно большее число народов, чтобы обложить их данью, тюрки – обрести новое жизненное пространство. Объективный анализ возможностей осуществления желаний монголов и тюрок в Западной Европе показывает, что тюрки могли убедиться, что Западная Европа и их представления о нормальной жизни – несовместимы, что комфортно они могут жить лишь в Южнорусских степях Восточной Европы. В походе в Западную Европу, вероятно, впервые выявилось принципиальное расхождение интересов монголов и тюрок. Не исключено, что на вопрос, мучивший историков столь долгое время, почему Батый не стал утверждаться в Западной Европе, имеется простой ответ: Западная Европа не нужна была основной массе завоевателей. Именно тюрки, получив новый

вмещающий кормящий ландшафт в Восточной Европе, «голосованием ногами» приостановили дальнейшую экспансию монголов в Западную Европу.

По возвращению из похода на запад монголы направили свою энергию на государственное обустройство, тем самым они создали предпосылки будущего автономного от центральной власти Монгольской империи существования, с которой они не хотели делиться доходами с покоренных народов. В обустройстве государства монголы насильем использовали **все** покоренные народы, в том числе – тюрков. Таким образом, мы должны констатировать, что во время завоевания, которое включало в себя и подавление первых восстаний покоренных народов, интересы монголов и тюрков не были идентичными, у второго поколения – детей завоевателей расхождение интересов усилилось. Во втором поколении монголы продолжали обустраивать государство, в котором тюрки в то время не нуждались. Не все в той роли, которую монголы предоставили тюркам, объективно соответствовало чаяниям последних. Но первые два поколения тюрков, пришедших в Восточную Европу, еще было не в состоянии отстаивать свои интересы.

Тюрки и монголы второго поколения (1255-1273).

При жизни второго поколения завоевателей в истории Улуса Джучи отмечаются следующие крупные политические события. В 1257 г. Новгород и Псков выступили против тамги – торговой пошлины, а в 1259 – против «численников» - переписи населения. В 1262 г. волна новых выступлений против сборщиков налогов прокатилась по городам Северо-Восточной Руси – Ростову, Угличу, Устюгу, Ярославлю, Суздалью, Владимиру. Все восстания были сурово подавлены Александром Невским.

В 1259 г. Бурундай также нанес сокрушительное поражение полякам – союзникам Даниила Галицкого и литовцам. После этого окончательно установились западные границы Улуса по реке Прут и Карпатам – естественной границе восточноевропейских кочевых племен. В последующие сто лет изменениям подвергались в основном лишь южные границы: шла борьба за Закавказье с Хулагидами. Интенсивные военные действия пришлись на 1260-е гг. Сначала Джучиды дважды нанесли тяжелый урон Хулагидам в 1263 и 1265 гг., но затем сами потерпели поражение в 1267 г. После чего столетнее противостояние продолжалось без крупных военных действий.

Следует отметить, что **монгольская знать не знала другого образа жизни, кроме войны и охоты. При этом война была смыслом жизни**²⁵, а охота – главным способом получения общественного удовольствия. Поддержанию смысла жизни служила столетняя война с Хулагидами и войны с ближайшими соседями. Но эти войны (не потому ли, что они не были нужны тюркской массе?) уже не требовали полного напряжения сил всех народов Улуса, а затем и империи Золотой Орды.

«Район наиболее сильных конфликтов пролегал в Закавказье, где Золотая Орда стремилась занять стратегически важные города Нахичевань, Марагу,

²⁵ Как пишет В.Л. Егоров, «на протяжении 57 лет прошедшего, XIII века монголы совершали неоднократные походы на Северо-Восточную и Юго-Западную Русь, Литву, Польшу, Венгрию, Сербию, Дунайскую Болгарию, Византию, Иран, а однажды даже находились на грани военного конфликта с собственной метрополией - Каракорумом. Столь устрашающая военная активность привела к тому, что все соседи старались держаться подальше от границ Золотой Орды, которая всегда была инициатором агрессивных начинаний» [Егоров 2005, с. 12-13].

Тебриз – центры торговли по Великому шелковому пути и плацдарм для завоевания всего Ближнего Востока. Войны, разгоревшиеся здесь с 1262 г., шли с перерывами и переменным успехом вплоть до 90-х годов XIV века. Однако, ни Джучидам, ни их противникам одной из сторон конфликта не удавалось ни вытеснить противника полностью из Азербайджана, ни нанести ему решительного поражения. Это была «столетняя», вяло текущая война» [Исхаков, Измайлов, с. 60]. Не случайно эту войну Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов характеризуют как «вялотекущую», которая «нужна была обеим сторонам для поддержания своей военной мощи» [там же]. Так, наверное, оно и было в военном отношении, но в социальном ее значение было в ином. А именно: в утверждении полезности власти для народа в выполнении важнейшей функции государства – защите своего населения от внешних врагов, а также в напоминании не чужим, а своим, кто хозяин в общем доме. Демонстрацией способности защиты от внешних врагов и служила вялотекущая столетняя война с одним и тем же противником – другой такой же монгольской знатью.

Тоталитаризм и демократия степи

В мирное время власть, если хочет иметь поддержку населения, должна демонстрировать свою полезность для общества. Это фундаментальная закономерность. Все народы желали мирно жить, но среди всех народов наиболее весомым для монголов был голос тюрков, обустроившихся на своей новой родине. Монголы должны были либо способствовать этому, либо не мешать, но в подавляющем большинстве случаев они должны были действовать при этом в соответствии со своими традиционными представлениями о жизни. И здесь необходимо обратиться к аргументам социальной психологии.

События могут быть случайными, но процессы случайными не бывают. Их логика диктуется не столько внешним воздействием, сколько глубинными внутренними установками больших человеческих коллективов – общественным бессознательным. Эти глубинные установки общественного бессознательного проявляются на протяжении многих поколений, находятся, образно говоря, в крови народа, являются архаичными, они являются важнейшими элементами того, что мы образно называем генетическим этническим кодом. Исследования в этой области, несмотря на ее чрезвычайную важность, находятся в зачаточном состоянии и представлены немногими единичными исследованиями, значения которых трудно переоценить.

Принципы традиционных социально-экономических и социально-психологических отношений в Монголии впервые проанализированы Дашпуревым в докторской диссертации, защищенной в 1995 г. в Институте философии РАН [Дашпурев]. Дашпурев сделал попытку понять причины стремительных переходов у монголов от государства, жестко контролирующего все сферы жизни, к безгосударственной самоуправляемой демократии малых степных сообществ, и пришел к следующим выводам.

В конечном счете, общественные отношения кочевников, основанные на моральных традициях, психологических установках и религиозно-мировоззренческих представлениях, имманентно присущих этому обществу, определяются спецификой кочевого скотоводческого производства. Традиционное кочевое скотоводство немыслимо без глубокого знания потребностей животных и путей удовлетворения этих потребностей. Пастух должен не просто знать эти потребности, но относиться к ним с сочувствием, не

просто понимать, но любить животных. Это отношение сторицей вознаграждается. Если же он будет формально выполнять свои обязанности, стадо будет хиреть. Формальное выполнение обязанностей в кочевом скотоводстве аналогично современной забастовке по правилам. Точно также как любой современный работодатель, чтобы избежать забастовки по правилам и, как следствие, возможного банкротства, должен считаться не только с материальными, но и духовными потребностями работников, относиться к ним с известным уважением, точно также и степной феодал должен относиться с уважением к простому арату. В мирной степи нет места бездушным отношениям господства и подчинения. Специфика кочевого общества, согласно Дашпуреву, состоит в том, что комплиментарные отношения между людьми и животными, воспроизводятся и между людьми.

Во время войны простой воин полностью зависим от военачальника, приказ начальника – закон для подчиненных. Так оно и должно быть в армии. Но армия у кочевников – это одновременно и народ. Армейские отношения – это одновременно и социальные отношения. Поэтому политический режим кочевого общества военного времени можно характеризовать как жесткий тоталитаризм. В мирное время бывший военачальник, а теперь степной феодал полностью зависит от качества работы пастуха. Пастух лучше хозяина знает, что нужно его стаду. Чтобы его хозяйствование было производительным, ему нужно предоставить свободу действий, как на современном производстве хороший руководитель предоставляет работнику самому быть ответственным за свое рабочее место. В мирной степи в социальных отношениях, если и не полная демократия, то уже и не тоталитарный режим.

Нет сомнений, что традиции, лежащие в общественном бессознательном кочевников - монголов и тюрков, «сработали» после окончания тотальных войн. В специфическом этносоциальном строе жителей степей отход от тоталитаризма означал возвышение значения тюрков, открывал перед тюрками возможность стать из ведомого ведущим этносом. В совокупности процессов и основных событий того времени, учетом специфики степного традиционного менталитета, мы можем констатировать во втором поколении начало перехода роли ведущего этноса в полиэтничном государстве – от монголов к тюркам. Этот процесс внешне был незаметным, поскольку главные решения принимала монгольская элита и во взаимоотношениях с другими народами она заставляла тюрков выполнять малопривлекательные государственные обязанности.

Становление государства и общества

Для управления завоеванными народами монголы должны были установить налоговую систему, а для непрерывного напоминания покоренным народам об их побежденном состоянии монголы поставили гарнизоны в главных городах завоеванных стран. Для упорядочения сбора дани монголы во втором поколении провели несколько переписей населения²⁶. Во время жизни первого демографического поколения (1257-1259 гг.) Джучиды впервые произвели перепись подвластного населения, ввели единое подворное налогообложение, учредили постоянную военно-политическую организацию населения в лице десятников, сотников, тысячников и темников, установили институт баскаков –

²⁶ «Очередные переписи проводились после смерти хана. Например, после смерти Бату... При следующем хане Бэркэ, вступившем на престол в 1257 г. были проведены две переписи» [Газиз, с. 70]

наместников хана, посаженных в отдельных удельных княжествах для контроля за деятельностью удельных князей и окончательно утвердили различные повинности (ямскую, воинскую и др.). При жизни второго поколения под руководством монголов были успешно подавлены крупные восстания покоренных народов, прежде всего, русских.

Утверждение В.Л. Егорова о том, что после завоевания Восточной Европы «оставшиеся в подчинении Бату феодалы и простые воины с семьями составили основу государственного аппарата и армии» [Егоров 2005, с. 6] справедливо. Но при таком обобщении, остается в тени различие функций и роли монгольской знати и рядовых воинов. Не тюрки, именуемые уже тогда на Руси татарами, распоряжались собранной данью, но они становились объектами ненависти.

Не имея своего подготовленного штата мытарей, монголы отдали сбор налогов откупщикам – арабам, которые использовали сбор дани для личного обогащения. Мы не знаем, насколько собираемая дань превышала десятину – установленный размер налога согласно основному закону монголов – Ясе Чингис хана. Неопределенность налогового бремени – источник возмущения во все времена. Присутствие оккупантов также во все времена вызывало ненависть побежденных народов. Переписи населения вызывали не только ненависть, но и страх. В понимании средневековых людей слово и число имели мистический смысл. «Взять число» для средневековых людей означало взять власть над их душами.

Для рядовых тюрков охрана сборщиков налогов, проведение переписей населения, несение гарнизонной службы, были не только психологически малоприятными, но и тяжелыми повинностями, отрывавшими их от родных семей, которые находились за сотни и тысячи километров. К тому же, о чем обычно не принято говорить, публичных домов в то время не было, а насилия, привычное дело для победителей во все времена, не были таковыми при несении гарнизонной службы.

Коренные интересы монгольской знати и рядовых тюрков не совпадали. Монголы были заинтересованы в сохранении гарнизонов – гарантов устрашения покоренных народов, тюрки – в ликвидации гарнизонов.

Для удержания власти над покоренными народами желательно было превратить уже созданный административный – политический центр государства, расположенный в месте, равно и далеко удаленном от анклавов плотного заселения, в экономический и культурный. Если бы этого не удалось сделать, то связи между этими окраинами и внешним окружением могли оказаться более тесными, чем между частями империи, что изначально обусловило бы нежизнеспособность самого государства.

Географический центр Улуса находился в половецких степях. «Половецкая степь не была окраиной Золотой Орды. Это были главные ее районы» [Федоров-Давыдов 1994, с. 12]. Население степи было редким, в соответствии с характером хозяйствования – кочевым скотоводством, но, что следует подчеркнуть, монолитным – тюркским. Иными словами, географический центр Улуса находился в центре тюркского мира. Этот момент мог оказаться решающим для процесса этногенеза.

Именно центр тюркского мира, где не было оседлого населения, нужно было хозяйственно освоить и заселить. Проблема эта практически не имеет аналогов в

мировой истории. Уникальность проблемы требовала нетривиальных решений. Не знаю, насколько завоеватели осознавали ситуацию именно так, как она описана выше. Нельзя преуменьшать интеллектуальные способности прошлых поколений, как не стоит и преувеличивать. Известно, что советниками Чингис хана и Бату были представители многих народов Дальнего и Ближнего Востока, среди которых нужно выделить китайцев. Китайская цивилизация в то время была не только древнейшей, но и самой высокой. Нигде проблемы государственного управления не были так полно и детально изучены, как в этой цивилизации. В процессе консолидации важную роль играл не только географический фактор, о котором уже говорилось, но конфессиональный, и экономический.

В средневековье моноэтничной и полиэтничной среде «свои» и «чужие» определялись, прежде всего, по конфессиональной принадлежности. В наследство от империи Чингис хана Улусу Джучи досталась широкая веротерпимость. Она была обусловлена тем, что до начала завоеваний монголы не были конфессионально однородными. По большей части они были тенгрианцами и христианами несторианского толка. В империи Чингис хана, в среде монгольских ханов и их кланов из ближайшего окружения, традиционно был распространены шаманизм и христианство несторианского толка, например, у кереитов и найманов [Кычанов, 1997. С. 192]. По мере завоеваний среди монголов увеличивалось число приверженцев ислама. Завоеванные народы – турки, персы-хорезмийцы, русские, северокавказские этносы были тенгрианцами, христианами, мусульманами, часть тюрков-хазар – иудаистами.

Твердая государственная политическая установка на веротерпимость²⁷ способствовала тому, что представитель любой конфессии не чувствовал себя ущемленным. В этом государстве не было деления на своих и чужих ни по конфессиональному, ни по этническому признаку. И это для средневековья было явлением выдающимся и высокогуманным, характерным как идеал только для нашего времени, а на практике воплощенным далеко не во всех государствах мира. Как важнейшие вехи процесса утверждения и поддержания веротерпимости, следует отметить образование под покровительством ханской

²⁷ Незначительным отклонением от данной установки в жизни первых четырех поколений было время десятилетнего правления хана Берке, о чем В.Л. Егоров пишет так. «Восшествие на престол хана Берке (младшего брата Бату) в 1257 г. принесло крупное потрясение для внутренней жизни государства. Новый хан исповедовал ислам, что привело его к мысли объявить эту религию государственной, поскольку подавляющее большинство золотоордынского населения было язычниками, исповедовало культ вечного синего неба, поклонялось идолам, деревьям, горам и молилось своим предкам, фигурки которых вырезались из металла, дерева и кожи. Произведенный Берке переворот вызвал изменения не только в культовой сфере, но внес заметные новации в общественную жизнь государства. Во-первых, в государстве появилось множество священнослужителей, проповедников, исламских правоведов и просто знатоков и толкователей Корана. Вслед за ними хан пригласил на государственную службу высокообразованных арабских и персидских чиновников-мусульман. Они заняли ключевые посты в государстве, включая должность везира, заметно потеснив малообразованную кочевую монгольскую аристократию, что вызвало ее явное недовольство и противодействие ханским нововведениям. Однако до открытого столкновения дело не дошло... После смерти Берке в одном из походов против Ирана, сменивший его Менгу-Тимур, к радости кочевой знати, прекратил всякие дальнейшие шаги по распространению ислама. В Золотой Орде вновь наступил длительный период фактически безразличного отношения к исповеданию любого культа, что заметно отличало ее от фанатичных Европы и Востока» [Егоров 2005, с. 10-11]. Следует отметить, что попытка утверждения ислама при Берке не сопровождалась насилием: Берке пытался «утвердить господство новой религии путем убеждения в ее превосходстве над языческими обрядами и шаманским ритуалом» [Егоров 2005, с. 13].

власти Сарайской православной епархии в 1263 г. и ярлык Менгу-Тимура 1267 г., освобождавший христианских священнослужителей от всякой дани и повинностей.

Превращению народов будущей империи в единый организм препятствовали не только различия языков, культуры, хозяйства, но и территориальная разобщенность: народы империи были разобщены пространственно. Чтобы взаимно обогащать друг друга, народы должны были начать взаимодействовать. Для координации взаимодействия нужно было *создать* центр - политический, экономический, интеллектуальный. Формированию государства в определенном географическом вмещающем ландшафте, четко очерченном политически, должно было начаться с выбора места такого центра Улуса и обустройства его.

Второй основой нового государства стала денежно-финансовая система, являющаяся косвенным, но весомым показателем силы и организованности государства, тем индикатором, которому придавал большое значение Макс Вебер. Стабильность финансовой системы – одна из главных проблем современного общества — во все времена была мерилom мощи государства и стабильности общества. Но для Европы того времени “...чеканка монеты была признаком власти. Короче, деньги стали символом политической и социальной мощи в большей мере, нежели экономического могущества” [Ле Гофф, с. 234]. Роль стабильного (т.е. *экономически* могущественного) золотоордынского дирхема в евразийском пространстве в первой половине XIV в. была основой глобальной торговли. По словам Ж. Ле Гоффа, “главная сноровка” европейских купцов “заключалась всего-навсего в том, что, зная стабильные цены на Востоке, они могли заранее рассчитать свою прибыль” [Ле Гофф, с. 236]. Роль золотоордынского дирхема, в сущности, подобна той, какую сегодня в мире играет доллар США, и, как и сегодня, за спиной такой денежной единицы должно было стоять мощное, хорошо организованное государство.

Вот что о финансовой системе Золотой Орды пишет главный ее исследователь – Г. Федоров-Давыдов. В 1310-11 гг. хан Токта провел денежную реформу, результатом которой стал единый и устойчивый по весу и курсу сарайский дирхем. Сарайский дирхем стал господствующей монетой не только в Золотой Орде, но и в сопредельных странах. Взяв в конце XIII в. в свои руки монетно-финансовую систему, правительство Золотой орды в первой половине XIV в. заботилось о соответствии в монетах соотношения (рацио) серебра, меди и золота рыночным ценам на эти металлы. Это соответствие при широкой доступности дирхемов было необходимым условием для предельно простого осуществления безналичных расчетов на гигантских по протяженности торговых маршрутах от Европы до Китая и Индии [Федоров-Давыдов 1973, с. 80-81].

В жизни второго поколения произошли процессы, приведшие к результатам, которые коротко можно суммировать так. Внутри Улуса проведены основные мероприятия административно-управленческого характера, обеспечившие существование Улуса как независимого государства. В самом конце жизни первого поколения был заложен новый административный центр государства – Сарай-Бату (1354), а построен при втором поколении. В конце жизни второго поколения, к моменту обретения независимости закончились завоевания и крупные восстания побежденных народов, прямое военное насилие над побежденными народами сменилось угрозой применения такого насилия,

прекратились кровопролитные войны с внешним врагом. Отношения монголов и тюрок находились в русле этих процессов. Но при этом из всех покоренных народов тюрки были наиболее близки к монгольской элите, начали сливаться с ней, а элита - больше отражать интересы тюрок.

С точки зрения эволюции межэтнических отношений в Улусе Джучи важно отметить завершение нескольких процессов к 1270 г. Во-первых, образование независимого государства, на месте части Монгольской империи – Улуса Джучи, произошло в конце жизни второго поколения завоевателей, которое уже не было пришлым на новых землях. Второе поколение родилось и выросло на земле, по отношению к которой у них уже возникало чувство хозяина, ответственности. Хозяин всегда стремится обустроить свой дом.

«Дом» тюрок находился в географическом центре нового государства, которое в то время было единым только как политический организм, как итог «дела монголов». Жизнеспособность нового государства зависело от того, насколько политический организм станет также организмом экономическим, социальным и культурным. При этом один из народов, населяющих государство, должен был взять на себя миссию экономического, социального и культурного менеджера, организатора-объединителя. В специфических условиях Улуса Джучи на эту миссию мог претендовать тот этнос, который оказался наиболее вовлеченным в глобальный процесс обмена Запада и Востока.

В монгольской империи административно и политически была объединена большая часть тогдашнего мира Евразии, в границах много превосходящих античный Римский мир – *Rex Romana*. От политической стабильности в Улусе, а затем в Золотой Орде зависела стабильность и интенсивность экономического и информационного обмена между Китаем и Европой. Стабильность гарантировала монгольская элита. Она создала характерный для монгольской империи режим наибольшего благоприятствования торговле. В Золотой Орде купцы и предприниматели – представители самого прогрессивного, как мы знаем сегодня, социального слоя не просто пользовались режимом наибольшего благоприятствования, этот социальный слой был уважаемым, а не приниженым, его деятельность была защищена законами и четким их выполнением.

Административно-политическое объединение Старого света создавало возможность не просто одномоментного резкого (в сотни раз!) увеличения обмена информацией, знаниями, генетическим фондом, накопленными дальневосточной, ближневосточной и европейской цивилизациями, но и длительность этого процесса. Особое значение приобрели два великих торговых пути: Восток-Запад – Великий шелковый путь и Север-Юг – Великий волжский путь. Большая часть обоих торговых путей проходила через Улус Джучи.

При этом Китай, обогнавший в своем развитии Европу, вплоть до XIX века не нуждался ни в товарах, ни идеях Запада. Нуждалась Европа. На уровне конкретных целей, на уровне сознания Европа нуждалась в товарах. Но тогдашние средства транспорта и громадная протяженность пути ограничивали физический объем привозимых товаров. Не ставя перед собой как главной цели приобретение новых знаний, Европа получила доступ к идеям Востока и их техническим воплощениям и вполне воспользовалась этой возможностью. Если китайцам Европа не была интересна, и они не доходили не только до Западной, но даже до Восточной Европы, и не китайцы, а европейцы доходили до Китая, то торговля с ближней Азией была взаимной. Встреча европейцев и персов и арабов происходила в Золотой Орде. Согласно Г.С.Губайдуллину и последующим

исследователям, созданный сначала в монгольской империи, затем в Золотой Орде порядок максимально благоприятствовал торговле [Газиз 1994, с. 62-65]. Торговые пути были безопасными, хорошо организованными, дешевыми, таможенные пошлины были низкими. Последние не превышали 5% от стоимости товаров. В Северном Причерноморье – до 3% на ввоз и вывоз товаров [Крамаровский, с. 39].

Созданные монголами постоянные дворы – ямы предоставляли купцам и просто путешественникам возможность недорогого и по тогдашним понятиям комфортного передвижения по всему Евразийскому континенту. Монгольская знать получала от этого непрерывного движения экономическую выгоду за счет сборов таможенных пошлин и налогов на торговлю – звонкую монету, наполнявшую государственную казну. При этом, несмотря на то, что пошлины были низкими, чем и привлекали путешественников, они были по свидетельству Г.С. Губайдуллина основной статьей государственного дохода в Золотой Орде²⁸. Следует также заметить, что от Руси дань поступала серебром, что также было важным вкладом в государственную казну. Налог же на кочевников-тюрьков ограничивался натуральными продуктами, лишенными рыночной привлекательности²⁹.

Однако созданная насилием над кочевниками и исключительно для нужд государственного управления и внешней торговли система постоянных дворов мало способствовала соединению независимых хозяйственных анклавов империи в единый экономический организм. Вместе с тем товары и носители знаний – купцы и путешественники не просто прокатывались через Улус Джучи, но вынуждены были общаться по пути следования с тюрьками. Таким образом, тюрьки были вовлечены в информационный обмен с иноземными купцами. Купцы же в

²⁸ «Налоги были трех видов и налагались: во-первых, на тюрьское население - самих татар, во-вторых, на подчиненные им народы, в-третьих, на товары купцов - пошлины или *тамга* (отсюда происхождение слова *таможня*, *тамга салым* - таможенный налог). Основная статья доходов в Золотой Орде формировалась за счет таможенных сборов. На границах государства и на базарах находились государственные чиновники - *турэлер*, исполнявшие, помимо других обязанностей, функции таможенников. Турэлер брали с купцов определенную часть товара или соответствующую им сумму денег. Основным налогом с тюрьского населения назывался салым. Он взимался с каждого человека. Еще был салым по названию *флан сэж*. С владельцев производственно-складских помещений - амбаров взимался налог *амбар малы*, за использование весов - *тутнак*. Проезд через мост также облагался налогом. Военный налог назывался *улак*. Он состоял в обязанности каждого тюрька предоставить армии лошадь, быка или верблюда. Невыплата налогов именовалась *бург*. С тюрьков и подчиненных Золотой Орде народов, с населения автономных улусов взимались налоги на посевные земли, пашни, воды, озера с рыбными промыслами, сенокосы, леса, виноградники, сады, мельницы. Помимо налогов имели место трудовые и иные повинности. Местное население обязано было достойно встречать чиновников. Эта общая повинность называлась *кунак тешен*. В нее, в частности, входила обязанность накормить чиновника - *шусун*. Рекрутская повинность именовалась *чирек урын*. Кроме того, была повинность по охране дорог – *караул*». [Газиз 1994, с. 69-70]

²⁹ «Доходы золотоордынского государства слагались, в основном, из *салымов*, взимаемых с тюрьков, и налогов с населения подчиненных территорий. При этом денежная часть доходов была относительно незначительна. Что касается основных налогов с тюрьков, то размер их был установлен еще при Чингиз хане. Владелец скота обязан был с каждых пяти голов скота отдать одну шкуру государству. Если он не выполнял обязанность, то терял свободу и превращался в раба. Хозяин, имевший 100 голов живности, обязан был отдать государству одно животное. Только духовенство, за исключением иудейского, было свободно от налогов» [Газиз 1994, с. 70-71]

средневековом мире были самыми информированными и образованными людьми. Исходя, конечно, из интересов повышения комфортности своего передвижения, они подталкивали персонал постоянных дворов к усовершенствованию сервиса и оплачивали его в форме, наиболее приемлемой для кочевников далеких от товарно-денежных отношений – форме подарков. Не случайно путник именовался гостем, обычай требовал принимать гостя, не жалея добра. Но по принципу «дар-отдар» гость должен был адекватно отвечать на гостеприимство хозяев. Иными словами, на постоянных дворах вряд ли господствовал европейский чистоган, но обе стороны – и хозяева, и гости были заинтересованы в расширении сферы услуг. Эта сфера не была вполне бизнесом в экономическом плане, но в производственном – была. И чем более комплиментарным становилось общение, тем все больше услуг предоставляли хозяева гостям, а благодарные гости отдаривали хозяев не только видимыми материальными дарами, но более всего невидимыми – знаниями. Тяжелая повинность содержания постоянных дворов постепенно превращалась и в интересное, и в доходное занятие, дававшее возможность непрерывно развивать свой бизнес, обеспечивая максимально возможный комфорт и безопасность передвижения путешественников. И чем больше были комфорт и безопасность, тем больше были доходы. Тюрки, не участвуя в прямом обмене товарами Запада и Востока, косвенно были вовлечены в обмен знаниями, идеями. Получение знаний зависело от внутренней ориентации на восприятие знаний, а также от количественной критической массы людей. Стремительный рост сначала караван-сараев, а затем в следующих поколениях городской цивилизации свидетельствует, что такая ориентация и необходимая количественная масса людей были.

Расположение столицы в географическом центре Улуса объективно требовало решения ряда взаимосвязанных проблем, которые монголы в течение срока смены двух поколений вряд ли в состоянии были выполнить. Нужно было заселить степи населением земледельческих окраин, а бывшим кочевникам — выйти из своей экологической ниши, стать другими людьми — земледельцами и горожанами и, что самое важное, изменить ментальность. Хозяйственно-экономическое процветание центра – залог экономической устойчивости государства. При Бату (1227–1256) и Берке (1258–1266) Сарай-Бату еще не был тем городом, красотой и размерами которого восхищались чужеземцы. Начиналась как административный центр, где насильственно согнанные мастеровые из покоренных народов строили дворцы хана, представителей знати и ... землянки для себя.

Однако, будучи раз созданным, административный центр получил возможность «обрастать» гражданской и общественной периферией, когда перестал быть центром Улуса, а стал столицей империи. Столица же не могла оставаться только административным центром. Знать, бюрократический аппарат нуждались в обслуживании. Обслуживающие знать социальные слои также имели потребности, пусть весьма скромные, но они также должны были удовлетворяться. Наконец, для воинских соединений, находящихся в столице и близ нее, нужны были оружие и провиант. А вокруг столицы вообще не было местного оседлого населения, не было не только городов, но селений и, соответственно, полей, огородов, ремесленного производства. Степь представляла собой в сравнении с плотно заселенными северными и южными окраинами Улуса Джучи безлюдные территории, по которым сезонно мигрировали с востока на запад и обратно численно быстро растущие, но все еще немногочисленные

тюркские кочевые племена. Степь малопригодна, особенно в эпоху средневековья, для земледелия и развития городов. Не случайно до образования Золотой Орды в евразийской степи, за редкими исключениями, не было городов, сел, развитого производства, земледелия. Государство может путем насилия, внеэкономического принуждения в малопригодном для городской жизни месте построить один город, как, к примеру, в советское время был построен Норильск, который до сих пор зависит от внеэкономического «северного завоза».

Воздвигнуть большой город за сотни километров от областей оседлого населения невозможно без создания на месте строительной индустрии, без производства строительных материалов, которых не было в окружающей город степи, прежде всего камня и дерева. Для городов в нижнем и среднем течении Волги дерево сплавлялось с севера. Оно было необходимо тогда не только как непосредственно строительный материал, но для обжига кирпича, для отопления домов, для любого производства: от керамического до оружейного. Продовольствие (хлеб) и дерево справлялось в низовья из верховий Волги, что было, видимо, нелегкой повинностью волжских булгар. Город «был не просто столицей государства, а крупнейшим центром ремесленного производства. Целые кварталы занимали ремесленники, специализировавшиеся на какой-то определенной отрасли (металлургической, керамической, ювелирной, стекольной, косторезной и т.д.» [Егоров, 1997; Он же, 1985].

Город рос постепенно. Вначале путем прямого насилия, затем все более на основе экономических отношений. Как принято говорить сегодня, «локомотивами» развития были потребности народа-армии³⁰ и элиты.

Для государства главной заботой было становление и совершенствование военно-промышленного комплекса. ВПК создавался за счет средств государства, госзаказ способствовал развитию ряда отраслей тяжелой промышленности. Вторым «локомотивом» было престижное потребление элиты, вкладывавшей свои средства в развитие легкой промышленности и искусства.

Кто были строители первого административного центра Улуса? Что мы знаем о них? То, что для строительства были депортированы представители покоренных народов. Согнанные на строительство Сарая Бату специалисты и рядовая рабочая сила были мужчинами. Известно, что семьи не депортировались. Известно, что рабы заводили семьи. Может быть, это поощрялось: от семьи не сбежишь, она привязывает сильнее тюремной решетки. В жены первые строители могли брать женщин только из тюркских низов. В Золотой Орде «редко рабы переживали в одной линии несколько поколений, и – по большей части – если отец был рабом, то сын садился на землю, наделялся средствами производства и становился сабанчи (свободным пахарем) или уртачки (испольщиком). Огромное количество рабов из военнопленных были ремесленники, вывезенные при завоеваниях из одного места в другое. Оседая на новой территории, в новом городе как военнопленные-рабы, они постепенно делались свободными лицами» [Греков, Якубовский, с. 116-117].

Кем были свободные дети этих браков: русские (хорезмийцы, кавказцы, крымчане) при тюркских матерях? Естественно, в тюркском мире, по культуре –

³⁰ «Города снабжали всем необходимым, и в первую очередь оружием, живущих вокруг них в степях кочевников. Взамен они получали различные продукты скотоводства и земледелия. На этом основывался союз кочевой степной культуры с оседлой городской. Они не просто поддерживали друг друга, но взаимодополняли, образуя тот специфический экономический потенциал, который длительное время способствовал сохранению мощи этого своеобразного государства» [Егоров 2005, с. 9].

тюрки. Так начиналось сложение городской бедноты, часть которой – мастера, чьи знания, как везде в то время, передаются по наследству (иное практически невозможно), они постепенно выбиваются в средние слои. Кто они по происхождению? Прежде всего, тюрки – свободные потомки бедных кочевников, вынужденных продавать в неволю своих детей, а также тюркизированные полукровки – полу-русские, полу-персы (хорезмийцы), полу-кавказцы, полу-крымчане, но на вторую половину – тюрки.

В первом и во втором поколениях завоевателей, как писал Г.А. Федоров-Давыдов, «оторванность улусной аристократии от управления оседлым населением, земледельческим и городским, сказалась в том факте, что налоги собирались откупщиками и шли в Каракорум. Местная же кочевая аристократия довольствовалась обычно только частью поступлений с тех оазисов, городов и оседлых районов, которые находились на территориях их кочевий» [Федоров-Давыдов 1994, с.8]. Знать Улуса не хотела отдавать дань в центр монгольской империи – Каракорум. После создания информационно-транспортной сети, фискальной системы, армии, сформированной из представителей всех побежденных народов, административного центра власти, т.е. в совокупности возможности автономного существования, независимой от общей монгольской империи, элита Улуса Джучи стала стремиться к политической самостоятельности. Это удалось осуществить третьему поколению завоевателей. Археологи фиксируют этот факт по началу самостоятельной денежной чеканки с 1270 г. «Сарай (без эпитета «Новый») чеканил монету с 1270-х годов до начала XV в., причем регулярно, без особо больших перерывов – только в 1310–1340-е и в 1380–1390-е годы». [Федоров-Давыдов 1994, с. 23].

Не имея прямых документальных свидетельств, но зная, исходное и конечное состояние социума – основные условия жизни и главные вехи жизни первого и третьего поколений, можно с достаточно высокой степенью уверенности предположить следующее. В течение жизни второго поколения завоевателей, связанного с переходом к мирной жизни, в соответствии с традициями степи стали постепенно смягчаться жесткие отношения господства и подчинения в кочевом обществе, что на индивидуальном уровне делало кочевника-тюрка более свободным и независимым в суждениях и действиях. Возрастающая интенсификация международной торговли, информационного обмена, межличностных контактов способствовала тому, что для части тюрков оседлый образ жизни становился интересным и, как следствие, психологически приемлемым, что становилось одной из важнейших психологических предпосылок перехода части кочевников к оседлости.

Здесь важны условия протекания этого процесса. «На всем протяжении своего существования и даже после распада Золотая Орда представляла собой огромный этнический котел, где вступали в тесный контакт народы с различными языками и непохожими антропологическими типами. Здесь не просто сталкивалась Европа с Азией, но именно здесь они взаимо-растворялись друг в друге, создавая нечто совершенно новое. В городах и степях Золотой Орды жили монголы и кипчаки, башкиры и волжские болгары, аланы и русские, персы и арабы, азербайджанцы и грузины, армяне и буртасы, мордва и греки, а также многие другие племена и народы» [Егоров 2005, с. 19]. Укоренению оседлого населения в степи способствовали не просто контакты тюрков с представителями оседлых этносов,

но смешанные браки между свободными женщинами-тюрчанками из беднейших слоев кочевого общества и рабами – насильственно депортированными в степь мастерами земледельческих народов. Процесс этот в степи, где основное население было кыпчакским, где низовые представители армии-государства были кыпчаки, сопровождался ассимиляцией тюрками разноплеменных рабов с последующим освобождением из рабства их детей, которые по культуре становились тюрками, но уже оседлыми, тюрками новой генерации. Иными словами, в административном центре государства и небольших поселениях на месте постоянных дворов начался процесс тюркизации иноплеменного населения Улуса и приобщения кочевников к оседлости.

Тюрки третьего поколения (1273 –1291).

Плоды независимости

В первые десятилетия независимого государства большое значение имели политические события. Полную независимость Золотая Орда обрела при внуке Батыя Менгу-Тимуре (1266-1282). При нем был также сокрушен последний очаг сопротивления на Северном Кавказе и разрушен аланский город Дедаков. Военные походы при этом правителе (1270, 1275, 1277, 1280 гг.) на Византию, Балканы и Польшу преследовали цель наложить на них дань и военную контрибуцию, а также обезопасить границы империи от посягательств от набравших силу соседей [Егоров. С.190-192].

После смерти Менгу-Тимура впервые проявилось отсутствие четко установленных правил престолонаследия, что и в дальнейшем делало неизбежной периодическую борьбу за власть потомков Чингис хана. Эта борьба продолжалась даже после того, как ханом стал Тохта (1291-1312). Лишь в 1300 г. Тохта разбил своего главного конкурента – чингизида Ногая.

Чего не сделали в формировании основ своего государства монголы? В Орде не было четко установлено престолонаследие и это стало детонатором борьбы за власть Чжучидов и их ближайшего окружения и оказалось губительным для будущего тюрко-татарского государства. С каждой демографической сменой поколения число формальных претендентов на власть резко возрастало. Когда численность претендентов на власть невелика, то и борьба протекает в форме дворцовых переворотов. А когда – велика, то борьба может вылиться в состояние нескончаемой междоусобицы. А также в борьбу всех против всех. Борьба всех против всех в средневековье называлась смутой, в Новейшее время – Гражданской войной. Эта война – самая страшная, самая тяжелая из всех возможных видов войн, подрывающая жизненные силы народа, подобная извержению вулкана. Первое «ворчание» вулкана произошло уже в третьем поколении.

Самостоятельность Улуса имела и оборотную сторону: означала прекращение получения военной помощи от Монгольской империи. Немногочисленная монгольская знать оставалась с покоренными народами «один на один», что означало необходимость считаться с желаниями масс и умерять – собственные.

Выигрывая экономически, монгольская знать проигрывала политически и социально, для основной части потомков недавних победителей – тюрков открывалась возможность стать ведущим этносом в новом государстве, а для остальных – снизить уровень зависимости от центра. Возможности эти реализовались в те времена силой и чаще всего во время борьбы за власть – в смуту.

Первая смута была опустошительной для казны, но не для населения Великой степи³¹. Народы империи в ходе борьбы за власть (смуты 1282-1291, 1312) добились широкой внутренней автономии за счет урегулирования и стабилизации фискальных отношений³².

Конечно, новые правила регулировали все те же отношения господства и подчинения, но правила и институты, осуществляющие угнетение, организуют также и жизнь в обществе, а последняя подверглась изменениям.

Тюрки преследовали при этом **свои** интересы, но их основные интересы объективно **совпадали** с интересами других подневольных народов, прежде всего русского народа. После Менгу-Тимура на Руси исчезают «данщики» (откупщики) и право сбора дани переходит в руки великих князей. Во время следующей кратковременной феодальной смуты (1312) ликвидирована военно-административная система управления в виде темников, тысячников, сотников, имеют место новые льготы русскому духовенству [Сафаргалиев, С. 331, 333]. Центральная власть уходит от принципов тотального командного управления, а

³¹ Чего нельзя сказать о Руси. Именно в это время по причине междоусобной борьбы в Орде происходит последнее тяжелое нашествие монголов на Русь. В.Л. Егоров пишет об этом так. «Среди сепаратистов особо выделялся темник Ногай, Чингизид по происхождению ... ему удалось в короткие сроки достигнуть расширения собственных владений к западу вдоль левого берега Дуная до венгерской крепости Турну-Северин. Больше того, его вассалами признали себя болгары и сербы, а византийский император отдал в жены Ногаю свою приемную дочь. Верховную власть Ногай признали и некоторые русские княжества, правители которых перестали подчиняться саранскому хану, буквально на глазах терявшему авторитет и власть. Ногай превратился во всемогущего временщика, игравшего первостепенную роль во внутренней жизни Золотой Орды ... Понявший эту ситуацию Токта начал принимать энергичные меры по спасению целостности своего улуса и ослаблению мощи соперника. Первым делом он решил ликвидировать влияние Ногай на Руси, лишив его поступления отсюда денежной дани и поддержки военными силами. Мощь сарайского хана русским князьям показал его брат Дюдень (Тудан), войско которого в 1293 г. разорило огромную территорию между Владимиром, Ярославлем и Тверью, взяв и разграбив 14 городов» [Егоров 2005, с. 11-12].

³²

Конкретный ход исторических событий В.Л. Егоров описывает так. Хан Токта в 1312 г. намеревался осуществить поход на Русь за данью во главе войска со своим племянником Узбеком. (По аналогии с историей Руси это похоже на последнее полюдь князя Игоря, в его желании собрать дополнительную дань). Смертью Токты племянник воспользовался для захвата власти: армией, командующим которой он оказался после смерти хана, окружил столицу государства, перебил своих недоброжелателей и занял престол. Но на Русь не пошел, поскольку денежные поступления уже исправно доставлялись в государственную казну и посылать за ними крупные военные силы не было необходимости. В условиях урегулированности фискальных отношений «Узбек круто меняет политику по отношению к русским княжествам. При нем сюда не посылают больших армий для опустошения огромных площадей, захвата добычи и пленных. На Русь теперь едут специальные послы в сопровождении небольших отрядов для выполнения конкретных поручений» и «русские летописцы отметили установление «тишины великой» на 40 лет, поскольку денежные поступления исправно доставлялись в Золотую Орду, и посылать за ними крупные военные силы не было необходимости» [Егоров 2005, с. 13-14].

общество расширяет сферу своих обязанностей по обеспечению первейших условий существования, прежде всего, жизни и здоровья людей.

Защита жизни и здоровья людей складывается из двух частей: защита собственно жизни и защита здоровья. Защита жизни обеспечивалась порядком, устанавливаемым государством. Главным законом, своеобразной конституцией в Улусе Джучи была Яса Чингиз-хана. О вытекающих из нее положениях относительно свободы людей уже говорилось. Защита здоровья осуществлялась самими людьми.

Самоорганизующееся население строило бани, водопроводы, водосточные каналы, канализационную систему, строило, насколько известно из раскопок, во всех степных городах. В Сарая обнаружен даже общественный туалет, разделенный на женскую и мужскую половины. Как пишет В.Л. Егоров, «на высоком уровне для средневековья находилось и городское хозяйство. Диктовалось это в первую очередь тем, что населенные пункты располагались в жарком климатическом поясе, где нередко вспыхивали эпидемии холеры, чумы, оспы. Именно поэтому в золотоордынских городах действовал водопровод, системы городских бассейнов и фонтанов для снабжения населения водой. Были проложены канализационные стоки из деревянных труб, отводящих нечистоты из всех районов города» [Егоров, с. 76]. Однако полностью избежать эпидемий Золотая Орда не смогла. В страну дважды приходила чума в 1346 и 1428-29 гг., причем в первый раз в период расцвета империи.

Важную роль для защиты здоровья играли бани³³ – крупные прямоугольные каменные здания с мужскими и женскими отделениями и индивидуальными номерами для каждого моющегося. Бани выполняли функции современных клубов. Люди там встречались, общались и даже вели деловые переговоры. Бань в городах было, как правило, несколько и обслуживали они разные социальные слои³⁴. Г.А. Федоров-Давыдов подробно описывает планировку одной из

³³ Как пишет М.Г. Крамаровский, «исследователи выделяют две строительные традиции в сооружении бань (Зиливинская 1989. С. 250, 251). Первая – римско-византийская – характеризуется использованием сухого жара и расположением цепочки прямоугольных помещений с постепенным нарастанием температуры. Две такие бани (№ 1 и 3) раскопаны в Болгарах (Хованская 1954). Второй тип – хаммам – отличается использованием влажного жара и более сложной планировкой, основу которой составляет массажный зал (чаще крестообразный в плане). Хаммамы простейшего типа состояли из предбанника, откуда посетитель переходил в крестообразный зал с четырьмя угловыми мыльнями.

Общественная баня Сарая ... состояла из девяти помещений. Центральный зал имел крестообразную форму и объединял четыре мыльни. В центре зала (10 x 10 м) находилась чаша фонтана округлой формы с диаметром до 1,65 м. Под полом к фонтану были проложены две трубы, вероятно, для подвода холодной и горячей воды. ...Цветные витражи, мозаичные полы и стены, украшенные изразцами, вместе с фонтаном в центральном зале свидетельствуют о том, что баня предназначалась для городской элиты. Ее размещение в аристократическом районе города только подтверждает это предположение. Находки в водосточном канале большого количества стеклянных и нескольких сердоликовых бусин позволяет предположить, что в какое-то время дня баня посещалась и женщинами» [Крамаровский 2005, с. 117].

³⁴ Например, в расположенном близ современного Кишинева Шехр-ал-Джедиде «на правом берегу реки, окаймлявшей город с трех сторон, располагались три каменные бани. Это были крупные прямоугольные каменные здания с двумя (женским и мужским) отделениями. Наиболее крупной, с помещениями крестообразной планировки была баня, предназначавшаяся для зажиточных слоев населения. Бани – носители общественной и культурной жизни города, являлись не только местом для мытья, но и местами встреч, общения и даже деловых переговоров». Из прилагаемых археологами планов бань видно, что жители города делились на

раскопанных общественных бань: “Вход в нее (баню – Э.К.) вел с площади перед мечетью. Сначала входили в холодный предбанник с полом, узорно выложенным кирпичами, с фонтаном в центре, с окнами, имевшими алебастровые решетки и застекленными, было еще две теплых раздевалки. Горячие помещения обогревались подпольным отоплением – традиция, идущая еще от римских бань” [Федоров-Давыдов 1997, с. 94-95].

В процессе самоорганизации многое зависит от этноса-лидера, от его способности предложить другим народам «формулу» такого совместного бытия, которое устраивала бы всех. Обычно при завоевании кочевниками земледельцев такой этнос был «готовым»: миссию ведущего системообразующего этноса завоеватели уступали завоеванным народам. В Золотой Орде ситуация была нетипичной. Как уже говорилось, в империи не было компактного и этнически однородного населения. Управление огромным государством, состоящем из нескольких, оторванных друг друга анклавов постоянного земледельческого населения, при неразвитости тогдашних путей сообщения могло осуществляться только из центральной части империи. Но там не было постоянных жителей, а следовательно не могло быть готовых социально-экономических структур и местного управленческого аппарата, который можно было эксплуатировать. Там вообще не было местного оседлого населения, не было не только городов, но селений и, соответственно, ремесленного производства. Была степь с суровыми природными условиями, малопригодная в условиях средневековья, для земледелия и развития городов. Бремя империи требовало от завоевателей-кочевников, если не полностью, то в значительной степени превратиться в оседлое население – горожан-ремесленников и земледельцев, либо организовать земледелие и ремесленное производство из других народов, либо выбрать компромиссный вариант, и тогда в степи возник бы новый этнос, в создание которого вложили бы свою лепту все народы империи.

На возникновение городов оказали влияния два великих торговых пути. До монгольского завоевания единственным трансконтинентальным европейским путем был путь север-юг, который получил название *путь из варяг в греки* и проходил по Днепру и Черному морю от северной Европы до самого культурного и экономически развитого государства — Византии. В XIV в. ослабевшая Византия уже не представляла интереса для жителей Северной Европы. И торговый путь, не меняя принципиальной направленности, переместился на Волгу и Каспий и стал соединять Северную Европу с Персией и через нее – с процветающим арабским миром. Монгольское завоевание позволило установить второй трансконтинентальный торговый путь, соединивший Европу с Дальним Востоком, – Великий шелковый путь.

На местах ханских ставок и установленных ханской властью постоянных дворов – ям и переправ на Великом шелковом пути и вокруг стихийно возникших постоянных дворов на пути Север-Юг стали расти населенные пункты, постепенно превращавшиеся из мелких в крупные. Особенно много их было в месте пересечения двух торговых путей север-юг и запад-восток. Это место не было “точкой” географического пространства, но соединением двух путей по правобережью Волги от нынешних Волгограда до Астрахани. Здесь впоследствии

три страты: низшая, средняя и высшая. Чем выше страта – тем больше размер здания, а в нем – меньше помывочных отделений и больше помещений, выполнявших функции мест встреч, отдыха, деловых переговоров [Быря, Рябой].

возникла практически не прерывающаяся цепочка поселений – центр степной гардарики.

И здесь для жизни людей играл большую роль процесс этнокультурной консолидации, связанный с количественным фактором.

В соответствии с динамикой демографического роста по фиксированному прецеденту Букеевской орды, течение жизни третьего поколения население степей Улуса Джучи, по-видимому, превысило один миллион. Эта человеческая масса жила на одной территории, которая политически, государственно отделилась от монгольской империи, компактно жила на данной территории. По отношению к этой земле они уже не были пришлыми людьми. Земля была их родиной, и по отношению к ней они испытывали *чувство хозяина*. Плотность населения более чем утроилось. Количественно тюрки достигли той численной критической массы, которая позволяла поддерживать не только родовые, но и личные отношения на *всем пространстве вмещающего ландшафта*. Эти отношения устанавливались без затруднений, поскольку масса населения – кочевники была тюркской, имевшей общие исторические корни, язык, единые условия жизни и идентичные представлений о ней. Все это позволяло тюркам жить в условиях *комплиментарности* – взаимной приязни, симпатии между членами социальной общности.

Уже третье поколение кочевников жило в условиях независимости от проблем элементарного пропитания, что влекло за собой важные следствия. Практически все семьи позволяли себе рожать и полноценно кормить дочерей – *гарантов расширенного воспроизводства рода и сохранения генофонда*. Собственное хозяйство обеспечивало семьям безбедное и независимое от правящей элиты существование, что вело к тому, что тюрки ощущали себя не только экономически самодостаточными: у них возникло и росло *чувство социальной, политической уверенности* в себе. И чем больше укреплялось это чувство, тем больше снижалась социальная зависимость от элиты, тем больше внутренне сначала неосознанно, а затем и осознанно рядовые кочевники отдавали предпочтение независимости, чем подчинению, и, в целом, тем больше происходило *укрепление мужского начала* в семьях и в народе в целом.

Монголы, как и тюрки, были кочевниками. А для кочевников главное богатство – скот. Рост поголовья зависел от простых скотоводов, какими были тюрки. Экономически монгольская знать находилась в зависимости от пастухов, которые имели возможность, как наращивать поголовье, так и снижать его, осуществляя то, что сегодня называется «забастовкой по правилам». Сильная зависимость работодателей от рядовых работников всегда способствует демократизации социальных отношений. В обыденной жизни знать была обречена на поиск в прямом и переносном смысле общего языка с народом. В условиях биэтничности *знать встала перед необходимостью тюркизации*, что означало переход с монгольского на тюркский (татарский) язык как в повседневном общении, так и в работе администрации. В социальном – стали естественными браки монголов с родовой тюркской элитой, тем более что сохранять этническую «чистоту крови» после отделения Улуса от остальной монгольской империи стало затруднительно. И раньше вторые, третьи и далее жены монгольских военачальников были из числа подчиненных им народов. Теперь могли быть и первыми. Хотя монголы прилагали усилия для сохранения монгольского языка и письменности, их дети во втором, а тем более в третьем поколении были для монгольских отцов, стремящихся сохранить монгольскую

культуру, в лучшем случае бикультурными, в худшем – тюрками. Этот процесс тюркизации облегчался единым укладом хозяйственной жизни монголов и тюрков. Именно с третьего поколения основным языком общения и основной культурой стали тюркский язык и тюркская культура. Монгольское культурное влияние выражалось во второстепенных элементах культуры: отдельных видах и деталях одежды, в прическах, элементах ритуала

На базе единства хозяйственной жизни, языка и культуры в третьем поколении пошел интенсивный процесс возникновения *степного кочевого соционима*. Окончательное завершение этого процесса – *этнокультурная консолидация* кочевого населения, и, согласно Р.И. Якупову, полнота внутренней социальной структуры: наличие собственных единообразных структур управления, формирующих «идеологию», наличие социальной стратификации, стимулирующей социальную мобильность и движение к экономической стабильности и единой социальной ткани степного сообщества.

Скот дает возможность безбедного существования, но кочевой образ жизни имеет жесткие ограничения качества жизни. Знать Улуса и до независимости от Каракорума была не бедной, но после достижения независимости появилась возможность еще более умножить благосостояние. Если борьба за власть в конце XIII в. опустошила казну, то с первого десятилетия XIV веков знать стала стремительно богатеть. Дань серебром с Руси и «звонкая монета» торговых пошлин за счет обслуживания международной торговли позволили монгольской знати сконцентрировать то, что сегодня мы называем финансовым капиталом. Однако чтобы не быть мертвым капиталом, он должен был обращен в качество жизни, которое дает только городская культура, следовательно, знать была обречена сменить традиционный кочевой образ жизни на городской. Разумеется, эта метаморфоза была постепенной и связано с возникновением единства *интересов государства и общества*.

Силы выталкивания и притяжения

«Готовые» центры городской культуры имелись в Улусе. Это, прежде всего, Хорезм и Русь. «В начальный период существования Золотой Орды монголы использовали города, появившиеся здесь задолго до их прихода, но разрушенные в ходе завоевания. Бату приказал их восстановить (например, Болгар, Хорезм, Дербент), после чего они быстро превратились в крупные административные и экономические центры» [Егоров 2005, с. 7-8]. Но перемещение элиты на дальний север или юг, как уже говорилось, означало не только необходимость приобщения к чужой культуре, но и к снижению управляемости государства. Альтернативный вариант – создание *системы городов* в центре государства вокруг уже возведенного административного центра, которому еще предстояло стать настоящим городом. Однако возникновение системы городов, используя, говоря современным языком, административный ресурс, даже для современного государства непосильная задача для власти, но посильна для общества, действующего совместно со властью. Такое взаимодействие власти и общества стало возможным после тюркизации монгольской элиты, стабилизации социальной структуры, социальной стратификации, имперской идеологии, привнесенной во многом монголами, но принятой тюркской массой, как своей собственной.

Для защиты от холода, для массового строительства, для обжига кирпичей, производства утвари из керамики и металлов, оружия требовалась огромная

количества топлива, которое в безводную и потому безлесную степь нужно было доставлять с далекого лесного севера и первоначально только за счет государственной организации хозяйственной жизни. Само существование столицы, а затем растущих около нее поселков, городков требовало хозяйственных связей с провинциями. Эти связи были тем более необходимы, что центр империи географически находился в климатической зоне, не слишком благоприятной не только для градостроительства, но и для жизни людей. Основными строительными материалами для фундаментальных сооружений были камень и кирпич. Кирпичи и связующий материал – известь изготовлялись на месте, а дерево для обжига кирпича и извести могло быть привезено в безлесную степь только издалека, да и камень тоже не всегда был рядом. Для первой столицы Золотой Орды – Сарай-Бату строительные материалы и сами строители поставлялись путем государственного насилия. Потом насилие прекратилось, но сохранилась система государственной организации, дополняемой инициативой снизу и развитие всех остальных поселений протекало уже естественным путем – на основе самоорганизации общества и экономических интересов. Росло население городков. Богатые строили дома из привозных материалов, простые жители – из глины и самана (смеси глины и навоза животных).

Как только удалось удовлетворить основные потребности – защиту от голода, холода, воспроизводства и получения удовольствий, около сотни степных населенных пунктов стали местом концентрации экономической и культурной жизни империи, базой развития цивилизации. Они притягивали к себе экономически активное население со всех областей империи и из других стран. Сам факт появления этих селений, городков, городов по инициативе “снизу” являлся живым свидетельством единства интересов общества и государства.

В полиэтничном населении Золотой Орды в создании системы городов могли принять участие и приняли все народы ее населяющие, но в разной мере. Какой из этносов должен был стать ведущим в этом *новом общем деле*, означающим переход жизни не только элиты, но всего населения на новый качественный уровень? Что касается власти, то ее задачей было создание режима наибольшего благоприятствования для решения текущих практических задач, вложить финансовый капитал и административный ресурс в развитие, т.е. передать их средним слоям общества. В полиэтничном государстве капитал и рычаги управления монгольская знать могла отдать в единственно надежные с ее точки зрения руки – тюркам, процесс слияния с которыми шел по нарастающей траектории. Другим условием был уже осуществленный переход части кочевого населения от полуоседлого к оседлому образу жизни.

Поскольку к началу XIV века в ямах жило уже четвертое поколение тюрков частично полуоседло, частично оседло, процесс перехода от полуоседлого к оседлому образу жизни и роста оседлого населения подчинялся фундаментальным законам миграции: зависел от сил *выталкивания* и сил *притяжения*. Выталкивания из кочевой жизни и притяжения – привлекательности оседлой жизни.

О силах притяжения мы можем судить только качественно и умозрительно. Путешественники стремились к бытовым удобствам и готовы были платить за них. Следовательно, для тюрков имелся экономический стимул создавать на ямах вместо временных жилищ – юрт – постоянные караван-сарай и обустраивать их в соответствии с запросами иноязычных и инокультурных купцов. Кто платит, тот и заказывает музыку. При этом показательно, что «музыка» заказывалась не своя,

а тюркская. Странствующие купцы не могли обустроить свою жизнь силами своих соплеменников, т.е. массовой миграцией соплеменников с родных мест в степи, на «дикий» восток в чужеродное этническое окружение. А могли лишь силами тюрков – кыпчаков. Для этого они должны были «обучить» тюрков устройению того сервиса, который им был желателен. Короче, купцы путешествовали без свиты. Все средневековые европейские путеводители настоятельно советовали при въезде в Золотую Орду брать с собой переводчиков, знающих кыпчакский язык. Мы не знаем сегодня этническое происхождение толмачей: сколько из них было европейцев, персов, а сколько – тюрков. Известно лишь, что нанимать толмачей следовало в пограничных городах. Кыпчакские переводчики в социальном плане были трансляторами не только языка, но культур разных европейских, ближневосточных и центрально-восточных народов на тюркский язык. Чем интенсивнее шел этот «перевод», тем лучше обустроивались караван-сарай, тем больше требовалось людей для этого обустройства, тем выше оплачивался их труд, тем больше росли уровень и качество их жизни.

О силах вытеснения мы можем судить, прежде всего, количественно. Обратимся еще раз прецеденту Букеевской орды. Давление ее скота на пастбища междуречья Волги и Урала обусловило столь жестокий экологический кризис, что лесостепь и степь превратились в пустыню. Степная территория междуречья меньше одной десятой степей Восточной Европы, а население Букеевской орды, вызвавшей экологический кризис, превысило 100 тысяч человек и уже в условиях кризиса возросло до 150 тысяч.

Поскольку мы не имеем свидетельств экологического кризиса в степях Восточной Европы в начале XIV в., то обязаны предположить, что *население степей, в соответствии с темпами роста населения в Букеевской орде, в начале XIV в. перевалило рубеж одного миллиона, т.е. той массы населения, которая количественно уже способна осуществить цивилизационный рывок* (вспомним, что древнегреческая цивилизация возникла при переходе от архаики к полисной системе, когда население достигло примерно миллиона человек), *но, что важно, не достигло того рубежа, за которым неизбежен экологический кризис, сдерживающий цивилизационное развитие или обращающее ее вспять.*

В третьем поколении завоевателей завершился переход роли ведущего этноса к тюркам, произошла тюркизация элиты при внешней ее престижной монголизации (одежда, прически, символы власти). В интересах тюрков было

1) устранение прямого политического и экономического надзора за покоренными народами,

2) установление взаимодействия, взаимопонимания и уважения интересов всех этнических элит, делегирование властных полномочий вниз,

3) установление единства элиты и общества в степном социуме и уважения прав простого народа, в полиэтническом государстве – предоставление этносам прав на самостоятельное обустройство внутренней жизни.

В наследство от Монгольской империи Золотая Орда получила мощную армию, успешно защищающую внешние границы государства и подавившую террором стремления оседлых народов к независимости, информационно-транспортную структуру, морально-этическую основу жизни – веротерпимость,

административный центр государства, расположенный в центре географического пространства государства и дисбаланс межэтнических и социальных отношений.

Обретение независимости, если оно не является результатом победоносного народного восстания, редко приводит к улучшению жизни общества. Создание Золотой Орды является исключением из этого правила. В Улусе Джучи прямого восстания тюрков против монголов не могло быть, поскольку в третьем поколении завоевателей уже не было четкой грани, пропасти, разделявшей представителей двух этносов завоевателей. Усиливающийся процесс тюркизации монголов позволял решить проблемы иначе, хотя без прямого применения военной силы не обошлось. Именно итогом смуты стали основные перемены.

При первом рассмотрении кажется, что суверенитет Улуса Джучи – результат борьбы за власть-собственность различных правящих групп внутри монгольской элиты. Иностранные наблюдатели и после обретения независимости называли именно монголов настоящими жителями и хозяевами Золотой Орды³⁵. Однако они отмечали видимые внешние черты [о них см. работы М.В. Горелика: Горелик 1987; Горелик, Фомичев 1989; Горелик, Ковпаненко 2001; Горелик 2002]. Иностранцы не утруждали себя количественным и качественным анализом элиты государства, процессом тюркизации монголов. Влияние и активность социальных слоев и этнических групп то время была прямо связана с их отношением к воинской службе. Народ-армия – тюрки в этом отношении имели возможность быть наиболее влиятельным и активным этносоциальным слоем, однако для этого они должны были освободиться от подчиненности другому народу-армии – монголам. Три поколения тюрков, образно говоря, выдавливали из себя раба. Конечным результатом этого процесса стало обретение независимости Улусом Джучи.

Мы не можем осуществить конкретный социологический анализ, но, исходя из закономерностей существования социальных систем, можем вполне обоснованно предполагать, что в ходе достижения независимости и последующей смуты помимо личностных интересов, подспудно шла борьба за групповые, социальные, этнические интересы и видим результаты борьбы – достигнутый исторический компромисс интересов. При самом общем рассмотрении он выглядел так.

Монгольская элита перестала делиться данью с Каракорумом. Тюрки перестали нести гарнизонную службу и охранять сборщиков дани. Все народы государства получили право на автономию внутренней жизни. Рюриковичи – политическая элита Руси получили право на сбор дани и управление внутренней жизнью на Руси. Тем самым были делегированы властные полномочия вниз, а русская политическая элита, как социальный слой, стала частью политической элиты государства. Русские люди получили возможность самостоятельно устраивать повседневную жизнь, течение которой лишь изредка прерывалась не столько нашествиями, сколько послами Орды для разбора тех тяжб, которые не могли быть разрешены на месте [о разнице между немногими нашествиями и многократными посольствами см. Горский 2000].

³⁵ Ибн-Баттута: «Город Сарай, — писал он, — (один) из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины... , переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... В нем (живут) разные народы, как то, монголы — это (настоящие) жители страны и владыки (ее), (388, с. 306).

Главные перемены в жизни общества были связаны с устранением баскачества и сбором дани иноземцами. Как упоминалось, перемены были в интересах тюрок, как народа. Естественно предположить, что в ходе смуты тюрки добились не только отмены неприятных повинностей, но, возможно, если по примеру мамлюков не смогли поставить монгольскую элиту под свой контроль, то заставили считаться со своими интересами. Субъективно тюрки отстаивали собственные интересы, объективно – интересы всех народов империи.

Тюрки (активное участие русских князей в смуте в исторических документах не отмечается) заставили властную элиту не только считаться с собой, но и с политической элитой покоренных народов, делегировать право принятия решений вниз, фактически ввести русскую политическую элиту, как социальный слой в состав легитимно правящей элиты государства, как региональную часть.

Если в Монгольской империи элита принимала в свои ряды немногих вождей побежденных народов, из уважения к их личным качествам, как правило, по критерию рыцарской доблести и таланта военачальника (например, Александра Невского и его отца Ярослава), то *с созданием Золотой Орды обремененной доверием стала элита побежденных народов как социальный слой*³⁶. На Руси Рюриковичам были доверены три главные государственные функции: полицейские, сбор налогов, установление внутренних устоев жизни в соответствии с традициями и эволюционными процессами развития. Тем самым, *наиболее многочисленному народу государства – русским была предоставлена возможность автономного общественного развития.*

Отсутствие восстаний народов непосредственно перед и после образования независимого государства косвенно свидетельствует о том, что общественное бессознательное всех народов Улуса если и не было вполне удовлетворено, то смирилось с жизнью в этом государстве. Создание независимого государства и смута фактически были революцией, завершившейся достижением неформального общественного договора, в результате которого, по-видимому, выиграли все социальные слои и этнические группы нового государства. И главный вопрос теперь стал иным: как обустроить дальнейшую жизнь в совместном общем доме, что принципиально изменить, а что оставить неизменным. Здесь нужно учесть одно важное обстоятельство.

Все народы улуса Джучи в условиях господства натурального хозяйства были экономически самодостаточны, что для средневековья естественно. У них не было столь характерной для современного мира сильной внутренней потребности в обмене знаниями, продуктами производства, технологиями и культурными достижениями. Насилием объединить эти этносы было много проще, чем удержать в одном государстве аморфный конгломерат народов. Жизнеспособность будущей Золотой Орды объективно зависела от того, насколько самодостаточные регионы установят между собой связи, насколько эти связи – экономические, культурные и идеологические станут тесными, естественными, насколько народы их населяющие станут двуязычными, говорящими как на своем родном языке, так и на общем для всех подданных империи. Иными словами, насколько люди, населяющие империю, превратятся в

³⁶ Разумеется, при этом предполагается политическая лояльность русских князей. По отношению к тем немногим русским князьям, которые проявляли неповиновение, Узбек хан прибегал «к политике самого жесткого террора, чтобы утешить остальных. Так, в 1318 г. был убит Михаил Александрович Тверской, в 1326 г. - Дмитрий Михайлович Тверской и Александр Новосильский, в 1327 г. - Иван Ярославич Рязанский, в 1330 г. - Федор Стародубский, в 1339 г. - Александр Михайлович Тверской и его сын Федор» [Егоров 2005, с. 14].

систему, где внутренние связи между элементами намного теснее внешних. Для жизнеспособности нового государства было необходимо создать условия, при которых народы почувствовали преимущества совместной жизни, а для этого обустроить – заселить оседлым населением центр государства, модернизировать управление, таким образом, чтобы центростремительные тенденции превалировали бы над центробежными.

ГЛ. 2. ПОКОЛЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЕЙ (1291-1343)

Четвертое поколение (1291-1308)

Предел возможностей вмещающего ландшафта

В четвертом поколении население степи, по всей вероятности, перевалив рубеж двух миллионов, *приблизилось или превысило предел кормящих возможностей вмещающего степного ландшафта*, за чем следует обычно экологический кризис.

Если людей становится больше, чем при данном способе ведения хозяйства, при неизменных технологиях может прокормить земля, то во все времена общество становится перед выбором экстенсивного или интенсивного пути развития. В первом случае – расширить природную базу за счет внутренних резервов целины или за счет природной базы соседей. Во втором – перейти на новые технологии, требующие новых знаний и умений, изменяющие условия существования и мировоззрения – представления людей о мире и о себе. Обычно общество пытается идти сразу в нескольких направлениях. Если же не удастся ни расширить природную базу, ни перейти на новые технологии, то народ ждет самый жестокий кризис – социально-экологический, кризис одновременно общества и природы и полуголодное существование, а в неурожайные годы – голод, косящий «излишек» людей. В таких случаях нередко народ поражают массовые эпидемии, резко снижающие численность населения, иногда приводящие к равновесию с возможностями вмещающего ландшафта.

На грани XIII-XIV веков демографический рост кочевников поставил их перед необходимостью расширения вмещающего ландшафта и/или перехода новым типам хозяйствования. «Градостроительство принимает небывалый размах и отдельные районы государства превращаются в многокилометровые полосы сплошной оседлости, состоящие из небольших городков, поселков и замков аристократии, окруженных возделанными полями» [Егоров 2005, с. 13]. Как четко фиксирует М.Г. Крамаровский, «становление и расцвет городской жизни, сопровождавшийся активной работой пришлых и местных строительных артелей, приходится на рубеж XIII—XIV вв.» [Крамаровский 2005, с. 118]. Как происходил процесс становления городской жизни с точки зрения миграции населения?

В скотоводстве появлялись излишние рабочие руки, и они могли найти себе применение, прежде всего, на родине, а на родине – преимущественно в сфере занятости растущих городов. **Здесь берут свое начало два процесса – количественный (экстенсивный) – усиление выпаса скота в лесах и качественный (интенсивный) – переход к земледелию и городским промышленным технологиям.** Для каждого процесса характерны свои специфические закономерности и ограничения: для экстенсивного – природные, для интенсивного – природные и социальные, для тех и других – временные.

Для кочевников расширение природной базы могло происходить за счет природной зоны лесов. Но расширение лесостепи за счет лесов, увеличение размеров и числа полей в лесах имеет природные ограничения и, как правило, требует больших промежутков времени. Скот может быстро съесть лесной подрост, но старые деревья не могут отмереть ранее положенного им срока – основные виды за 40-60 лет, дубы – за столетия. Интенсивность и скорость также зависит от видов домашних животных. Наиболее интенсивно съесть лесной подрост могут козы, затем овцы, ликвидировать дубравы – свиньи. Но самое главное заключается в том, что скорость роста человеческой популяции, подчиняющийся изначальному импульсу, может значительно превышать скорость умирания леса.

Выпас стад в лесах, расширение лесных полей зафиксированы биологами. При этом «летописные свидетельства подтверждают представления, полученные от анализа археологических данных». В современной лесостепи соотношение участков лесов и луговых степей не является следствием разных почво-грунтовых условий, а представляют собой результат разного соотношения оседлого населения и кочевников в прошедшие эпохи [Саушкин 1947, Максимов 1962, Кириков 1979]. Видна четкая зависимость продвижения кочевников и степной растительности на север. Летописи хранят названия "Половецкие кочевья" для местностей в окрестностях г. Белополье и Харьков, по реке Проня. Северная граница татарских летних кочевий XIV в. проходила по линии: верховья Северского Донца, Тихой Сосны, Низовья Медведицы. Сотни тысяч овец и коз уничтожали лесную растительность, леса заменялись лугами, луговая растительность ксерофитизировалась, типчак продвигался все дальше на север в область широколиственных лесов» [Смирнова, Киселева, с. 27]. Это продвижение, начавшееся в начале XIV века, закончилось в XV, дойдя до *естественных рубежей: далее на севере уже нельзя превращать лес в степь по природно-климатическим условиям*. В 70-х гг. XV в. золотоордынцы кочевали почти ежегодно близ южной границы Московского государства [Кириков 1979, с. 22, 24]. Таким образом, естественный процесс обезлесивания занял более полутора веков и вряд ли мог быть более быстрым.

Помимо наступления на лес, существовал и другой традиционный способ временного повышения продуктивности стад: а именно, изменять соотношение в стадах лошадей, коров и овец, в сторону увеличения овец. Этот способ чреват перевыпасом и деградацией пастбищ. Так, в Прикаспии степь сохраняется при плотности менее 0,7 овец на гектар, при более одной – пустыня [Мирошниченко, с. 40]. Для Калмыкии принято такое соотношение: при населении 300 тыс. человек, 1 млн. овец (69%), 200 тысяч лошадей (13,8%), 200 тысяч коров (13,8%), 50 тысяч верблюдов (3,4 %) [Виноградов и др., с. 103]. Как изменялось соотношение видового состава стад мы не знаем, но то, что оно где-то имело место, естественно предположить. Там, где это было деградация пастбищ вела обнищанию части кочевников, обнищание – к продаже в рабство детей.

Противоречие между возможностями вмещающего, кормящего ландшафта степей и ростом населения требовало сочетания и экстенсивного, и интенсивного пути развития, но практически степной тюркский этнос не мог выжить без перехода части его на интенсивный путь развития. Естественный процесс при этом подразумевал превращение кочевников в земледельцев. На этом пути стояли два ограничения: одно социально-психологическое, другое – природное.

Для кочевника стать земледельцем означало необходимость интенсификации труда и потерю социального статуса. Земледелец вынужден затрачивать больше физических сил и времени для добывания хлеба насущного и, соответственно, иметь меньше времени на отдых и другую деятельность. Меньшая интенсивность труда и большое свободное время делала жизнь кочевника более привлекательной. При неизменном с земледельцем уровне за счет качества жизни, за счет большего свободного времени кочевник осваивал вторую профессию, причем самую почетную и высокооплачиваемую в древности и средневековье – военную. В эпоху великих завоеваний каждый кочевник – профессиональный военный – рыцарь. Для кочевника стать земледельцем означало интенсификацию труда, сокращение свободного времени, потерю возможности быть профессиональным военным, т.е. потерю социального статуса. Тем не менее, когда обстоятельства принуждали к тому, кочевники массово оседали на землю. Этот процесс всегда был трагедией для народа. Однако нет свидетельств, что в Золотой Орде оседание на землю воспринималось как трагедия. По-видимому, здесь сыграли положительную роль два фактора: микро и макро, индивидуально-психологический и социально-психологический, конкретно, возраст превращения кочевников оседлое население и природно-географические ограничения, императивно обуславливающих не традиционную форму оседания кочевников на землю.

Оседание на землю

«Важно подчеркнуть, – пишет В.Л. Егоров, – что идея строительства городов не была заимствована монголами у соседей, а родилась в недрах самого кочевого общества как продукт его развития» [Егоров 2005, с. 18]. Излишнее население номадов было обречено переходить к оседлому образу жизни. Но как конкретно происходил переход номадов к оседлости, мы доподлинно не знаем. Нет свидетельств насильственного осаждения кочевых родов на землю, как нет и свидетельств добровольного перехода родов к оседлости. Ясно, что оседание на землю происходило не родами, что было бы непременно зафиксировано современниками, а индивидуально. Г.А. Федоров-Давыдов писал: «Кочевой образ жизни не исключал оседлости некоторой части населения – обычно беднейшего, лишившегося по тем или иным причинам скота. Так было в Дешт-и-Кыпчаке до монголов. Но после образования Золотой Орды и особенно после утверждения сильной централизованной власти кочевники в массовом масштабе переходят к городской оседлости, становятся жителями новых бурно развивающихся городов. К оседлости переходит и богатая, знатная часть номадов» [Федоров-Давыдов 1994, с. 14]. Однако это заявление ученого ни письменными, ни археологическими данными им не подкреплено. Известно лишь, что в Золотой Орде в стесненных обстоятельствах родители продавали детей. М.Г. Сафаргалиев, ссылаясь на Эль-Омари, объясняет главную причину продажи детей степняков необходимостью выплаты налогов:

«По временам, когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах, – писал Эль-Омари, – они продают детей своих, чтобы на выручку прокормить себя, и говорят относительно тех детей, которых они продали: «Лучше остаться в живых нам и ему (дитяти), чем умирать нам и ему». «Стесненные обстоятельства», заставляющие их продавать собственных детей, были связаны с уплатой дани. «Для султана этого государства (Кипчака) (наложена на всех их), т.е. подданных дань, которая взыскивается с них. Иногда

они ставятся данью в трудное положение – в годы неурожайные, – говорит Эль-Омар, – вследствие падежа, приклячающегося скоту их, или вследствие (сильного) выпадения снега и утолщения льда. Они продают детей своих для уплаты своей недоимки (податной)» [Сафаргалиев, с. 365-366].

М.Г. Сафаргалиев пишет, что продажа детей даже не в голодные годы была для степи обычным явлением³⁷. «Так, например, в 1338 году Орда не страдала от падежа скота, наоборот, этот год был более благоприятным для скотоводов, а кочевники были вынуждены продавать своих детей» [Сафаргалиев, с. 366].

Куда и кому могли продавать своих детей обедневшие кочевники? В богатые семьи кочевников, богатым оседлым тюркам и за пределы государства. Продажа за пределы государства означала расставание с детьми на всю жизнь. Продажа соплеменникам была более предпочтительной. Но кто из соплеменников мог быть потенциальным массовым покупателем детей, кто в это время больше всего нуждался в рабочих руках? Ответ очевиден: богатые оседлые тюрки, бизнес которых по обслуживанию международных торговых путей неуклонно расширялся, а расширение требовало новых рабочих рук. Кем были оседлые тюрки в системе племенных и родственных связей? Здесь мы должны обратиться не к археологии, а к этнической психологии и социологии.

Каждый тюрк помнит не менее семи поколений своих предков. Все потомки одного общего предка – родственники. Создание ям затронуло практически все тюркские рода, заставив часть семей рода осесть на землю. С момента создания почтовой службы в Улусе Джучи ко времени интенсивного строительства городов сменилось четыре демографических поколения. Это значит, что у каждого кочевника были свои оседлые родственники. Причем по тогдашним представлениям – не дальние, а близкие. Ясно, что социально-психологические и экономические ожидания, интересы и моральные ограничения продавцов и покупателей детей находились в единой сети норм большой патриархальной семьи, а основное отличие патриархального рабства – патернализм. В социально-психологической системе кровнородственных отношений, патернализм естественен. Когда проданы в рабство родственники, существует ответственность, конечно, не безвозмездная, богатых за бедных, старших за младших. И в таких условиях естественно то, что имело место в Золотой Орде: в течение своей жизни рабы, если и не становились свободными горожанами, то таковыми становились их дети: «Рабский труд, воскресший в эпоху обширных завоеваний XIII в., частично трансформировался в XIV в. в труд феодально-зависимого плебса... Мы предполагаем, что в первый период своей истории золотоордынский город представлял собой группу аристократических замков, окруженных жилищами пленных-рабов, зависимых ремесленников и строителей, насильно переселенных в это место. *Во второй период район проживания рабов превращался в поселение городского плебса, живущего своими усадьбами и своими хозяйствами, а многие замки аристократии постепенно окружались жилищами зависимых от них людей — клиентов, вольноотпущенников, усадебных ремесленников, домами представителей усадебной администрации. Усадьбы аристократии обрастали также более мелкими усадьбами вассалов*» [Федоров-Давыдов 1994, с. 13, 14; выделено мною – Э.К.],

³⁷ В.Л. Егоров обуславливает продажу в рабство детей не только выплатой недоимок в неурожайные годы, но и расходами на военное снаряжение в случаях срочной мобилизации в армию, требовавшей значительных средств на приобретение военной амуниции [Егоров 2005, с. 9]

Итак, финансово-экономические затруднения заставляли кочевников продавать в рабство детей, а не самим идти в рабство. Именно детей, т.е. тех, у кого еще не начался или не завершился процесс формирования системы ценностей – становления личности. Этот процесс начинается в подростковом возрасте и завершается в юношеском. После завершения, когда личностная система ценностных приоритетов окончательно утверждается, кардинальное изменение образа жизни требует уже не становления, а переоценки ценностей – самому мучительному для человека состоянию, психологическому стрессу. Поэтому добровольное или насильственное превращение кочевников в земледельцев, когда ведущая роль в семьях принадлежит старшим поколениям, как правило – трагедия.

В ином положении находятся дети. Для тех, кто в раннем возрасте стал горожанином, городская жизнь становится естественным состоянием. К ней они постепенно адаптируются, а перспектива социальной мобильности – стать вольноотпущенником, заставляет их активно осваивать непривычные для кочевников сферы деятельности. В Золотой Орде адаптация облегчалась родственными отношениями, существованием общей информационной и духовной сети, в которой как в биоценозах роли и отношения были во многом унифицированы, ритуализированы. Оседание на землю детей, в сравнении со взрослыми, наиболее гуманная форма адаптации. Однако не только адаптация с детства к городской жизни делала названный переход безболезненным. Не исключено, что он был не только безболезненным, но – желанным.

В течение жизни первых четырех поколений в благоприятных природно-климатических условиях в жизни прототатар произошло следующее.

Если во втором поколении возникло чувство хозяина вновь обретенной родины и начался процесс переход инициативы от монголов к тюркам, в третьем – произошла консолидация кочевого социума прототатар за счет тюркизации монгольской знати, то в четвертом – «критическая масса», плотность и компактность населения степей достигли уровня, в принципе позволяющего прототатарам осуществлять не просто переход к оседлому образу жизни, но начать процесс фундаментальных преобразований.

Если мы сопоставим демографический рост степного населения и внезапное массовое возникновение золотоордынских городов XIV века, то увидим, что начало возникновения сети степных городов происходит после достижения численности степного населения 2 млн. человек, т.е. приближение или достижение предела кормящих возможностей вмещающего ландшафта и необходимости перехода части населения к оседлости.

Если сопоставить вместе три реалии жизни того времени, то должны сделать вывод о значительной доле тюрков в составе золотоордынских горожан или, не исключено, об их подавляющем большинстве, а если принять во внимание кровнородственные отношения, то тюрки города и степи оставались в течение нескольких поколений одним народом. Эти три реалии и традиционные отношения следующие.

Во-первых, факт достижения предела возможностей кормящего степного ландшафта, что закономерно снижает потребности в рабочей силе в отгонном скотоводстве и уровень жизни кочевого населения и, следовательно, означает появление излишней рабочей силы.

Во-вторых, факт роста городов Золотой Орды с начала XIV века, который Г.А. Федоров-Давыдов характеризует, как стремительный [Федоров-Давыдов 1994, с. 16].

В третьих, факт отсутствия демографического и экономического роста в странах – соседях Золотой Орды, что означает стабильную ограниченность предложений со стороны внешней рабочей силы.

Кровнородственная связь тюрков-кочевников и оседлых тюрков заставляет иначе взглянуть на отношения кочевников и горожан в степях Золотой Орды. Конечно, образ жизни, диктуемый различиями в хозяйстве, позволяет говорить «об искусственном сосуществовании кочевых орд и городов с их мощным ремеслом и торговлей», на чем настаивал Г.А. Федоров-Давыдов [1997, с. 89], но только в экономическом, а не в социально-психологическом смысле. Родственники не могли не общаться между собой и, естественно, что в те времена, тесно общались. Не случайно зимой кочевники пригоняли стада к городам, постоянно ставили свои юрты у городов, даже в самих городах³⁸, да и просто жили в городских домах у своих родственников. Связь между городами и степью держалось не только одной объединяющей силой общей ханской власти, как утверждал ученый, но, также, а может быть, прежде всего, родственными отношениями людей.

При таких обстоятельствах утверждать, что яркая городская культура совершенно чужда кочевникам [Федоров-Давыдов 1997, с. 89], просто невозможно. Итак, со стороны кочевников симбиоз городов и степи в плане человеческих отношений не был искусственным. Но если бы тюрки в городах составляли меньшинство населения, а большинство – слившиеся в единый социум представители других стран и народов, то сами тюрки в этом городе могли быть инородным телом, также, как если бы тюрки, приходившие в города ассимилировались нетюркским городским населением. И тогда был бы прав Г.А. Федоров-Давыдов, говоря об искусственном симбиозе двух миров. Иными словами, ответ можно получить, если мы будем знать не только *количественное* соотношение тюрков и чужестранцев, а также *направленность* процесса: либо тюркизации чужестранцев, либо ассимиляции тюрков в городском социумом нетюркского происхождения.

Пятое поколение (1308-1325)

*Город*³⁹

³⁸ В Солхате «в черте города купец из Севильи Перо Тафур отметил размещение юрт — деталь, характерную и для городского быта Гюлистан-Сарая и, возможно, столичного Сарая (Федоров-Давыдов 1994. С. 59); жилища типа юрты открыты в Азаке и некоторых городищах Северного Кавказа» [Крамаровский 2005, с. 112].

³⁹ «По данным археологических исследований и средневековых карт во второй половине XIV в. в Золотой Орде известны остатки 110 городов, как основанных самими монголами, так и восстановленных ими после разрушения. Наиболее крупными и известными из них были: Сарай, Сарай ал-Джедид, Сарайчик, Хорезм, Хаджитархан, Болгар, Укек, Азак, Бельджамен, Казань, Маджар, Дербент, Крым, Мохши, Аккерман. Названия большей части золотоордынских городов не сохранились и известны лишь их археологические остатки», — утверждает В.Л. Егоров [Егоров 2005, с. 8]. Однако с оценкой количества городов не был согласен Г.А. Федоров-Давыдов. Он писал: «В научной литературе со ссылками на работы В. Л. Егорова бытует представление о большой урбанизации Золотой Орды, которое, очевидно, является реакцией на старое представление о Золотой Орде как о стране совсем без городов либо с малым их числом.

Мы не знаем точно, когда численность кочевников перешла порог кормящих возможностей земли, но знаем, что это случилось если не при жизни еще четвертого, то в течение жизни пятого поколения. Произошло это не в один день, год, но в какое-то одно из десятилетий: либо последнего XIII, либо, что более вероятно, первого XIV века. Мы не знаем, насколько был осмыслен современниками переход из одного состояния отношений людей и земли в другое. Ведь, казалось бы, все в жизни людей того времени складывалось наилучшим образом: военное могущество в зените, отношения власти и подданных отрегулированы, знать богата, народ еще не голодает. Но история свидетельствует, что именно в условиях видимого благополучия нарастает самый тяжелый кризис – кризис связанный со взаимоотношениями человека и природы [пример в Китае см.: Кульпин 1990, с. 157-165].

Тюрки пятого и шестого поколений почти целиком жили в правление Узбек хана (1312-1342), которое оценивается и современниками и историками как эпоха расцвета империи и городской жизни. «Если самое начало истории Золотой Орды характеризуется отсутствием каких-либо оседлых поселений и тем более городов, то вершина расцвета этого государства совпадает с бурным развитием городской жизни ... Правление Узбека (1312-1342) характеризуется высшим расцветом экономической и военной мощи Золотой Орды, значительными достижениями в области культуры и ремесла, – пишет В.Л. Егоров. – Резко разрастается площадь городов, а первая столица государства – Сарай – по размерам превосходила многие центры европейских государств. Население ее к этому времени насчитывало около 75 тыс. человек, что для XIV в. представляло огромную цифру. Здесь проживали монголы, кипчаки, асы, черкесы, русские, византийцы, причем источники свидетельствуют об их распределении по особым кварталам. Сами города застраиваются монументальными зданиями общественного характера и пышными дворцами аристократии. Иностранное купечество восхваляет хана за организацию совершенно безопасных и удобных караванных дорог, по которым беспрепятственно осуществляется связь из Западной Европы через Кафу, Азак, Сарай, Хорезм, Бухару и Самарканд с далеким Китаем» [Егоров 2005, с. 13-14].

Как писал Г.А. Федоров-Давыдов, «к этому времени завершилось формирование государства джучидской монгольской аристократии. Резко возрастают центральная власть и ее аппарат, могущество и сила хана. Страна управляется ханскими наместниками» [Федоров-Давыдов 1994, с. 16]. Историки отмечают, что в эту эпоху произошло резкое усиление центральной власти, сложилась единая система управления империей, стабилизировались границы, появилась огромная армия, состоящая в основном из мелких держателей условных владений. Ни крупных войн, ни восстаний в эпоху Узбек хана не было. В столетней вялотекущей войне с Хулагидами в Азербайджане были и успешный поход Узбека (1318-19 г.), и неудачи ордынцев (1325 и 1335 гг.). В сфере идеологии важным событием стала государственная исламизация властной элиты.

Монголы держали равную удаленность от всех народов и конфессий. Джучиды же в интервале смены трех поколений (третьего-пятого) осуществили решающий для себя этнический и конфессиональный выбор. В третьем-четвертом поколении они этнически тюркизировались, следовательно, связали свою судьбу

Называют 110 золотоордынских городов или близкую цифру. Однако в статье и книге В. Л. Егорова (160; 163) названы пункты, где встречаются золотоордынские древности вообще, не всегда города, которых, конечно, было значительно меньше» [Федоров-Давыдов 1994, с. 41].

с одним из многих народов империи, стали с ним одним целым, и одновременно, что не менее важно, тем самым этнически отделили себя от других народов. В пятом поколении они осуществила непростой (не все представители знати, а впоследствии не все тюрки были с этим согласны⁴⁰), но окончательный выбор конфессии – исламизировалась. Следствием выбора религии был и выбор ориентации культурной эволюции: на усиление связей с исламским миром и, по принципу компенсации, ослабление связей с христианскими странами и народами. Элита Золотой Орды связала дальнейшую эволюцию своей культуры с народами ислама. И это, безусловно, должно было иметь долговременные последствия⁴¹.

Всегда и везде гражданин или подданный любого государства оценивает деятельность последнего не по одному фактору, а по набору их, куда входит способность государства обеспечить порядок, безопасность, необходимые условия для приемлемого уровня и качества жизни. Эти условия власть обеспечивала. Казалось бы произошло оптимальное разделение функций между государством и обществом. Государство продолжало внутреннюю и внешнюю политику, направленную на поддержания законов, установленных еще Чингис ханом, на охрану границ государства военной силой и дипломатией, оно сняла с себя обязанность непосредственного управления жизнью окраинных народов империи, передав инициативу в развитии самим этим народам, не вмешиваясь в текущую внутреннюю экономическую и политическую жизнь окраин и сосредоточив свое внимание на развитие центральных волжских городов.

Золотоордынские города отличались от европейских. Если европейские города создавались на средства общества и в незначительной степени – государства, то государственный экономический и финансовый ресурс в создании золотоордынских городов был значительным. Г.А. Федоров-Давыдов писал: «Старые города, где хозяйственная жизнь была только приостановлена завоевателями, быстро возродились и стали в первое время главными центрами торговли и ремесла в молодом государстве. Хань, кочевая аристократия мало вмешивались в дела оседлых земель своей державы, предоставляя управление ими каракорумской администрации. Но вскоре сами золотоордынские ханы стали

40

Сначала «кандидатура Узбека (на трон – Э.К.) дружно и с негодованием была отвергнута всей монгольской аристократией, поскольку претендент был ортодоксальным мусульманином. Кочевые феодалы явно не желали повторения ситуации, возникшей при Берке, предпочитая оставаться в языческом неверии в единого бога. Оценив ситуацию. Узбек ... перебил своих недоброжелателей ... Государство оказалось на пороге крупного общественного потрясения и резкой перемены всей внутренней жизни. Естественно, что первым шагом нового хана явилось введение ислама на всей подвластной ему территории от Дуная до Иртыша. Сделано это было с полным учетом неудачного опыта Берке, пытавшегося утвердить господство новой религии путем убеждения в ее превосходстве над языческими обрядами и шаманским ритуалом. Узбек просто приказал перебить всех служителей неугодного ему культа, которых оказалось, по сообщениям источников, около 30000» [Егоров 2005, с. 13].

41

Вопрос этот требует специального изучения. В частности, современный уровень состояния науки не позволяет ответить на вопрос: были ли связаны между собой, а если да, то как были связаны, процессы исламизации населения степи и ухода вассальных русских земель из Золотой Орды. Однако нельзя не отметить, что именно в правление Узбек хана, осуществившего насильственную исламизацию неисламской знати Улуса Джучи, начался необратимый процесс перехода русских княжеств в Великое княжество литовское [см. Кульпин, Петкевич 2004].

интересоваться городской жизнью, создавать ремесленные мастерские, вступать в компании крупнейших торговцев, организовывать свои торговые караваны» [Федоров-Давыдов 1994, с. 10]⁴².

“Город – это скорее состояние сознания, сосредоточение традиций, — пишет Р.Парк. – Город не просто физический механизм или искусственная конструкция. Он вовлечен в жизненно важные процессы людей, которые создают его. Это продукт природы, в особенности человеческой природы” [Park, p.1]. Степные города и подходили, и не подходили под это философское определение. Например, из-за краткости существования они еще не успели выработать свои собственные традиции, действующие века. Или точнее, состояние сознания, образ жизни людей их населяющих, в ряде черт созвучный с образом жизни наших современников, находился в сильном диссонансе с образом жизни тогдашних жителей городов и весей на Западе и Востоке.

Многие ученые XX в., вслед за Максом Вебером, полагают, что организм (“тело”) средневекового города имеет пять отличительных черт: оборонительные сооружения, рынок, суд и относительное автономное законодательство, самоуправление [Weber, p. 66]. Из этих черт золотоордынские города имели только одну: рынок. Независимых, автономных судов, законодательств и самоуправления золотоордынские города не имели. Самоуправление, возможно, было в масштабе районов, но общегородским было не самоуправление и не государственно-бюрократическое управление, но, вероятно, отдельные городские службы. За исключением самоуправления, во всем остальном золотоордынские города были подобны современным, где управление бюрократизировано, законы – общегосударственные, а суд, хотя и местный, может апеллировать в высшие судебные инстанции.

В.Л. Егоров отмечает две характерные особенности степных городов. «Ни один из них не был окружен крепостными стенами, имея полную возможность развиваться в разные стороны (только Дербент стискивали стены, возведенные задолго до прихода монголов). Это поражало всех европейцев, привыкших жить в тесноте и скученности за мощными крепостными стенами, не позволявшими городам разрастаться вширь. *Вторая особенность золотоордынских городов состоит в том, что при их раскопках практически не встречается оружия.* За многие годы исследования обеих столиц Золотой Орды в них найдено всего несколько стрел и одно копье. Все оружие из ремесленных мастерских поступало в степь, где находилась грозная и мощная монгольская конница, которая и служила надежным щитом, охранявшим спокойствие городских жителей» [Егоров 2005, с. 9, курсив мой – Э.К.].

Эти две особенности в конечном счете сводятся к одной: в государстве, которое в целом В.Л. Егоров характеризует как милитаристское и агрессивное, **города были демилитаризованной зоной**. В демилитаризации городов заключается их принципиальное отличие не только от городов, но даже и от сельской местности современных им Запада, а также нередко и Востока. И на

⁴² Далее ученый сделал утверждение, с которым можно согласиться лишь частично поскольку массовые сгоны тысяч ремесленников в начале XIV в. в исторических документах не зафиксированы: «Став полноправными правителями в своих улусах, отделившись от власти Каракорума и его администрации, они с поспешностью строят новые города в Нижнем Поволжье, там, где раньше была кочевая степь. Они сгоняют сюда тысячи ремесленников из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма и Болгара, а те в быстрые сроки возводят замечательные города на Ахтубе и в дельте Волги» [Федоров-Давыдов 1994, с. 10].

Западе, и на Востоке города были крепостями, а иногда, прежде всего, или только фортификационными сооружениями и военными поселениями.

Итак, главное отличие заключалось в том, что города не имели стен⁴³. В Европе “крепостные стены – предмет неустанных забот горожан, на поддержание их в порядке и укрепление, прежде всего, взимался городской налог. ... Стены не только защита, но и символ независимости города. Право на их возведение добывалось в долгой и жестокой борьбе с феодалом, сеньором города, на землях которого город сложился. Это право даровалось королями вместе с привилегией горожан вершить свой суд, собирать в свою пользу таможенные и рыночные пошлины. И одним из тяжелейших наказаний, которым только могли быть подвергнуты непокорные горожане, являлось разрушение стен их города” [Ястребицкая, с. 100, 1001].

У городов Золотой Орды не было стен, а значит не только городских западных свобод и привилегий: в этих свободах и привилегиях золотоордынский горожанин не очень нуждался, но не было и сильных желания, навыков и знаний у жителей городов в отстаивании свобод и привилегий, фиксации завоеваний в законах. Иными словами, государственная опека объективно способствовала закреплению у горожан политического и социального инфантилизма.

Городские стены в Европе обуславливали страшную тесноту. “В средневековом городе дома теснились вдоль узких и кривых улочек, которые от нависающих вразнобой эркеров казались еще уже. Ширина улицы, как правило, не превышала семи-восьми метров. Так, например, выглядела важная магистраль, которая вела к собору Парижской Богоматери” [Ястребицкая 2, с. 105]. В западноевропейском “городе было не только тесно. Хозяйки выливали помои прямо на улицы, так что по городу было нелегко пройти и проехать. В уличной грязи возились свиньи и домашняя птица, здесь же играли дети... (город) представлял собой рассадник болезней. Грязь, скученность, примитивность медицины...” [Гуревич, с. 135]. “Одной из трудноразрешимых проблем ввиду незначительных размеров городских участков было уберечь источники питьевой воды от загрязнений фекалиями. В Вене XIII в. питьевые фонтаны на дворах домов находились на расстоянии не более метра от отхожего места. Опасность загрязнений была в полной мере осознана лишь в XV в... Чума, холера, желудочно-кишечные заболевания на всем протяжении Средневековья были типично городскими заболеваниями” [Ястребицкая 2, с. 110, 109]. Во всем изложенном города Востока от европейских принципиально не отличались.

⁴³ Нельзя не отметить, что для монголо-татар городские стены – психологический символ слабости. «Характерен случайный диалог двух купцов – венецианца Иосафато Барбаро, прожившего в Золотой Орде с 1436 по 1452 гг. и старика татарина. Разговор состоялся у городских ворот Таны, где внимание собеседников привлекла красота надвратной башни: «Не кажется ли тебе эта вещь замечательной? – спросил Барбаро своего случайного знакомого. – Ба! Кто боится, тот и строит башни, – усмехнувшись ответил тюрк» (Барбаро и Кантарини 1971. § 30, с. 148) [Крамаровский 2005, с. 109]. Впоследствии при нашествии Тимура в 1395-1396 гг. отсутствие стен привело к гибели городов. “Маршрут войск Тимура исчертил территорию государства во всех направлениях, нацеливаясь на разрушение и грабеж городов. Это была богатая и легкая добыча, так как города Золотой Орды не имели никаких фортификационных сооружений и практически были беззащитны... После этого подавляющее большинство городов так и осталось лежать в развалинах посреди степей: ни средств для их восстановления, ни ремесленников уже не было. Можно сказать, что вся золотоордынская градостроительная культура была уничтожена в течение одного года” [Егоров, с. 74].

Отсутствие стен в золотоордынских городах позволяло им безгранично распространяться по окружающей местности, иметь широкие улицы, которые не были средоточением городской грязи, рассадниками болезней. Города отличались усадебной планировкой. В усадьбах были не только дома, хозяйственные постройки, ремесленные мастерские, но сады и водоемы. *Все дома, и богатых, и бедных жителей, стояли в садах* [Федоров-Давыдов 1997, с. 94]. Из раскопок археологов мы знаем, что самая крупная из обнаруженных усадеб занимала площадь 260 соток, средние – имели площадь, примерно, 50 соток, даже небольшие, бедные – более 10 соток земли [Федоров-Давыдов 1994, с. 60-66]. Для сравнения: в Западной Европе того времени городских усадеб не существовало; в Новгороде, посадские усадьбы не превышали размера в 20 соток [Федоров-Давыдов 1994, с. 63] и садов в них не было.

Главные города Золотой Орды имели водопровод (в керамических трубах) и канализацию (в деревянных), систему подземных дренажей в деревянных трубах. Жители брали питьевую воду в фонтанах. Роль водостоков выполняли арыки. Городское хозяйство находилось на высоком для средневековья уровне [Егоров, с. 76, Федоров-Давыдов 1997, с. 94-95]. Между тем в те времена в Европе бани и водопровод были редкостью, водосточные каналы появились только в XIV-XV вв. и то лишь в крупных городах, общественные туалеты – явление XIX века. Эпидемии в Западной Европе во многом провоцировались чрезвычайной теснотой городских построек [Ястребицкая, с. 105, 109, 110]. В западноевропейском городе было не только тесно, но и грязно.

Европейский крестьянин, дышащий запахами полей, лесов, попадая в город, испытывал шок только от одних запахов, вызванных крайней скученностью людей. Даже в восемнадцатом веке в городах Франции «стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей» [Зюскинд, с. 5-6]. Кочевник⁴⁴, привыкший к духу степного разнотравья, попадая в золотоордынский город усадебного типа, такого шока не испытывал. Запахи даже ремесленных кварталов растворялись в почти бесконечном пространстве усадеб вдоль Волги на протяжении от Старого до Нового Сарая.

Полис и хора.

Город способен существовать и развиваться, за малыми исключениями, только вместе с земледельческой округой, производящей избыток сельскохозяйственных продуктов, прежде всего, зерна. Традиционно город связан со своим сельским окружением. Существует даже почти единое понятие, идущее от античности – «полис и хора», город и его сельское окружение. С точки зрения общепринятых представлений золотоордынский город не имел хоры, органично связанной с городом. Отсюда Г.А. Федоров-Давыдов оценивал связи золотоордынских городов с окружающей сельской периферией Орды по большей части как механический симбиоз, поддерживаемый лишь силой ханской власти [Федоров-Давыдов 1997, с. 89]. Лишь иногда ученый говорит о частично начавшемся процессе слияния двух миров: «В некоторых областях этот сплав (горожан и кочевников) достиг уровня синтеза новой культуры..., а в других областях мы чувствуем в значительной степени механическое соединение

⁴⁴ «Психологическое отторжение стационарного быта укоренившееся в тюркской среде вплоть до рубежа Нового времени, выразительно характеризует поговорка: «Чтоб тебе как христианину оставаться на одном месте нюхать собственную вонь» [Крамаровский 2005, с. 109].

разнородных традиций” [Федоров-Давыдов 1997, с. 89]. Главная причина “механического соединения”, по Федорову-Давыдову, города и “села” в том, что эти города не имели развитого земледельческого окружения. Природные условия до сих пор не позволили превратить земли вокруг нижней Волги в пашни и сады. Исключение составлял и составляет ныне длинный узкий остров между Волгой и ее протоком – Ахтубой. Но и там занимались не земледелием в главном смысле слова – зерноводством, но разведением садов.

Не было у степных городов Золотой Орды окружающего массового оседлого земледельческого населения, не было постоянных, связанных с городами сельских миров. Были временные сельские соседи – кочевники, приходившие к городам зимой и жившие зимой, собственно говоря, практически в самом городе, составляя его временные палаточные (юртовые) кварталы. Но уже ранней весной временные жители уходили от городов. В этом также проявлялась особая человеческая природа, специфическая свобода выбора образа жизни: оседлого или подвижного, наконец, компромиссного – маятниковых или спонтанных миграций. Тюркская знать и ее челядь могли в зависимости от желания постоянно жить в благоустроенных городах, на время (пикник) уходить в степь, сезонно мигрировать. Эта свобода передвижения, которая становится естественной для все большего числа нынешних жителей развитых стран, в средневековье была привилегией немногих. По мнению В.Л. Егорова, в отличие от Г.А. Федорова Давыдова, кочевая мобильность не была препятствием тесных связей горожан и номадов⁴⁵.

В то же время как города всех времен и народов, степные были центрами социальной и экономической деятельности, местом притяжения и выхода товаров, финансов и информации и потому продемонстрировали быстрый и практически бесконтрольный рост. В эти жизненно важные процессы были вовлечены представители не только и не столько *ближайшего сельского* окружения, состоящего из *конкретных* горожан и селян, как правило, знающих друг друга хотя бы в лицо, но далекого *городского* окружения — других регионов государства, других стран и народов, *анонимных* массовых потребителей. В этом *функционально* они были подобны современным городам, особенно таким, как Гонконг, Сингапур или таким странам, как Тайвань, Южная Корея. “Дух”, состояние сознания степных городов Золотой Орды определялся тем, что они были не только центрами транснациональной торговли, но и

⁴⁵ «Безусловным своеобразием Золотой Орды среди всех европейских и азиатских государств было тесное переплетение в повседневной жизни и хозяйственной деятельности двух укладов – кочевого и оседлого. Причем роль последнего со временем возрастала и расширялась, достигнув вершины к середине XIV в. Это, казалось бы, противоречивое двуединство прослеживалось даже в политической структуре государства. Наиболее ярко оно проявлялось в том, что сам хан с ранней весны до поздней осени в сопровождении огромной свиты кочевал по степи. И только с наступлением холодов он останавливался на зимовку в определенном месте. Вполне возможно, что первые годы существования государства местом своих зимовок хан Бату избрал восстановленный им город Болгар, бывшую столицу Волжской Болгарии, но несколько позже, около 1250 г., он облюбовал возвышенное холмистое место на левом берегу р. Ахтубы, примерно в 150 км от Каспийского моря, где и устроил свою новую зимнюю ставку. Вокруг нее разместились жилища многочисленной свиты и чиновников. Сюда же были пригнаны разноплеменные армии рабов и ремесленников, которые занялись возведением дворцов для знати. Естественным стало и появление здесь различных торговцев, привлеченных скоплением народа, а затем и крупных купеческих караванов, груженных предметами роскоши с Запада и Востока, рассчитанными на аристократические вкусы и кошельки» [Егоров 2005, с. 7].

интернациональными культурными центрами, что характерно для городов Европы, Азии и Америки лишь наших дней.

Все степные города располагались на реках. Почти все не имели в своем окружении полей⁴⁶, но во **всех** городах (и не только на центральных площадях) археологи находят большое количество тандыров – печей на которых выпекали хлеб – тот основной продукт, ради которого городу нужна деревня. **Тандыры – непосредственные вещественные свидетельства присутствия хоры, связи полиса и хоры.** Но где же была эта хора, если ее не было на привычном месте, рядом со степными, прежде всего центральными нижневолжскими городами? С древних греков «полис и хора» – город и его земледельческое окружение – два неразрывных условия становления цивилизации в Золотой Орде географически оказались территориально, но не экономически отделенными друг от друга.

Итак, земледельческой округи вблизи большинства новых золотоордынских городов не было. Была только голая степь. Вдоль рек могли расти сады, но не зерновые. А хлеб в древности и средневековье был основным долго хранимым продуктом, без которого цивилизованный образ жизни был невозможен. Степь также не могла предоставить то, что обычно предоставляет городу деревня. Главное, после продовольствия, в ряду таких поставок – источники энергии, в средневековье – не нефть, газ и электричество, но – уголь и дрова. Не было в степи и строительных материалов – камня и древесины. Последнее можно было использовать и по прямому назначению, так и для обжига кирпича – замены камня, как строительного материала. Земледельческого окружения не было, однако были реки – дешевый водный путь, по которому с верховий вниз по течению можно было поставлять хлеб и сплавлять лес. Эти жизненно необходимые поставки могли осуществляться за счет экономической выгоды, но чтобы гарантированно быть устойчивыми, они должны были быть вне корыстных частных экономических интересов, т.е. в обязательном порядке контролироваться государством. Как в наши дни контролируется «северный завоз».

В низовья Волги хлеб и лес поставлялись из Волжской Булгарии. Отсюда следует, что экономически Нижневолжская городская агломерация и Волжская Булгария были единым неразрывным целым, как ныне Россия и Европа. Европа ныне не может существовать без сырья и энергии России. Волжское экономическое единство имело под собой, что чрезвычайно важно, культурное, этническое основание. Волжские булгары были тюрками, при этом наиболее продвинутой частью тюркского мира. Они первыми из тюрков перешли к оседлости, земледелию, строительству городов, кустарно-промышленному производству. В эпоху Золотой Орды связи степных и оседлых тюрок усилились. Как пишет на основании своих многолетних интенсивных раскопок на Средней Волге археолог А.А. Бурханов, «в золотоордынский период, вследствие перемещения с юга и увеличения населения в центральных и северных районах Предволжья, активно осваивается наряду со старыми приволжскими территориями бассейны правых притоков Свияги – Улемы и Сухой Улемы, Низовья самой Свияги, а также правобережье Волги. Здесь зарегистрированы остатки более 75 золотоордынских объектов, среди них выделяются как бы три группы памятников, сосредоточенных вокруг крупных поселений» [Бурханов 2004, с. 39].

46

Исключением из общего правила были города, расположенные в низовья рек в Южнорусской степи и в Крыму – традиционных областей экспорта зерновых еще с античных времен.

Иными словами, **не одни нижеволжские города были сердцем Золотой Орды, как утверждают многие историки, но географически вся Средняя и Нижняя Волга, нижеволжская городская агломерация и Волжская Булгария, тюркские полис и хора, как единое целое.**

Экономическое единство, как ничто другое является важнейшим фактором достижения единства во всех других сферах человеческой жизни. Общая экономическая система – кочевники-земледельцы-горожане – имела под собой этническое основание. И это этническое основание в волжских городах укреплялось единством экономической системы. В остальных городах экономическое единство не было столь мощно подкреплено этническим базисом.

Полиэтническое население степных городов сохраняло традиции, привнесенные из разных мест, от разных народов⁴⁷. И в этом космополитизме, столь естественном для современного, но только не для средневекового мира, вырабатывалось необычное, несвойственное тому времени состояние единого сознания. В процессе самоорганизации, перехода от хаоса к порядку многое зависит от этноса-лидера, от его способности предложить другим народам “формулу” такого совместного бытия, которое устраивала бы всех. Обычно при завоевании кочевниками земледельцев миссию ведущего системообразующего этноса завоеватели уступали завоеванным народам. В Золотой Орде ситуация была нетипичной. Роль этноса-лидера здесь взяли на себя тюрки-кочевники, экономически к ним присоединились уже осевшие на землю жители Волжской Булгарии.

Поскольку степные города, как правило, не могли иметь земледельческого окружения, постольку **кочевники в Золотой Орде, оседая на землю, становились сразу не столько земледельцами, сколько горожанами или только горожанами.** Эти горожане имели вполне современные представления о качестве жизни: городские удобства в пригородных усадьбах. Иной процесс оседания на землю, а именно, стать не земледельцами, а сразу горожанами для кочевников Золотой Орды практически был исключен. Чтобы массово стать земледельцами, нужна была земля, на которой возможно производительное земледелие. К средневековью в Европе и Азии вся земля, способная давать высокие и средние урожаи, и которую без чрезвычайных усилий можно было при том развитии техники и технологии превратить в пашню, уже была пашней. Оставшиеся пространства для освоения под земледелие требовали таких интеллектуальных, финансовых, материальных и людских вложений, которых ни один народ того времени не имел. Не случайно, золотоордынцы осваивали узкие плоские земли вдоль рек. На этих площадях можно было выращивать сады, но – не зерновые. Под пашню Южнорусские степи (на территории нынешней Украины) Россия начала осваивать лишь в конце XVIII века и фактически освоила в XX-м,

⁴⁷ «Приходы, состоящие из кварталов, группирующихся вокруг мечети, церкви, синагоги или кенассы, облегчали условия существования горожан в условиях этнической пестроты и религиозного многообразия Золотой Орды. Кроме того, они обеспечивали возможность выживания, занимаясь привычным ремеслом, способствовали структуризации внутригородской общественной жизни, преодолению этнической замкнутости и лингвистической немоты. Объединительная роль церковных приходов еще мало изучена, особенно с точки зрения их вклада в развитие городских субкультур и сохранения (или утрат) родовой аутентичности» [Крамаровский 2005, с. 118]

когда были созданы мощные ирригационные системы. Степь же по обе стороны Нижней Волги под зерновые не освоена до сих пор.

Следует также отметить одну немаловажную деталь. «Особый расцвет градостроительства начался в правление Узбека после введения мусульманства в качестве официальной государственной религии. Именно с этого времени города принимают типичный «восточный» облик, застраиваясь мечетями, минаретами, медресе, мавзолеями» [Егоров 2005, с. 8]. Как свидетельствуют раскопки археологов и нарративные документы, мечети, особенно в нижневолжских городах⁴⁸, численно преобладали над церквями, т.е. города были населены либо уже исламизированным, либо исламизирующимся населением, представление которого о рае неизменно связано с садами и журчащей водой.

Конечно, созданию садов и огородов способствовал исключительно благоприятный климат XIII – первой половины XIV века [Слепцов, Клименко; Демкин, Демкина], но в создание плодородных почв были вложены огромный труд и агрономические знания. Тогдашние почвы главной городской агломерации на Нижней Волге были искусственного происхождения. Об этом неопровержимо свидетельствуют современные реконструкции на основе полевого морфолого-генетического и лабораторного химического и микробиологического анализов палеопочв Нижнего Поволжья.

Как пишут исследователи, «характерной особенностью средневековых палеопочв XIII—XIV веков на всех исследованных объектах является *существенное отличие их свойств как от предшествующего времени, так и от современных фоновых. Как правило, они более гумусированы, менее засолены, карбонатный горизонт залегает глубже, новообразования углекислого кальция представлены крупной и обильной белоглазкой, признаки солонцеватости отсутствуют, либо носят остаточный характер. Величина магнитной восприимчивости заметно выше...* Впервые полученные данные подобного рода без сомнения говорят о том, что в эпоху развитого средневековья в хроноинтервале XII – XIV вв. произошли довольно существенные изменения климата в сторону его гумидизации» [Демкины, с. 28, основные индикаторы рукотворности почв выделены мною – Э.К.]⁴⁹.

Основные индикаторы рукотворности почв⁵⁰ и их высокого плодородия – это те свидетельства, которые являются исчерпывающим доказательством высокой культуры земледелия, а последняя невозможна без высокого уровня общей культуры, причем не отдельных слоев, но массы населения. Л.О. Карпачевский, специально занимавшийся проблемой взаимосвязи почв и цивилизаций, пишет: «поэтому следует признать, что на первых этапах цивилизации человек мог даже улучшать почвы. Об этом же говорят оазисные почвы, образовавшиеся в

⁴⁸ Как пишет М.Г. Крамаровский, «археологические исследования последних десятилетий с очевидностью доказали исламский облик городов Золотой Орды от Сарайчика на правом берегу реки Урал в Западно-Казахстанском регионе до Солхата-Крыма в Восточном Крыму... О размахе культового строительства нижневолжских городов можно судить по информации Ибн Баттуты, отметившего только в Сарае тринадцать пятничных мечетей; по его словам, пятничные мечети он посетил в Маджаре и Каффе (СМИЗО I. С. 280, 287, 306)» [Крамаровский 2005, с. 109, 116]

⁴⁹ См. также: Демкин, Борисов, Демкина 2001.

⁵⁰ «Вообще, когда исследователь встречается с глубокогогумусной почвой (мощность гумусового слоя больше 10-20 см), он должен проверить следующие три версии: не является ли данная почва следствием аллювиального (делювиального) или азрального приноса материала. Если нет, то единственный вывод – антропогенное преобразование почв. В первую очередь это характеризует так называемые огородные почвы» [Карпачевский 2003-2, с. 94].

результате полива и наращивания почв кверху в результате выпадения взвесей, находящихся в поливной воде. Оазисные почвы кормили и кормят человека в течение 5–6 тысячелетий... В этом сухом, но теплом климате зародилось поливное земледелие и возникла практическая мелиорация. Сухие почвы требовали полива, обработки, соответствующих орудий и именно это обстоятельство способствовало началу развития нашей цивилизации, послужило первым толчком для ее развития» [Карпачевский 2003-1, с. 48, 50]⁵¹. Дав общую характеристику почвам Нижней Волги, Карпачевский подчеркнул наличие там почв оазисного типа⁵².

Разумеется, жители Золотой Орды использовали опыт садоводства и огородничества других стран, однако природа степей, не позволяла механически использовать этот опыт, но заставляла на базе заимствования создавать свою оригинальную культуру земледелия, сохранившимся до наших дней зеркалом которой остались почвы. Рассматривая культуру огородничества и садоводства жителями степных городов мы вплотную подошли к иным критериям цивилизационного синтеза, чем те, которые известны историкам, а именно к тем, которыми оперируют современные экологи и экономисты.

Шестое поколение (1325-1343)

Экологические и экономические критерии цивилизованности

Экологические критерии. По данным археологии мы знаем, что при жизни шестого поколения в ряде областей государства возникли полосы непрерывных⁵³ поселений. Особый интерес представляет центральная городская агломерация на

⁵¹ См. также Карпачевский 2000, с. 77, Карпачевской 2001.

⁵²

Карпачевский Л.О. по результатам работы по проекту РФФИ № 02-06-80184а (рук. Кульпин Э.С.), в отчете полевого исследования о почвах низовьев Волги в эпоху Золотой Орды, написал следующее. «Данные по палеоклимату и почвам XIII-XIV вв. справедливо показывают более благоприятные условия в этот период. Однако, данные о почвах скорее показывают их окультуренность в более благоприятных условиях, чем коренную смену типа почвообразования. Перемешивание почвы при вспашке, полив садов непременно привел к образованию глубокого пахотного слоя, к тому же более богатого гумусом. Эти данные показывают развитую систему использования почв в это время. Об этом свидетельствуют данные по карбонатам в почве. Опускание их уровня говорит о большем увлажнении. Каждые 100 мм осадков на Русской и Великой Американской равнинах снижает глубину залегания карбонатов на 30 см. Именно об этом свидетельствуют данные. Не столько увеличение осадков, сколько дополнительный постоянный полив мог способствовать промывке почв. Подытоживая можно сказать так. В XIII-XIV вв. климат региона был мягче. Считать смену климата главной причиной – возможно, преувеличение. Не исключено, что несколько повысилось количество осадков. Но этого было мало для того, чтобы резко, заметно и достоверно повысить содержание гумуса и усилить выщелачивание карбонатов. Скорее всего, увеличение содержания гумуса, особенно мощности гумусового горизонта связано с окультуриванием почвы. Вспашка, особенно, полив способствует увеличению гумусности почв и выносу карбонатов. Крупные включения белоглазки свидетельствуют о ее возможной перекристаллизации. В целом, мы имеем здесь дело с феноменом оазисной земли».

⁵³ «Отдельные районы государства превращаются в многокилометровые поселения сплошной оседлости, состоящие из небольших городков, поселков и замков аристократии, окруженных возделанными полями» [Егоров 2005, с.13]

Нижней Волге от Старого до Нового Сарая. Для возникновения городской агломерации в Нижнем Поволжье должны были решены проблемы одновременно экологические и экономические. Необходимейшим условием развития является способность сельского хозяйства страны производить избыток продовольствия и технических культур. Поскольку природа степей не была благоприятной для развития пашенного земледелия, чтобы понять, оценить по заслугам то, что смогли сделать элита и жители центральной части Золотой Орды, необходимо обратиться к тому критерию цивилизованности, который только входит в арсенал научной аргументации, именно – экологическому. Но для начала заметим, что ни одна известная нам, ни в прошлом, ни в наши дни городская агломерация не стояла перед необходимостью решать столь сложную проблему.

Известно, что цивилизация в самом общем виде – это синоним культуры, а цивилизованностью определяют уровень общественного развития – материального и духовного. В это определение входит и способность общества поддерживать достойное (с точки зрения представителей данной цивилизации) качество жизни людей даже в малоблагоприятных природных условиях.

Все древнейшие цивилизации не случайно возникли в субтропиках. Севернее субтропиков природные условия не позволяли обеспечивать то качество жизни, которое жители древнейших империй считали для себя достойным. А достойной они, как правило, считали жизнь в городах, где были сосредоточены все известные им материальные и духовные блага. Труднее, хотя и возможно, было создать аналогичные блага в сельской местности в благоприятных природных условиях Южной и Юго-Западной Европы, к примеру, в римских виллах, невозможно — в землянках, юртах, ярангах севера и востока Евразии.

Характерно, что северная граница Римской республики, а затем и империи долго совпадала с нулевой изотермой января, а потом незначительно “перешагнула” за эту невидимую грань.

За нулевой изотермой января жили варвары, которые (с точки зрения цивилизованных народов) были тем больше варварами, чем в более суровых природных условиях выживали. На землях между нулевой изотермой января и -5°C оседло жили германцы, за ними – славяне, дальше – угры, финны и, наконец, на тех же широтах, но в степях – кочевые народы. Поддерживать достойную жизнь в зоне степей европейской цивилизации удалось только с конца XVIII века. Именно в это время стала создаваться городская инфраструктура в прериях Северной Америки (не случайно именовавшихся Диким Западом), в аргентинской пампе и южнорусских степях.

До Нового времени в степях возникали отдельные города, но лишь однажды в истории человечества, а именно в Золотой Орде была создана *система* городов. В этих городах, как свидетельствуют археологические раскопки, были все мыслимые и немыслимые для того времени блага западноевропейской цивилизации. Необыкновенное явление, опережающее общий ход исторического развития, было создано, с точки зрения представителей великих цивилизаций Старого света, по инициативе варваров – кочевниками евразийских степей.

Благодаря работам археологов мы имеем сегодня представление о богатстве степных городов. Археологи традиционно рассматривали только социальные и политические процессы, что многое дало для понимания феномена Золотой Орды, но не позволяло полностью оценить значимость, грандиозность цивилизационного эксперимента. Совместив традиционные исторические исследования с работами биологов, географов и климатологов, мы можем понять

процесс формирования сложного социального организма, этапы развития и причины гибели.

Сейчас антропогенный ландшафт изменил облик природы и во многом – микроклимата. Европейской степи, располагавшейся в полосе между 52 и 48° северной широты, о которой будет говориться ниже, уже нет, но в отличие от городов Золотой Орды, исчезнувших не только с лица земли, но почти безвозвратно из памяти людей, ценоз степи до своего исчезновения был детально изучен биологами.

Великая степь до Золотой Орды не случайно не была страной городов. Климат степей Евразии суров и плохо приспособлен не только для земледелия, но и для жизни людей. Степь отличается сезонной и суточной контрастностью температур с сильным перегревом земли летом и резким остыванием зимой, большим суточным перепадом дневных и ночных температур. Практически вся выпадающая атмосферная влага (80%) в степи приходится на летние месяцы, причем крайне неравномерно: в июне-июле от Молдавии до Дона – засуха. С третьей декады сентября все евразийские степи погружаются в зимнюю спячку либо из-за нехватки тепла, либо воды, либо того и другого. Иногда вся влага может выпасть одним большим летним ливнем и быстро испариться из-за жары, а во все остальное время – сушь, из-за которой в степи не растут деревья, мало сочного разнотравья и у людей пересыхает язык во рту. Растения могут использовать не более одной пятой выпадающей в степи влаги. Через каждые 3-4 года в степи повторяются сильные засухи. Не случайно земледелие кочевников сводилось к весеннему посеву и уходу от поля, с возвращением к нему лишь осенью, сбору скудного урожая, если он был.

Степной климат нашего материка определяется областью высокого давления, которая тянется узким языком на запад от Сибирского антициклона, проходя по условной линии, соединяющей города Кызыл – Уральск – Саратов – Харьков – Кишинев – Секешфехервар. Эта условная линия названа Большой климатической осью Евразии. Ось служит ветроразделом на материке. Зимой к северу от нее, там, где располагается зона лесостепи и леса, где в средневековые жили земледельцы, дуют теплые ветры с запада и юго-запада, несущие осадки. К югу, там, где находятся степи, полупустыни и пустыни, где преобладают сухие и холодные северо-восточные и восточные ветры, в средневековые жили только кочевники.

Направление ветров продиктовано движением воздушных потоков в антициклонах по часовой стрелке – из центра, где атмосферное давление высокое, к окраинам, где оно ниже. В январе сильный перепад давления между Атлантикой и Сибирью создает мощную воздушную тягу от центра Азии к Атлантическому океану. Этот морозный “сквозняк” выбирает свой путь между возвышенностями, горами по ровным низким пространствам.

Территории к северу от Большой климатической оси Евразии получают зимой больше осадков, чем к югу от нее. Глубокий снежный покров предохраняет почву от чрезмерного промерзания. Весной здесь не просто много воды, но особенность паводка в том, что вода не сбегает сразу в реки, а постепенно просачивается в почву, увлажняя ее. К югу же от Большой климатической оси Евразии вода весной быстро испаряется, не успев просочиться в мерзлую почву. Степи получают воды не меньше, чем лесные экосистемы весной при таянии снега, а летом от ливневых дождей. Однако период обильного увлажнения в степях быстро сменяется засухой. Можно сказать, что жизнь в степи зависит от воды. Не случайно степные города Золотой Орды выросли на реках.

Биоценоз степи устроен таким образом, чтобы максимально сохранить влагу и фитомассу в засушливые периоды. Непрерывные кочевки – необходимое условие выживания крупного животного в степи. Если бы копытные при огромной плотности их населения были равномерно распределены по всему пространству степи или прерии, они съели бы всю надземную массу растений за несколько дней, не давая ей возможности отрастать [Судьба степей, с. 43, 75-76, 87-88, 90]. Но копытные не распределялись равномерно по всему пространству степи, этому в естественных условиях мешали хищники. Они вынуждали стада непрерывно двигаться, они заставляли располагаться сильным самцам по периферии стада, чтобы защищать молодняк, самок и слабых особей. Они регулировали численность млекопитающих, осуществляя естественный отбор.

До появления человека степь находилась в состоянии устойчивого гомеостаза. Как образно пишет Сергей Баландин, “Степь, как хороший туркменский ковер, нуждается, чтобы ее потоптали” [Судьба степей, с. 76]. Чем больше копытные топчут степь, тем больше на ней травы. Но топтать степь можно не беспредельно, хотя рекреационные возможности степного биота поразительно велики: “поверхность степи, утрамбованная скотом до состояния, напоминающего асфальтовое покрытие, уже через три года после снятия пастбищной нагрузки восстанавливает исходную форму...” [Судьба степей, с. 134]. Однако рекреационные возможности степного биота вовсе не безграничны. Экологическая уязвимость степи подспудно была “ахиллесовой пятой” золотоордынской цивилизации.

Освоение степей сделало степной гомеостазис менее устойчивым. Причем природная нестабильность возникает не только как следствие современных типов хозяйствования, средневековая урбанизация действовала в том же направлении. Золотоордынские степные города создавались на пустом месте. Люди, их заселившие, не знали, как вести себя в степи, не знали, что навыки, выработанные предками в других природных условиях, могут оказать на новом месте плохую услугу, однако быстро приспособили к ним свою хозяйственную деятельность. Зачастую не знали новую степь и кочевники. Она казалась им несравнимо более богатой их прежних родных мест, но они не знали границ ее возможностей, за которыми следует экологический кризис или локальная экологическая катастрофа. Однако до 1360-х гг. кризисных явлений не наблюдалось.

Границы возможностей природы степей определены, прежде всего, общей универсальной закономерностью: физическая масса домашнего скота при полностью антропогенном ландшафте или суммарная масса домашних и диких животных при не полностью антропогенном ландшафте не может превышать массу диких копытных, которые здесь были до человека. Кроме того, для сохранения экологического равновесия биоценоза степи большое значение имеет соотношение отдельных видов животных в общем их количестве. Время от времени, как это было в Рын-песках в XIX в. или сегодняшней Монголии, скотоводы попадают в экологический “капкан” превышения удельного веса овец и коз в общем поголовье. Чем больше возрастает число кочевников на одном пространстве, тем больше им требуется пищи, и тем больше меняется соотношение видов скота в пользу овец. Человек защитил от хищников самых слабых копытных – овец. А овцы оказывают самое сильное давление на землю, как прямом, так и в переносном смысле слова. Овца в отличие от крупных копытных двигается медленно и топчет землю основательно. Давление маленьких овечьих копыт на единицу площади в четыре раза превышает давление гусениц

среднего танка [Судьба степей, с. 164]. Если крупные копытные лишь обкусывают траву, то овца по народному бурятскому выражения – “стрижет”.

Таким образом, само существование Золотой Орды с учетом ее границ, особенностей климатических поясов, неразвитости средневековой инфраструктуры объективно требовало локального сосредоточения в степях – географическом центре государства не только административного и экономического управления, но скота и промышленности, что ложилось дополнительным бременем на биоценоз степи. Однако вплоть до начала гражданской войны в степи – Великой замятни, не было свидетельств деградации степи ни в целом, ни вблизи городов, причем не только благодаря культурным навыкам земледельцев и кочевников, но благодаря специфической «связке» «полис и хора».

Глядя из будущего видно, что кочевники-тюрки, ведомые уже не монгольской, но тюркизированной элитой общества, смогли организовать и стать главной движущей силой в быстром создании городов, обязанных своим возникновением, как местными нуждами, так и глобальными: великими торговыми путями. Перед обществом стояла задача соединить города в единую систему, в идеале создать городскую агломерацию и для этого решить проблемы производства. Вопрос организации производства: «как производить?», влечет за собой вопрос месторасположения – «где производить?».

Нельзя не согласиться с Д.М. Исаковым и И.Л. Измайловым, которые пишут: «Сердцем Улуса Джучи было Нижнее Поволжье. Именно в этой области, которая, по словам арабского историка второй половины XIV в. Ибн-Халдуна, была «богато возделанными местами» (то есть населенными пунктами - И.Д., И.И.) [Тизенгаузен, 1884. С. 378]. Здесь же находились два самых настоящих средневековых мегаполиса Улуса Джучи – Сарай и Сарай ал-Джадид [Новый Сарай], а также другие крупные города: Хаджитархан (близ современной Астрахани), Бельджамен (Водянское городище), Укек (близ современного Саратова), Гулистан, и Сарайчик (современный пос. Сарайчик, севернее г. Гурьева), которые вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявшими, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обеим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волги и Урала. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи, место, где происходило средоточие огромных материальных и людских ресурсов...» [Исаков, Измайлов, 67]. Здесь возникла крупнейшая в средневековье городская агломерация. Причины возникновения были многоаспектными.

«Нижеволжские степи были избраны Джучидами как основная территория их нового государства, как домен ханов Джучидов, вероятно, потому, что здесь в XII — начале XIII в. был своего рода «вакуум» — много свободных пастбищ и очень редкое даже для кочевой степи население. Эти районы были быстро заселены в XIII—XIV вв. кочевниками, стекавшими сюда по принуждению, а отчасти и свободно». К тому же «Нижняя Волга, где строились новые города, представляла собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать... расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы – Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с

караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья» [Федоров-Давыдов 1994, с. 11].

Экономические критерии. Грандиозная даже по современным представлениям нижеволжская городская агломерация функционировала в соответствии с закономерностями и с использованием всех основных экономических выгод, проявляющихся в современных городских агломерациях [см. Макконелл, Брю, с. 256-275] и в чем *явственно проявились экономические критерии цивилизованности*. Для создания городской агломерации Нижнее Поволжье отвечало почти всем необходимым условиям. Приведем их в соответствии с положениями современной экономики, но действующие для всего цивилизационного периода мировой истории.

Прежде всего, среди издержек по обеспечению производства ресурсами важнейшее место занимают затраты на преодоление географического пространства. Если производители размещаются в непосредственной близости от своих поставщиков и потребителей, затраты на транспорт и связь снижаются, производство и сбыт удешевляются. Пространственные преимущества являются основополагающими для экономического обоснования роста городов. Внутренняя экономия от роста масштабов производства возникает при доступности транспортных средств. Не случайно наиболее крупные города повсеместно в мире исторически сложились вокруг дешевых естественных или искусственных транспортных узлов: то есть вдоль побережья, на крупных реках, когда используется до наших дней самый дешевый вид транспорта – водный, или в XX веке рядом с железнодорожными терминалами.

В крупных городских агломерациях все большее число фирм и отраслей промышленности выпускает продукцию, которая представляет собой ресурсы для других фирм и отраслей. Эта растущая специализация производства позволяет фирмам, размещенным в непосредственной близости друг от друга, достигать существенной экономии на издержках транспорта и связи. Объединяющиеся фирмы *как группа* могут достичь более низкой цены на ресурсы, а следовательно, и снижения издержек, чего невозможно добиться при их географической разбросанности. А это в свою очередь обуславливает приток в города новых производственных мощностей и населения. В итоге притяжение производства, а следовательно, и населения в города генерирует *самовоспроизводящийся кумулятивный процесс*. Индикатором процесса можно считать быстрое развитие Нового Сарая (или Гюлистана, как считают некоторые исследователи) при Узбекхане.

Только в городских агломерациях можно создать богатую и разнообразную инфраструктуру, которая сама является мощной интегрирующей силой, воздействием которой объясняется непрекращающийся рост современных крупнейших городских территорий. В наши дни инфраструктура включает в себя водо- и энергоснабжение, очистные сооружения, транспортные средства, исследовательские и технологические услуги, финансовые учреждения и банки, консультационные службы управления и рекламы, специализированные юридические услуги и т. д. Почти все перечисленное, конечно, не на современном, а на средневековом уровне включалось в инфраструктуру золотоордынских городов⁵⁴.

⁵⁴ Конкретный анализ экономической жизни города с позиций современной экономики является предметом небезынтересного специального рассмотрения, выходящего, однако, за пределы данного исследования.

Далее, находящиеся в непосредственной близости друг к другу производители готовых товаров получают непосредственный доступ к промежуточным товарам и услугам и к рынкам сбыта своей готовой продукции. Поставщики промежуточных товаров и услуг получают непосредственный доступ к рынкам. И чем больше растут рынки, тем больше внутренняя экономия от крупномасштабного производства. В итоге все группы производителей стремятся сосредоточиться в городах, ибо только города способны обеспечить ресурсы и рынки в достаточных размерах, а также полностью удовлетворить разнообразные потребности.

Именно в городах сосредоточены не только потребители товаров и услуг массового дешевого производства, но и потребители изысканных удобств жизни. Благодаря широкому диапазону предлагаемых товаров и услуг городские агломерации являются тем местом, где в соответствии со своими вкусами и возможностями могут удовлетворять свои потребности представители почти всех слоев общества. Данное положение характерно не только для наших дней, но и прошедших времен⁵⁵. И это обстоятельство служит еще одной мощной силой, стягивающее население в городские агломерации.

Итак, для создания городской агломерации Нижнее Поволжье отвечало почти всем перечисленным условиям, кроме одного. Необходимейшим условием развития является способность сельского хозяйства страны производить избыток продовольствия и технических культур. Природа степей не была благоприятной для развития пашенного земледелия. И здесь, чтобы понять, оценить по заслугам то, что смогли сделать элита и жители центральной части Золотой Орды, необходимо обратить внимание на то, что ни одна известная нам, ни в прошлом и в наши дни городская агломерация не стояла перед необходимостью решать столь сложную проблему.

Однако вряд ли все то, о чем писалось выше, современники обдумывали в том комплексном виде, как это описывалось. В их сознании были лишь отдельные фрагменты, которые они непосредственно видели, и вытекающие из этого видения конкретные задачи, которые они решали. Все о чем говорилось выше было не в сознании, а в общественном бессознательном. В конкретной реальной жизни они просто обустроивали свою конкретную жизнь, а все вместе, в совокупности, не ведая того, решали большие комплексные проблемы, вовсе не оценивая грандиозность собственных свершений. Однако они бессознательно чувствовали их размах, зрительно представляя себе удивительный усадебный город-пригород на всем протяжении Нижнего Поволжья с кварталами ремесленников, базарами, площадями. На одном конце этой поселенческой ленты стоял Старый Сарай, на другом – Новый, а где-то в середине, не найденный до сих пор, таинственный сказочный Гюлистан.

Социальная ткань общества

Историки отмечают, что в Золотой Орде шел процесс слияния, срастания монгольской аристократии с городским патрициатом, чиновничеством, что усиливало исламизацию монгольской аристократии и переход ее к городскому оседлому быту [Федоров-Давыдов 1994, с. 16]. Для тюркизированной

⁵⁵ О знати, ремесленниках уже говорилось. Но «кроме высших государственных постов во владениях Джучидов было множество самых различных средних и мелких чиновников, среди них: правители городов, смотрители базаров, таможенники, судьи, сборщики налогов и т.п.» [Егоров 2005, с. 5].

монгольской элиты конкретным было стремление, наряду с частичным сохранением традиционного кочевого образа жизни, приобщиться к удобствам оседлой, городской жизни. Это стремление к качественно новому, городскому образу жизни совпадало с желанием тюркской массы и остальных народов империи. Административный ресурс государства был направлен на массовое строительство городов. Города создавались по ханскому приказу, но трудом и энергией простых людей. Тюркизированная элита также не оставалась в стороне. Как писал Г.А. Федоров-Давыдов, «в период правления ханов Токты и Узбека монгольская кочевая феодальная верхушка, чьи предки пришли из Центральной Азии, втягивается в торговлю и управление государством, сближается с мусульманской чиновничье-купеческой верхушкой городов. Некоторые представители старой монгольской кочевой знати становятся вельможами при городском дворе хана, принимают участие в управлении торговлей, ремеслом и общегосударственной политикой» [Федоров-Давыдов 1994, с. 15-16].

И все-таки одно государственное воздействие не могло обеспечить заселение и обустройство жизни в трудных природных условиях для крупных масс населения. Подобное заселение может произойти только усилиями общества на добровольной основе. Монголы построили в степи с редким кочевым населением столицу. Вслед за созданием столицы возникла проблема укрепления ее системой земледельческих и ремесленных поселений, иными словами, колонизации степи. Внеэкономическим путем, т.е. административным насилием, переселить на огромные расстояния окраинных земледельцев или насильно превратить кочевников в земледельцев и городских ремесленников и в наши дни затруднительно [о подобном явлении в Монголии см.: Кульпин 1987], а в средневековье было просто невозможно. Да правительство Золотой Орды после первого и единственного насильственного акта строительства Старого Сарая, и не пыталось сделать это.

Насильно государство не могло осуществить колонизацию степи, но в его силах было создать условия для действующего в этом направлении естественного процесса. Ныне почти забытый Ф. Энгельс писал: «Обратное воздействие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении, что и экономическое развитие. Тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития, тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени: или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Но ясно, что во втором и в третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и породить растрату сил и материалов в массовом количестве» [Энгельс, т. 37, с. 417].

Мы не знаем, существовал ли даже в самых общих чертах план того, что было реально создано в почти безлюдной центральной части государства. Сомнительно существование *программы* хозяйственного освоения степи, создания в ней очагов земледелия, развитого скотоводства, строительства населенных пунктов – центров торговли и ремесленного производства. Но несомненно, что правительство Золотой Орды действовало в том направлении, которое диктовалось демографическим и социальным развитием, не только не мешало естественным процессам, но способствовало ускорению этих процессов.

По мере того как поселения постепенно превращались в городки, в них все более многолюдными становились *базары* – *центры информационного обмена и*

связей тюрок - горожан и кочевников. У тех и других – единый язык и культура, привязанная к данному месту. У одних – постоянное жилье, у других – четко обозначенные маршруты кочевий, проходящих через определенные населенные пункты. Связи горожан и кочевников при этом не только информационные, но – кровнородственные.

Тюркизированная знать в массовом порядке строит в новых растущих поселках свои усадьбы, переходя к полукочевому или полностью оседлому образу жизни. Их тюркская челядь начинает постоянно жить в этих поселках, сливаясь со старожилами мест. В поселках идет развитие кустарно-промышленного производства на основе тюркской рабочей силы с естественным привлечением высококвалифицированных мастеров с окраин империи и из-за рубежа. Государство поддерживало режим наибольшего благоприятствования для жизни горожан. В этот режим входило отсутствие дискриминации по конфессиональным мотивам и поощрение международной торговли, что отмечали ведущие исследователи Золотой Орды — Г.С. Губайдуллин, М.Г. Сафаргалиев, Г.А. Федоров-Давыдов [Газиз; Сафаргалиев, с. 280-526; Федоров-Давыдов 1973]. «В начале и середине XIV в. городской патрициат и купечество, тесно с ним связанное, поддерживали сильную ханскую власть, так как она обеспечивала спокойствие торговли, процветание ремесел, снабжение городов материальными и людскими ресурсами». [Федоров-Давыдов 1994, с. 16].

Для поощрения торговли государство продолжало удерживать низкий уровень таможенных сборов. Последние повсеместно не превышали 5% от стоимости товаров. В Северном Причерноморье – до 3% на ввоз и вывоз товаров. Лишь при Бардибеке (1357-59), в канун Великой Замятни 1360-80-х гг., торговые пошлины здесь выросли до 5%. Это было необходимо, но не достаточно.

Здесь следует отметить, что в настоящее время выделяют пять основных экономических функций правительства:

- 1) обеспечивать правовую основу и социальный климат, способствующие эффективному функционированию рыночной экономики;
- 2) поддерживать конкуренцию;
- 3) перераспределять доходы и материальные блага;
- 4) регулировать распределение ресурсов для обеспечения общественными товарами и корректировать побочные эффекты и
- 5) стабилизировать экономику. [Макконелл, Брю, с. 200].

В Золотой Орде власти из названных функций выполняли первую и последнюю. Частично вторую, в значительной степени четвертую. Что касается своих купцов-уртаков, то правительство не только предоставляло им льготы, но прямо финансово поддерживало их. Даже частичное выполнение функций было большим достижением для тогдашних порядков в Европе.

В конечном счете, все зависело от отношения людей к выполнению работы по обслуживанию международной торговли. А они действовали так, будто знали фундаментальные положения современного маркетинга, а именно: 1) достижение максимально высокого уровня потребления, 2) достижение максимального удовлетворения потребителя, 3) предоставление потребителю максимальной широты выбора товара, 4) максимальное повышение качества жизни. Люди стремились и добились максимального спроса на свои услуги, связывали свое благополучие не с увеличением потребления (к примеру, созданием новых постоянных дворов), но качеством услуг на старых торговых путях, привлекали

купцов разными вариантами дорог, предоставляя свободу выбора, повышением культуры обслуживания, что видно по функциям караван-сараев.

Для жизни общества и в наши дни много значит отсутствие дискриминации по конфессиональным мотивам и максимальной для средневековья безопасности личной жизни. Для средневековья идеологическая толерантность и безопасность жизни были явлениями уникальными. Сейчас много говорят о глобализации. В средневековье самым глобализированным государством, ориентированным на внешнюю торговлю и в известной степени сформировавшимся в результате внешней торговли, была именно Золотая Орда. Эта ориентация во многом определила и ее внутреннюю жизнь. Прежде всего, конфессиональная принадлежность, равно как и этническое происхождение, не была ограничением для социальной и служебной карьеры. В мировоззренческой, идеологической сфере главное, чем отличалась Золотая Орда, – не просто веротерпимость, но и (что характерно для критериев цивилизованности в наши дни) государственная охрана инакомыслия. *Мы не знаем до конца татарского владычества на Руси, до 1480 г., ни одного случая посягательства ханов на установившиеся привилегии русской церкви.*

Купцы и предприниматели – представители самого прогрессивного, как мы знаем сегодня, социального слоя. В Золотой Орде этот социальный слой в соответствии с традициями, заложенными еще Чингис ханом, был уважаемым, а не приниженым. Порядки великой империи, защищающие жизнь, честь и имущество купцов, разительно отличались от европейских. “У путешественников не было недостатка ни в испытаниях, ни препятствиях ... лес с его опасностями и страхами... бандиты; бесчисленные пошлины, взимаемые в купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог...” [Ле Гофф, с. 128-129].

Был ли свободен человек в Золотой Орде? С современной точки зрения⁵⁶, подданный хана был бесправен, поскольку его права не были защищены четкими, юридически оформленными законами, обязательными для всеобщего исполнения (“закон превыше короля”). Но современный формальный критерий для средневековья не «работает». С позиций же тогдашнего европейца, парадоксально, но факт, подданный хана был максимально свободен. Ибо по средневековым понятиям, «свободный человек – это тот, у кого есть могущественный покровитель» [Ле Гофф, с. 262]. В Золотой Орде покровитель был самый могущественный из всех возможных – государство. Согласно некоторым косвенным свидетельствам не исключено, что в период расцвета порядок, поддерживаемый государством, осуществлялся в Золотой Орде не на словах, как в большинстве государств того времени, а на деле: был жестким и в некоторых своих чертах вполне цивилизованным. В частности, известно, что представителям власти запрещалось брать заложников, арестовывать вместо преступника родственников или соплеменников [Григорьевы, с. 96]. Ориентация не на групповую, а на личную ответственность каждого совершившего проступок характерна для норм современного права. Обычно обращение к групповой ответственности свидетельствует о бессилии власти. Приоритет личной – о

⁵⁶ Нельзя не отметить, что вопрос о правах человека обычно ограничивается политическими правами, в то время как Универсальная декларация прав человека учитывает и другие права – экономические и социальные, совокупность прав человека (или отсутствие таковых) в Золотой Орде требует специального анализа, который может встретить главное препятствие – недостаток информации. Лишь одно мы знаем твердо: интеллектуальное инакомыслие, сводимое в средневековье к свободному выбору конфессии, защищалось государством.

способности органов государства контролировать социальную жизнь общества. Ханская власть до Великой Замятни 1360 г. была сильной. Возможно, настолько, что могла действовать цивилизованными (с точки зрения современного человека) методами. Может быть (в современных критериях), скорее плохо, чем хорошо, но государство поддерживало порядок и противостояло притеснениям, ограблениям и оскорблениям, своеволию крупных и мелких феодалов, бандитов вплоть до 1360 г.

В результате консолидированных действий власти и общества быстро и практически одновременно, всего лишь за какие-то 60 лет, в степи возникло около ста крупных населенных пунктов – городов по определению историков и археологов. Хотя крупные населенные пункты в степях Восточной Европы возникали по ханским приказам, строились они, конечно, не по единому “типовому проекту”. Действовали единые принципы и нормы, которые не столько диктовались государством, сколько слагались из взаимодействия государства и общества.

Города Золотой Орды обозначили направление двух транспортных торговых путей Евразии: с Запада на Восток – Великий Шелковый путь и с севера на юг – Северная Европа–Персия–Ближний Восток. В степи возникло также 38 факторий торговых республик Италии – Венеции и Генуи. Часть факторий представляли собой небольшие поселки, факториями были и кварталы, обнесенные стенами, в двух золотоордынских столицах. Некоторые были городами, среди которых ныне наиболее известны крымские Судак и Феодосия – средневековые Солдайя и Кафа. Фактории вовсе не были независимыми – государствами в государстве. “На протяжении всей золотоордынской истории Солхат-Крым доминировал на полуострове в постоянном соперничестве с Каффой. И хотя это был спор двух примерно равных по возрасту административных “столиц” – джучидской и “колониального владения Газзари” – реальная власть в Крыму, несмотря на поражения золотоордынцев в локальной войне с генуэзцами в 1385-86 гг., принадлежала Солхату” [Крамаровский, с. 102].

География городов наглядно показывает, что наибольшая плотность городского населения приходится на место пересечения двух торговых путей север-юг и запад-восток. Это место не было “точкой” географического пространства, но соединением двух путей по левобережью Волги от нынешних Волгограда до Астрахани. При этом товары на пути запад-восток шли по суше, на пути север-юг – по воде: Балтике, по Волге, Каспию. По суше можно переправлять много меньше товаров по массе, чем по воде. Здесь перевозятся дорогостоящие товары, приносящие доход казне за счет таможенных пошлин и денежное вознаграждение за услуги населению городов и поселков. К примеру, товары согдийских купцов включали шелк, коноплю, серебро, золото, нашатырь, лекарственные травы, латунь, стекла изумрудного и красного цвета, некоторые виды тканей и т.д. [Аскаров и др. 1991, с. 7]. По суше можно было перевозить не более нескольких тонн груза в одном караване (“Товары можно вести в повозках, которые могут брать до 30-40 пудов. В эти повозки обычно запрягают трех верблюдов...” [Газиз, с. 63]), по воде – десятки и сотни тонн в одном судне.

По Волге идут и дорогостоящие легкие товары, например, меха, но больше объемные и тяжелые. По воде можно сплавлять лес и зерно. Из письменных источников известно, что лес и зерно по Волге идут не из Руси, а только из Булгарии. Булгария – земля оседлых тюрок уже более шести столетий, народа построившего великий город – Булгар и другие города, народа уже вступившего в

эпоху городских цивилизаций. Казалось бы болгары также должны массово мигрировать вниз по Волге. Однако нет свидетельств о массовых миграциях болгар в низовья, где идет интенсивное городское строительство и развитие кустарной промышленности.

Для массового строительства, для защиты от холода, для обжига кирпичей, производства утвари из керамики и металлов, оружия требовалась огромная количества топлива, которое в безводную и потому безлесную степь нужно было доставлять с далекого лесного севера. Само существование столицы, а затем растущих около нее поселков, городков требовало хозяйственных связей с провинциями. Эти связи государством организуемые и государством контролируемые были тем более необходимы, что центр империи, как упоминалось, находился в климатической зоне, не слишком благоприятной не только для градостроительства, но и для жизни людей. Основными строительными материалами для фундаментальных сооружений были камень и кирпич. Кирпичи и связующий материал – известь изготовлялись на месте, а дерево для обжига кирпича и извести могло быть привезено в безлесную степь только издалека, да и камень редко был рядом. Для первой столицы Золотой Орды – Сарай-Бату строительные материалы и сами строители поставлялись путем государственного насилия. Потом насилие прекратилось, и развитие всех остальных поселений протекало естественным путем – на основе самоорганизации общества и экономических интересов, но под приглядом ханской власти.

В пятом и шестом поколении потомков завоевателей Восточно-европейских степей (1308-1343 гг.) произошел массовый переход части тюрков от кочевой к оседлой жизни. **Поскольку природные условия не позволяли кочевникам стать пашенными земледельцами, перед кочевыми тюрками была единственная возможность перепрыгнуть через один исторический этап развития сразу в другой – в эпоху ремесленного городского производства, и они этим воспользовались, создав систему городов. Этот переход в отличие от всех других прецедентов оседания кочевников на землю, означал не снижение, а повышение и уровня, и качества жизни, а переход из милитаризованной в демилитаризованную зону означал для кочевников (народа-армии) изменения смысла жизни.**

Оптимальное этническое соотношение тюркского и представителей других этносов стало предпосылкой процесса интенсивного усвоения достижений других стан и народов, развития этих достижений и создания уникальной цивилизации. Характерной особенностью этой цивилизации был высокий уровень глобализации, что характерно для XXI, но – не XIV века. Индикаторы цивилизованности Золотой Орды – экологические и экономические – оказались также не средневековыми, а современными.

Седьмое поколение (1344-1361).

Начало бедствий

После смерти Узбек хана в 1342 г. ханом стал его сын Джанибек, который правил до 1357 г. Его правление было последним долговременным. Оно отмечено потерей ряда русских земель за счет поражений в борьбе с Польшей и Литвой и усилением сепаратизма в степной зоне империи. Единственный крупный успех

был в борьбе с Хулагидами – новое завоевание Азербайджана. После смерти Джанибека почти сразу был потерян Азербайджан, затем от ханства отделилась восточная часть – Синяя Орда, за ней последовал Хорезм, а на Средней Волге образовалось два независимых от Сарая княжества.

На седьмое поколение обрушилось несколько бед. Для современников, внутри страны и за ее пределами, самой яркой была чума 1346-1347 гг.. Черная смерть прошла косою по южной и центральной частям империи. «От чумы, прокатившейся по всей Европе, особенно сильно пострадало население Дешт-и-Кипчака, Крыма и Поволжья. Под 1346 годом в русских летописях говорится: *бысть от бога на люди под восточной страною, на город Орначь и на Хозторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на фрязы и на черкасы и на всех томо живущих, яко не бе кому их погребати* [ПСРЛ, т. IV, с. 5., т. V, с. 225, т. VIII, с. 210, т. X, с. 217]. Из-за чумы "в землях Узбековых... обезлюдели деревни и города" [Тизенгаузен, с. 530, Брун Ф.. Черноморье т. 1. с. 285]. (см. карту). Только в одном Крыму, - писал М. Сафаргалиев погибло от чумы свыше 85 000 человек» [Сафаргалиев, с. 372]. Не исключено, что масштабы депопуляции преувеличены⁵⁷. Но факт, что «от последствий чумы Золотая Орда долго не могла оправиться. Только в последние годы правления Джанибека (убит в 1357 г. – Э.К.) она была в состоянии возобновить войну с хулагидами на Кавказе, закончившуюся временным присоединением Азербайджана к Золотой Орде» [Сафаргалиев, там же].

Из исторических прецедентов известно, что голодовки, эпидемии и иные стихийные бедствия, уносящие жизнь значительно числа жителей, способны создать ситуацию остановки демографического роста, выходящего из равновесия с кормящими возможностями природного ландшафта, стабилизации баланса между возможностями природы и численностью населения, выхода из социально-экологического кризиса или недопущения его [Кульпин 1999, с. 209]. Этот дисбаланс в Восточной Европе гнал стада кочевников в леса все дальше и дальше на север, превращая леса в лесостепь, а также – в города, удовлетворяя растущий на международной торговле дефицит в рабочих руках. Однако насколько по принципу «нет худа без добра» чума могла действовать позитивно на процессы эволюции в Золотой Орде, мы не знаем не только потому, что история не имеет сослагательного наклонения, но из-за не просто малой исследованностью процессов, но практически полным отсутствием комплексных исследований.

Испытания «на прочность» молодой цивилизации были не только со стороны природы, и не только извне, но и изнутри. Многие из этих «вызовов» остались незамеченными, как современниками, так и историками, традиционно сосредоточенными на военно-политических аспектах процессов.

С 1360 г. в центральной части государства с правления хана Кульны (Кульпы) началась двадцатилетняя гражданская война, называемая в русских летописях Великой замятней (смутой), борьба всех против всех. Ханы менялись с такой скоростью, что русские летописи не успевали отмечать их имена. После Бердибека престол занимали 26 ханов. Обострение междоусобной борьбы за власть создавало препятствия для хиреющей и без того международной торговли

⁵⁷ Так, М.Г. Крамаровский полагает, что арабские источники сильно преувеличивают число жителей Солхата в XIV в., называя цифру в 85 тысяч человек, пострадавших от чумы в 1346—1347 гг. Исходя из селитбенной площади города, которая в 4,5 раза меньше Сарая, он оценивает число жителей Солхата, как не превышающее 11 тыс. чел. [Крамаровский 2005, с. 112].

и стимулировало центробежные тенденции. Северо-восточные русские княжества перестали платить дань, западные и северо-западные – в массовом порядке стали выходить из под юрисдикции Орды и переходить в Великое княжество Литовское.

Едва успел народ оправиться от чумной эпидемии, как началась десятилетняя засуха, а в далеком Китае (1351 г.) – антимонгольское восстание. Поскольку китайцы в товарах Европы не нуждались и торговать с Европой их заставляли монголы, Великий шелковый путь стал умирать с начала антимонгольского восстания. Объем торговли с Китаем стал сокращаться, чтобы сойти на нет после занятия в 1368 восставшими Ханбалыка (Пекина) – столицы Китая со времени монгольской Юаньской династии.

Вынужденный уход золотоордынцев из Ирана и Азербайджана при Бердибеке в 1357 г. означал уход из узловых контрольных пунктов другого великого торгового пути – Север-Юг. Торговые пошлины, как упоминалось, не только наполняли казну, но прямо влияли на уровень жизни всех слоев городского населения. Доходы от международной торговли год от года неуклонно снижались с конца 1350-х гг.

От снижения объемов торговли страдали города и более всего жители нижеволжской городской агломерации, места, где сходились пути транзитной торговли Север-Юг и Запад-Восток. Нищали государственные чиновники, аристократы и зависимая от них челядь, усадебные клиенты и вольноотпущенники, независимые владельцы мастерских, свободные ремесленники, купцы. Иноземные купцы, квалифицированные ремесленники покидали города. По мере обнищания элиты беднеющие города стали покидать иноземные мастера, ученые, приглашенные ранее ко двору или богатыми сановниками.

Если бы народ мог бы продолжать жить своей жизнью независимо от элиты, лишавшейся доходов и стремящейся компенсировать потери за счет ближних своих, то, возможно, падение не было бы столь глубоким. Но в предыдущий период народ и знать не просто действовали в одном направлении, они действовали совместно. Возникла единая экономическая, социальная и культурная ткань общества, где все элементы взаимосвязаны. В такой ситуации, если система деградирует, то деградирует вся. Если процветает знать, ставшая стратой менеджеров, то процветают все, если нищает знать, то нищают все, если элита начинает решать проблемы в междоусобной вооруженную борьбу, то в вооруженную борьбу втягиваются все. Возникшее единство народа и элиты, бывшее недавно великим благом, обернулось наихудшим злом.

В демократическом государстве, т.е. в государстве, где руководство осуществляется из нескольких центров, деградация одного из них вовсе не обязательно приводит к деградации всех. Так, в мирной степи распри знати не обязательно отражаются на жизни народа. В тоталитарном государстве, т.е. в системе с руководством из одного центра, деградация этого центра означает деградацию всей системы. При этом, чем система проще, тем падение меньше, чем сложнее, тем больше. Золотая Орда с ее высокоорганизованным политическим и экономическим центром – нижеволжской городской агломерацией – была для средневековья сложной системой (более сложной был Китай и немногие другие страны Востока). С большой высоты и падать приходится далеко. В результате фактической *безгосударственности* с конца

жизни седьмого поколения империя лишилась больше половины земель и подданных, а достижения городской цивилизации были сведены почти на нет.

Многочисленные группировки элиты постепенно втягивали в свою вооруженную борьбу все слои кочевого и городского населения. Страна распалась на автономные части. Если седьмое поколение еще не полностью было вовлечено в междоусобицу элиты, то все восьмое не могло заниматься ничем иным, кроме участием в беспощадной борьбе верхов за власть, теряя гражданские знания, профессии, квалификации.

Особенно сильно страдали нижеволжские города. Напомним, что экономически они были единым целым со средневолжскими, которые являлись их сырьевой промышленной и сельскохозяйственной периферией. С образованием двух самостоятельных княжеств на Средней Волге, одного на левом берегу с центром в г. Булгар, другого на правом с центром в г. Наровчат, «большая территория на Средней Волге оказалась оторванной от Сарая» [Сафаргалиев, с. 383]. Иными словами, де-факто в начале жизни восьмого поколения началась блокада нижеволжской городской агломерации – административного, хозяйственного и культурного центра, образно говоря, мозга и сердца империи.

В период смуты нижеволжские города умирали в прямом и переносном смысле: на месте прежних городских кварталов росли кладбища⁵⁸. Как пишет археолог В.Г. Рудаков о результатах своих раскопок в Сарае Бату, «отличительной особенностью этой части города было существование здесь в середине XIV в., наряду с домами рядовых жителей, крупных аристократических усадеб (раскопы II, VIII, XI, XV и XXI)... Общим для обоих районов является то, что застроены они были, в основном, к началу 1330-х гг., а расцвет их приходится на 1330-1360-е гг. ...В период междоусобиц (1360-1370-е гг.) данный район, *как, впрочем, и весь город, приходит в упадок*. Нарушается стройная система улиц. Забрасываются и засыпаются водоемы-хаузы, дренажные канавы и арыки. Прекращают работу многие мастерские. Перестают функционировать соборная мечеть и общественная баня типа хаммам, выходившие фасадами на площадь (раскоп XIII). *Гибнут все пять больших аристократических усадеб примерно в одно и то же время: в конце 1366 г.* Та же картина наблюдается и на остальных раскопах этого района городища [Рудаков, с. 63-64; выделено мною –Э.К.].

На сердце империи, колыбель цивилизации, центр этногенеза татар обрушились немыслимые даже по меркам современного общества беды: все было против них – чума, климат, мировая торговля, внутренняя экономическая блокада.

За все это время до Тохтамыша⁵⁹ не появилось ни одного общепризнанного политического лидера, способного объединить интересы знати и разноплеменного населения империи.

Принцип престолонаследия

⁵⁸ «Исследованные участки района между Кучугурами и Красным бугром при Тохтамыше большей частью представляли собою *пустыри и кладбища*... А в XV столетии почти вся территория Сарая превращается в кладбище» [Рудаков, с. 65].

⁵⁹ О попытках Тохтамыша спасти гибнущую империю см. исследование И.М. Миргалеева [Миргалеев]

В предыдущих работах, говоря об экологических, экономических и социальных причинах смуты, мы не затрагивали политические, а более конкретно, проблему престолонаследия. Оставаясь в тени других объективных причин, проблема престолонаследия стала явственной в исследовании жизни поколений.

Как уже упоминалось, в Золотой Орде не был четко определен принцип престолонаследия.

Если не определен принцип престолонаследия, монархов возводит на престол не право, а сила.

В Западной Европе действовал принцип майората, по которому любой собственник мог передавать свою основную собственность лишь одному прямому наследнику мужского пола, как правило, старшему сыну. Для крестьян и феодалов основной вид собственности – недвижимость. При этом для феодалов власть и собственность было одним целым. Это означало, что лишь прямые потомки могли претендовать на власть, любые другие претенденты не имели законных оснований, т.е. в глазах общества являлись узурпаторами законной власти-собственности.

Джучиды подобно Рюриковичам, владевшим Русью как коллективной родовой собственностью, **все** могли претендовать и на местную, и верховную власть. На верховную власть нужно было получить согласие остальных претендентов. Это «согласие» достигалось физическим устранением активных и устрашением пассивных конкурентов.

В борьбе за власть выживал сильнейший. На этапе борьбы за власть, его не должны были останавливать никакие чувства, привязанности, моральные принципы. Только при таких личных качествах борьба за власть могла быть кратковременной и с наименьшими человеческими жертвами. Оптимальный вариант – быстрый дворцовый переворот, не затрагивающий работу государственного аппарата и жизнь народа.

Этот сильнейший должен был быть выдающейся личностью, не только решительность, но и ум которого должны были значительно превосходить волевые и интеллектуальные способности соперников. Эти же качества после прихода к власти обеспечивали эффективное руководство государственным аппаратом и укрепление власти за счет проведения внутренней и внешней политики в интересах широких слоев общества.

Чем меньше у какого-нибудь одного претендента было харизмы – резко выраженного личного превосходства над другими и чем меньше при прежнем властителе он заслужил со стороны влиятельных социальных слоев общества понимания и поддержки, тем больше в такой ситуации возникает активных претендентов на верховную власть и стремления к независимости местной власти, находящейся в руках пассивных претендентов.

Чем больше число претендентов, тем более выдающимися способностями должен обладать какой-нибудь один из них. Для элиты Золотой Орды количество претендентов не могло достигнуть той критической массы, когда количество переходит в качество⁶⁰. При десятке претендентов – это может быть просто более

⁶⁰

Как писал Г.С. Губайдуллин, в XVI в. в Астраханском ханстве «было 500 представителей «белой кости» на 10 000 представителей других слоев» [Газиз, с.90] . Конечно, это не столько количественная, сколько качественная оценка, но безусловно, потомки Чжучи исчислялись не сотнями, а тысячами.

активный и беспринципный человек, при сотне – способный, при тысяче – выдающихся способностей. Число формально равноправных конкурентов на власть за смену семи поколений Чжучидов возросло от десятков до сотен, возможно, тысяч. Но возможность появления среди Чжучидов гения, типа Чингис хана, в сложившихся условиях была ничтожной. Система передачи власти, заложенной Чингис ханом, неизбежно должна была приводить к катастрофе всей властной структуры после смены нескольких поколений.

Последний потомок Чингис хана, который мог взять власть путем дворцового переворота был правнук Джучи – Узбек. Предыдущий хан Токта завещал престол вовсе не Узбеку, но своему сыну Ильбасару. Чтобы занять престол, Узбек уничтожил не только сына Токты, но еще 20 чингизидов вместе с их приближенными [Сафаргалиев, с. 331--332]. Физически устранив активных претендентов на власть, Узбек одновременно устранил пассивных – владельцев крупных и мелких уделов, на протяжении всего его правления выражавших полную покорность ему. Все это позволило ему выстроить работоспособную вертикаль власти, без чего в принципе невозможно единения народа и власти в тоталитарном государстве.

Отсутствие борьбы за власть на всех уровнях создало принципиальную возможность общего дела народа и власти, цивилизационного прорыва, борьба же власть блокировало возможность не только развития, но и сохранения статус-кво..

К моменту смерти Узбек хана число возможных претендентов на престол, превысило сотню, насчитывало, возможно, не одну сотню. Сын Узбека Джанибек смог занять престол убийством лишь двух своих братьев (в том числе и законного наследника Тинибек), но, чтобы сохранить уровень эффективности работы государственного аппарата, он должен был лишить права на власть не только верховную, но и местную элиту – **всех Джучидов**, осуществить революцию сверху. В противном случае вопрос его физического устранения был лишь делом времени, а эффективность работы государственного аппарата, занятого не решением проблем государства, а вовлеченностью в интриги борьбы за власть, могла лишь стремительно снижаться.

В любом человеческом коллективе неизбежность ближайших кадровых перестановок, заставляет людей думать не столько о работе, сколько своем месте после кадровых перестановок. Нередко больше ни о чем другом коллектив не думает и перестает заниматься своими прямыми обязанностями.

Если бы элита, решавшая свои проблемы, была бы далека от рядового населения, то население могло бы продолжать жить своей жизнью. Но в предыдущий период все слои населения не просто действовали в одном направлении, они действовали совместно. Возникла единая экономическая, социальная и культурная сеть, где все элементы взаимосвязаны общей судьбой. Если система деградирует, то деградирует вся.

В демократическом государстве, т.е. в государстве, где руководство осуществляется из нескольких центров, деградация одного из них не приводит к деградации всех. Так, в мирной степи распри знати не всегда отражаются на жизни народа. В тоталитарном государстве, т.е. в системе с руководством из одного центра, деградация этого центра означает деградацию всей системы. При этом, чем система проще, тем падение меньше, чем сложнее, тем больше. Золотая Орда с ее высокоорганизованным центром политическим и экономическим – нижеволжской городской агломерацией была самой сложной системой Евразии того времени.

Многочисленные группировки элиты при жизни восьмого поколения втянули в свою вооруженную борьбу все слои кочевого и городского населения. Страна распалась на автономные части. Империя лишилась больше половины земель и подданных. Достижения городской цивилизации были сведены почти на нет⁶¹. На сердце империи, колыбель цивилизации, центр этногенеза татар с конца седьмого поколения обрушились немыслимые даже для современного общества беды: все было против – чума, климат, коллапс мировой торговли, внутренняя экономическая блокада. Теперь, по результатам исследования поколений, стало явственным, что проблема престолонаследия стала не только одной из причин и питательной средой смуты, но, возможно, ее *пусковым механизмом*.

Дискуссия о Золотой Орде как цивилизации

Дискуссия

Впервые вопрос о Золотой Орде, как о забытой цивилизации, был поставлен в 1998 [Кульпин 1998]. Тогда термину не было придано значение научной дефиниции, скорее речь шла о метафоре. Реакции в научной общественности на тезис не последовало. Когда же в сборнике «Монгольская империя и кочевой мир» была опубликована статья «Цивилизация Золотой орды» [Кульпин 2004], редакторы сборника Базаров В.В., Крадин Н.Н. и Скрынникова Т.Д. во вступительной статье «Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс» подвергли тезис, вполне справедливой критике. В своих рассуждениях авторы далеко выходили за рамки статьи и ставили вопрос, как фундаментальную

⁶¹ Характер и детали процесса упадка нижеволжской агломерации, Старого и Нового Сарая так описывает Г.А.Федоров-Давыдов. Раскопки ряда богатых, многокомнатных домов, иногда дворцового типа дают яркую картину «нестабильности общества, тревожности жизни, распада больших семейных общин» в этот период времени. Вельможный патрициат, который до смуты активно покровительствовал развитию культуры, а во время ее занимался «энергичным самоуничтожением» (по выражению Германа Федорова-Давыдова). В качестве примера нестабильности, тревожности жизни и упадка городской культуры археолог дает описание жизни двух богатых домов в 1350-90 гг. Один из этих домов с середины XIV в. стал непрерывно перестраиваться. «Некоторые комнаты делились пополам, причем по несколько раз в разных направлениях, другие отгораживались от центрального зала, сохраняя связь только с наружным двором, третьи, наоборот, – отгораживались от двора и в них можно было войти только из центрального зала. То закладываются старые проходы, то прорубают новые. Стремятся увеличить жилую площадь: большая семейная община дробится, парадные залы перестраивают в жилые, блоки комнат и отдельные помещения отгораживают наглухо друг от друга – части общины живут не в ладах друг с другом. Уже в 1370-х гг. наступает полный упадок этого дома. Забрасывают центральный зал. Бассейн в нем заполняется мусором. Семья распалась и, может быть, погибла. Новые люди ютятся в развалинах пышного когда-то дома-дворца...»

«Сходная картина наблюдалась при раскопках другого еще более богатого дома... Дом построен, видимо, в 1330-х гг. Вскоре он подвергся перестройке... В 1370-90-м гг., это уже не дворец. Кирпичи полов и многих комнат и коридоров приходят в ветхость, их не берегут, они разрушены, многие комнаты перестроены, разделены на более мелкие помещения. В некоторых коридорах на поверхности кирпичных полов отлагается слой грунта и полы становятся земляными. Стенки бассейна срубают и ванную комнату превращают в обычное помещение. Это период, когда дом служил местом жизни различным простым людям, вероятно ремесленникам-керамистам... Декор центрального зала был содран и собран в нескольких больших кучах, частично растащен по помещениям, Он представлял ценность, так как на нем имелась золотая фольга» [Федоров-Давыдов 1997, с. 91-93].

научную проблему. Лаконичность изложения авторов введения сборника позволяет, а значимость заставляет воспроизвести их аргументацию полностью:

«Проблематика взаимоотношения монголов и земледельческих цивилизаций затронута также в статье Э. С. Кульпина. Автор – известный специалист в области такого направления, как социоестественная история, рассматривающего особенности исторических процессов с точки зрения взаимодействия общества и природной среды. С этих позиций в его статье показана эволюции ордынского общества, соотношение экологических кризисов и политической динамики.

Э. С. Кульпин характеризует Золотую Орду как особую цивилизацию. В этой связи возникает ряд вопросов, которые на данный момент остаются без ответа. Во-первых, может ли существовать цивилизация всего двести лет? Во-вторых, можно ли говорить о Золотой Орде как о единой цивилизации? Судя по археологическим раскопкам, здесь существовали два совершенно разных мира: тюркский (с небольшим монгольским добавлением) мир кочевников-скотоводов и синкретичный мир нескольких крупных городов. В-третьих, каждая цивилизация имеет свой особый культурный код. Был ли такой культурный код в Золотой Орде? Изучая, например, археологические древности, мы можем найти там элементы самых разных цивилизаций и культур – китайской, среднеазиатской, западноевропейской, древнерусской и пр. Но что является «визитной карточкой» собственно золотоордынской цивилизации?

Проблема, поднятая Э. С. Кульпиным, выходит за рамки его статьи. Мы вправе поставить вопрос в несколько более широком контексте – насколько правомерно говорить о существовании «кочевой цивилизации» вообще. Во-первых, если выделять цивилизацию кочевников, то не менее резонно поставить вопрос о цивилизациях охотников-собираателей Австралии, арктических охотников на морских зверей и рыболовов полярного круга и т. д. Иными словами, все типы человеческих культур могут быть охарактеризованы как цивилизации.

Во-вторых, можно ли выделить признаки, специфичные только для «номадной цивилизации»? Большинство подобных признаков (специфическое отношение к времени и пространству, обычай гостеприимства, развитая система родства, скромные потребности, неприхотливость, выносливость, эпос, милитаризованность общества и т. д.) нередко имеют стадийный характер и характерны для тех или иных этапов развития культуры или общества. Пожалуй, только особенное культовое отношение к скоту, главному источнику существования кочевников, отличает их от всех других обществ.

В-третьих, всякая цивилизация основана на определенном психокультурном единстве и переживает этапы роста, расцвета и упадка. Номадизм – это нечто иное, чем цивилизация. Его расцвет приходится на очень длительный период I тыс. до н. э. – середины II тыс. н. э. В этот период возникло и погибло немало оседло-земледельческих цивилизаций. Такая же участь ждала и многие кочевые общества, все существовавшие в этот период степные империи кочевников. Вряд ли кочевники когда осознавали себя как нечто единое, противостоящее другим народам. Гиксосы и хунны, средневековый араб и монгол кереит, нуэр из Судана и оленевод Арктики относились не только к разным этносам, но и входили в разные культурные, политические общности. При этом одни кочевнические общества могли составлять «ядро» существующей цивилизации (например, арабы), другие – входить в состав варварской «периферии какой-то цивилизации» (гиксосы до завоевания Египта); третьи – оказаться практически вне масштабных

цивилизационных процессов вплоть до начала периода колониализма (нуэры, чукчи).

С нашей точки зрения, более правильным представляется говорить не о фантастической цивилизации номадов, а об отдельных крупных номадных цивилизациях. Л. Н. Гумилев связывал процессы возникновения и развития цивилизаций с определенными географическими зонами [1989]. С этой точки зрения Аравийский полуостров, например, был таким ареалом, где в VII в. возникла арабская цивилизация. Внутренняя Азия также представляла особую географическую зону. По мнению ряда авторов, здесь существовала начиная с хуннского времени (или даже более раннего) единая степная цивилизация [Пэрлээ 1978; Урбанаева 1994 и др.]. Исследователи выделяли следующие характерные признаки данной цивилизации: административное деление на крылья, десятичная система, представления о власти, обряды интронизации, любовь к скачкам и верблюжьим бегам, особое мировоззрение и пр. Нетрудно заметить, что многие из этих признаков входят в число выделенных выше признаков «кочевых империй». Тем не менее, из всех вариантов «цивилизационного» подхода только этот заслуживает внимания применительно к истории кочевников скотоводов.

Создание собственной цивилизации и роль социума в мировых цивилизационных процессах – это далеко не одно и то же. В наши дни никто не отрицает того, что Золотая Орда сыграла важную роль в истории всего доиндустриального мира. С точки зрения макроисторических процессов с образованием Монгольской империи на некоторый период установились стабильные торговые связи между Востоком и Западом. Образно говоря, и Запад, и Восток в это время впервые соприкоснулись с тем, что впоследствии будет названо таким популярным в наши дни термином «глобализация». Золотая Орда выступала своеобразным мостом между двумя этими мирами. С точки зрения сторонников «мир-системного» подхода именно в эту эпоху человечество оказалось объединенным в рамках единой системы трансквилизационных экономических, политических и культурных связей [Abu-Lughod 1989; Chase-Dunn, Hall 1997; 2000]. Благодаря этому, Европа познакомилась со многими открытиями Востока, а некоторые из этих достижений (порох, компас, книгопечатание) отчасти способствовали последующему расцвету и гегемонии Европы» [Базаров, Крадин, Скрынникова, с. 11-14].

Быстрее, чем автор данного исследования смог представить свою аргументацию о том, как он понимает цивилизацию вообще и феномен Золотой Орды в частности, в защиту уникальности золотоордынской культуры выступил В.Л. Егоров, а в защиту представления Золотой Орды как цивилизации – М.Г. Крамаровский.

Егоров пишет: «Не способствует утверждению истины и расхожее мнение о непротивительности и даже примитивности кочевой культуры вообще. В лучшем случае золотоордынскую культуру характеризуют как синкретическую, то есть не оригинальную, механически составленную из достижений разных народов. Несомненно, в такой точке зрения есть доля истины, которую можно доказать примерами, но несомненно и то, что любая культура находится в движении к своему развитию или упадку. Культура Золотой Орды пережила все стадии, характерные для государств, возникших путем военных захватов, территория которых складывалась на новых землях, заселенных до прихода завоевателей. В результате она прошла необходимую в таком случае начальную стадию синкретизма, то есть соединения культур всех народов, попавших в политическую

орбиту нового государства. Следующей стадией золотоордынской культуры становится выработка новых, оригинальных черт, что несомненно повышает ее общий уровень, ведет к расцвету. ... В XIV в. культурная жизнь государства обогатилась новыми элементами на основе сплава различных достижений многих народов. В результате этого первоначальный синкретизм перерастает в синтез, то есть органическое переплетение и соединение самых разнообразных духовных и материальных черт культуры многих народов. Появляется целый ряд оригинальных направлений ремесленного производства; по собственному пути начинает развиваться архитектура; происходят сдвиги в духовных и религиозных представлениях. Развивается и особый литературный язык, отражающий существование золотоордынских диалектов» [Егоров 2005, с. 17-18]. Вместе с тем ученый отмечает, «что политический упадок приводит к резкому снижению уровня культуры и быта в начале XV в. Столь быстрый упадок культуры и невозможность практического возрождения ее в прежних формах и объемах на государственной территории является серьезным аргументом в пользу искусственности культуры, отсутствия для нее постоянной местной питательной среды» [Там же, с. 17]

Археолог, историк и искусствовед Крамаровский в фундаментальной монографии, подготовленной в Государственном Эрмитаже – «Золотая Орда: история и культура», свою часть, являющуюся базовой основой монографии прямо так и озаглавил: «Золотая Орда как цивилизация» [Крамаровский 2005]. Ученый, естественно, не ставил своей целью, строить изложение своего материала с учетом размышлений вышеназванных историков, но и не мог пройти мимо них.

Крамаровский [Крамаровский 2005] в разделе «К спорам о золотоордынской цивилизации», рассматривает Золотую Орду с разных сторон: как объект отечественной истории и культурного наследия, как фактор русской жизни, как фактор культурно-исторической общности и традиций Центральной Азии. Обобщение его тезисов, пожалуй, выражено в словах: «одна из важнейших основополагающих черт всякой цивилизации – общность истоков, судьбы и наследия, и именно этот феномен определяет Золотую Орду как культурно – историческую общность с характерным мироощущением, делающим ее узнаваемой с общевразийской точки зрения» [Крамаровский 2005, с. 23]. Далее ученый анализирует особенности формирования культуры ранних Джучидов (монгольский исток), Китая, культуры народов передней Азии, ислама. В отношении ислама исследователь акцентирует внимание на то, что приход тюрок в XI в. на Ближний Восток вызвал трансформацию мусульманской цивилизации, а в XIII в. умма без осложнений «приняла вкусы кыпчакской степи», что мусульманская художественная культура пришла в европейские степи, как культура эклектики [с. 61].

«Ответ» Крамаровского ассиметричен вопросам Базарова, Крадина и Скрынниковой. Последние (по крайней мере, в приведенной статье) сосредоточены на номадах и на существовании громадного разрыва (почти непреодолимой пропасти) между миром кочевников и оседлым населением. По поводу таких представлений Крамаровский пишет: «Миф о культурах «чистых кочевников» хотя еще и не изжит, но в последние десятилетия все больше теряет свою привлекательность. По расчетным данным, уже в империи азиатских гуннов (209 г. до н. э. — 48 г. н. э.) оседлое население примерно двадцати городищ Монголии и Забайкалья (в этот счет не вошли неукрепленные поселения), было

призвано обеспечить продуктами земледелия и ремесла 350—800 тысяч кочевников (Крадин 2002. с. 79)» [Крамаровский 2005, с. 109].

Для Крамаровского, хотя он не акцентирует на этом внимания, понятие цивилизации связано с городом, что видно из его косвенного ответа оппонентам на вопрос о культурном коде: «массовое градостроительство в степной зоне, приведшее к возникновению не менее ста сорока вполне узнаваемых городских объектов, тридцать из которых не локализовано из-за недостаточной археологической изученности (Егоров 1985, с. 139), существенно ослабляет тезис об отсутствии цивилизационного «культурного кода» Золотой Орды (Базаров, Крадин, Скрынникова 2004. с. 12). Проблема взаимного дополнения, вызванная сосуществованием двух хозяйственных систем – мира кочевников-скотоводов и мира городской культуры, сформировавшейся на основе исламской доминанты, – одна из тех исторических задач, изучение которой, как показывает опыт археологов-медиевистов, связано не с риторикой о «визитной карточке цивилизации», а системным анализом каждого из компонентов культуры. Тем более, такой сложной, как золотоордынская» [Крамаровский 2005, с. 118].

Аргументы ученого убедительно свидетельствуют не об эпитонстве, не о простом повторении элементов иноземной культуры, а творческом переосмыслении культурных достижений других цивилизаций. Так, он пишет: «Археологические исследования последних десятилетий с очевидностью доказали исламский облик городов Золотой Орды от Сарайчика на правом берегу реки Урал в Западно-Казахстанском регионе до Солхата-Крыма в Восточном Крыму. Этим они резко отличались от монгольских городов Центральной и Восточной Азии XIII в., где в строительстве преобладала «степная» программа планировочных идей, возвращенная «северным варварам» в преобразованном «китайском виде» (Минерт 1990. С. 90, 91). Было бы логично предположить, что с точки зрения планиметрии новые золотоордынские города должны были быть сопоставимы с новыми монгольскими как на востоке, так и на западе Азии. Однако это не так. В урбанизации Дешт-и-Кыпчака, начавшейся в 50-е гг. XIII в., выявлены другие закономерности. Новые золотоордынские города, где внешне преобладали исламские типы и формы общественных зданий, по планировочным структурам ничего общего не имели ни с городами Средней Азии, ни с городами Ближнего Востока. В Улусе Джучи нет городов с отдельно стоящей цитаделью — резиденцией правителя, шахристаном — городом вельмож и чиновников, и рабадом — торгово-ремесленным посадом с базарами». [Крамаровский 2005, с. 109].

В тоже время строительство городов не осуществлялось по единому шаблону. «Важно отметить, - пишет Крамаровский, - у Джучидов, как и у всех ранних Чингисидов времени единой империи, города на первом этапе строились как региональные центры административной власти. Но в отличие от метрополии, мы не знаем в Золотой Орде специализированных ремесленных поселений-городков типа центральноазиатского Чжинь хай чэна. В Золотой Орде не сложилась и не могла сложиться в силу обширности территории единая градостроительная система. Здесь в градостроительстве выделяются несколько локальных вариантов, и степное Поволжье со столичным Сараем, Гюлистан-Сараем, Укеком и Бельджаменом — лишь один из них. Поднепровье, Крым, Приазовье и Северный Кавказ представлены селищами и городами, во многих чертах отличающимися от городов и поселений ханского домена. ... Золотоордынские города Поволжья выросли на основе усадебной застройки

монгольской знати и без городских стен (Федоров-Давыдов 1994. С. 14, 15), но о городских планометрических характеристиках данных почти нет. Усадебная планировка отличает золотоордынские города Поволжья от среднеазиатских и южноказахстанских (Отрар) на востоке, например, и городов западной части, включая Белгород Днестровский и города Крыма, где застройка осуществлялась поквартально». [Крамаровский 2005, с. 110]. «Итак, работа в отдельных районах Золотой Орды высокопрофессиональных строительных артелей, обслуживающих заказы исламских общин или отдельных аристократических заказчиков, привела к формированию собственных архитектурных школ, деятельность которых стала заметным явлением в Поволжье, на территории современной Молдавии, в Крыму, на Кавказе или в золотоордынском Хорезме. Известно, что после 1395 г. значительная часть ремесленного потенциала Золотой Орды была использована Тимуром в Самарканде» [Крамаровский 2005, с. 118]. Именно тогда были построены в Самарканде многие образцы мировой архитектуры, в том числе Ак-Сарай (1404), Масжид-и-Джами (1405) и знаменитый Гур-Эмир (1405) [см. Амир Темур в мировой истории, с. 125-150].

И наконец: «Оппоненты Э.С. Кульпина, предпринявшего попытку поставить вопрос о цивилизации Золотой Орды, в качестве одного из трех контраргументов предложили принцип культурного кода. «Каждая из цивилизаций, — пишут они, — имеет свой культурный код. Был ли такой культурный код в Золотой Орде? Изучая, например, археологические древности, мы можем найти там элементы самых различных цивилизаций и культур — китайской, среднеазиатской, западноевропейской, древнерусской и пр. Но что является «визитной карточкой» собственно золотоордынской цивилизации?» (Базаров, Крадин, Скрынникова 2003. С. 12). Полагаю, есть лишь один ответ на поставленный вопрос — узнаваемость золотоордынских древностей. Атрибуционные проблемы, однако, не входили в число приоритетных для Кульпина» [Крамаровский 2005, с. 127].

Код цивилизации

Атрибуционные проблемы входили в число рассматриваемых, но действительно не были специально выделены. Это, прежде всего, взгляд из настоящего в прошлое, от современных системных экологических, информационных, организационных критериев цивилизованности на процессы, явления и события, характеризующие историю Золотой Орды. И поскольку и в данной работе они также не являлись самоцелью, необходимо их выделить.

В традиционных определениях цивилизации для социоестествоведов важно, что слово «цивилизация» происходит от латинского **civilis** — **гражданский, государственный**, где второе слово столь же значимо, как первое, что цивилизация синоним культуры и уровня общественного развития, материальной и духовной культуры [СЭС, М.: сов. Энциклопедия, 1987]. Культура в современном представлении — не только артефакты, но, прежде всего, система общепринятых ценностей, убеждений и правил, ограничивающая область допустимого поведения в том или ином обществе. Эта система порождает у членов социальной сети чувство своеобразия, основанное на духе принадлежности. Культурное своеобразие укрепляет целостность сети, устанавливая границы осмысливаемого и ожидаемого. **Цивилизованность** — это, прежде всего, способность к обучению, изменению, развитию и творчеству, обеспечению базовых потребностей человека, толерантность во

взаимоотношениях людей и уровень самоорганизации общества, где важнейшим критерием является степень автономности от окружающей природной среды.

В чем проявлялась «цивилизованность» Золотой Орды? Разумеется, не только в обеспечении базовых биологических потребностей человека, которые, кстати, и в современном мире не везде удовлетворяются, но удовлетворялись в Золотой Орде – защите от голода, холода, демографического воспроизводства. (Четвертая базовая потребность – получение удовольствий, по-видимому, также удовлетворялась, но насколько и как нами не рассматривалось). Условия обеспечения базовых социально-психологических потребностей нуждаются в специальном исследовании, но в главном – в праве на автономную личную духовную жизнь, в конфессиональном выборе – эта потребность удовлетворялась. Здесь можно видеть две грани *civilis* – гражданственность и государственность, поскольку государство предоставляло право личности на инакомыслие в духовной сфере и защищало это право всей своей мощью. В государственности проявляется также уровень самоорганизации общества, способности создания и развития (рамках государства) целостного информационного, экономического и ментального пространства и возможности интенсивного обмена этого целостного организма информацией, материей и энергией с окружающей средой. В Золотой Орде центробежные тенденции были преодолены за время смены двух демографических поколений и далее на протяжении пяти поколений нарастали центростремительные тенденции, находящие свое выражение в создании и развитии системы городов и в ее центра – нижеволжского мегаполиса. Там полиэтническое население при ведущей роли тюркского этноса сплавливалось воедино и могло сплавляться ничем иным, как системой общепринятых ценностей, убеждений и правил. (Конечно, система эта нуждается в специальном исследовании).

В чем мы видим уникальность цивилизации Золотой Орды? В проявлении способности части населения, прежде всего ведущего этноса, к быстрому, для средневековья стремительному процессу обучения, изменения, развития и творчества. Выражение этой способности – создание без видимого напряжения городской цивилизации в крайне неблагоприятных природных условиях в течение жизни одного-двух поколений. (Другие государства, например, средневековая Япония и петровская Россия за аналогичный срок напряжением всего общества создавали лишь столицы). Такая способность проявляется при единстве основных интересов общества и государства, при атмосфере толерантности во взаимоотношениях людей. В Золотой Орде эта атмосфера способствовала быстрому переходу беднейшей части населения – бесправных горожан из рабского в свободное состояние, из нищеты в относительное экономическое благополучие (о чем свидетельствует усадебная система городов) через патерналистские клиентские отношения.

В чем мы видим отличие цивилизации Золотой Орды от других современных ей городских цивилизаций? В комфортных и здоровых условиях жизни не только элиты, но всего городского населения, выразившейся, прежде всего, в усадебной планировке, когда преимущества городской жизни (в данном случае центральные водоснабжение и канализация) сочетаются с жизнью в садах, т.е. на лоне антропогенизированной природы. В сохранении традиционных местных элит и локальных норм жизни, в уважении государства к нравам и обычаям разных этносов, выразившейся в отсутствии попыток навязать повсеместно единый стиль жизни. В восточном облике городов, но в иной, чем в восточных городах

планировке. В архитектуре, где был найден свой стиль (Крамаровский), в самом демократичном и общедоступном виде прикладного искусства – керамике, где новый стиль стал творческим синтезом достижений разных восточных стилей (Федоров-Давыдов), организации единого огромного пространства за счет создания уникальной по размерам информационно-транспортной сети. Наконец, в соединении воедино, разомкнутых пространственно, полиса и хоры. Точнее, в организации системы четырех взаимосвязанных хозяйственных зон – кочевого животноводства, полевого хлебопашества, городского огородничества и садоводства и городской промышленности.

Вернемся к трем вопросам, поставленным Базаровым В.В., Крадиным Н.Н. и Скрынниковой Т.Д.: Может ли существовать цивилизация 200 лет? Можно ли говорить о Золотой Орде как о единой цивилизации? Был ли особый культурный код в Золотой Орде?

На первый вопрос ответ может быть простым: и меньший срок существовали цивилизации на американском континенте. Но на самом деле ответ на первый вопрос содержится в двух вторых. На второй вопрос необходимо уточнение: что следует понимать под единой цивилизацией? Если систему общепринятых ценностей, убеждений и правил, то с третьего демографического поколения мирные внутригосударственные отношения и «общее дело» государства и населения по созданию городов свидетельствует о возникновении такой системы, а дальнейшее развитие городов, говорит об ее укреплении. Ведь что такое развитие своих городов, как не развитие импортозамещающего производства материальных благ и духовных ценностей, как не выбор между рыбой и удочкой, в пользу последней.

Но почему в принципе мог возникнуть вопрос о *единой* цивилизации? Главная подсознательная причина непонимания коллег основывается на том, что кочевания и оседлость явления несовместные и что традиционно город не воспринимается без своего сельскохозяйственного земледельческого окружения – хоры, откуда город получает продовольствие, энергоресурсы, сырье для промышленного производства. И все это действительно так при низком уровне самоорганизации общества и государства. При высоком уровне самоорганизации разомкнутые пространственно и экономически кочевники, земледельцы и горожане могут быть единым социумом. Выше говорилось о том, что не только экономические, но родственные связи объединяли кочевой и городской миры степей Золотой Орды. Специфика этого государства заключалась, в частности, в том, что хотя полис и хора *пространственно* не были единым целым, перетекающим один в другую, но *хозяйственно* и, с некоторыми допущениями, *этнически* составляли такое единство. В наше время мы имеем примеры политически и пространственно разорванных, но хозяйственно, экономически объединенных полис и хору (например, Сингапур), но такая ситуация непривычна для прошлого, т.е. и для историков. Вторая причина в том, что *только* в Золотой Орде бывшие кочевники смогли создать городскую, причем высокую цивилизацию. Это положение противоречит общепринятым представлениям и требует доказательства, которое выявляются при рассмотрении судеб сменяющих друг друга поколений.

В заключение, исходя из положений социоестественной истории, необходимо еще раз [см. Кульпин 2004] подчеркнуть, что уровень цивилизованности общества определяется его способностью не просто хозяйственно освоить неблагоприятные для жизни людей участки земной поверхности, но и обеспечить там условия

жизни, соответствующие принятым обществом стандартам жизни в городе. Не случайно в наши дни Аляска является той северной границей западноевропейской цивилизации, в пределах которой обеспечивается уровень и качество жизни граждан в соответствии с принятыми в США стандартами. Что касается степей, то не случайно лишь в XIX прошли процессы гардаризации североамериканских прерий (Дикого Запада) и южноамериканской пампы, а антропогенизировать южнорусские степи, создать там систему городов и городских удобств жизни удалось также лишь в XIX веке. Именно отсюда следует, что создание системы городов в Южнорусских степях в XIV в. позволяет говорить о Золотой Орде как о попытке цивилизационного прорыва в истории человечества.

И все-таки остается открытым третий вопрос. Он разделяется на два взаимосвязанных. Первый – теоретический: что является кодом цивилизации? Ответ него в связи с его значимостью и фактической неразработанностью в исторических исследованиях помещен в Приложении к данному исследованию. Второй – практический: как его выявить? В социоестественной истории были проведены многолетние исследования для раскрытия кодов цивилизаций – китайской, дочерней от нее японской, западноевропейской и российской [см. Кульпин 1999; Кульпин, Клименко, Пантин, Смирнов 2005]. Осуществить аналогичное исследование для Золотой Орды не представляется возможным из-за недостатка фактического материала. Поэтому на третий вопрос нет исчерпывающего ответа, и остается только вслед за Крамаровским говорить об «узнаваемости» золотоордынских древностей. Однако есть возможность оценить степень устойчивости кода в сравнительном анализе двух смут: золотоордынской и российской.

Две смуты: опыт сравнения

Сходство истока – социально-экологический кризис

Два социально-экологических кризиса в истории средневековой Восточной Европе – в степях и лесах [см. Кульпин 1995] – известны в русской истории лишь в своей политической ипостаси: Великой Замятни в Золотой Орде и русской Смуты начала XVI в.. Оба кризиса имели ряд сходных черт. Во-первых, и тот, и другой были социально-экологическими, т.е. кризисами не только общества, но и природы. Чрезмерное антропогенное давление в одном случае привело к изменению биоценозов за счет перевыпаса, в другом – к чрезмерной распашке. В XIV-XV вв. леса на сотни километров к северу от естественной границы леса и степи, определенной Большой климатической осью Евразии, были почти буквально «съедены» скотом. В XV-XVII в. большая часть лесов Нечерноземного центра была превращена в пашню, а затем брошена в перелог и в значительной части стала местом, где преобладали стоячие воды болот и озер.

Во-вторых, фундаментальной причиной и того, и другого кризиса был демографический рост, создавший чрезмерное, при использовавшихся технологиях ведения хозяйства, антропогенное давление на природу и вызвавший ряд взаимосвязанных процессов в жизни общества и природы. Демографический рост в степи XIV-XV вв. заставил изменить направления маршрутов кочевий с широтного на меридианальное направление, и летом с 70-х гг. XV в. золотоордынцы кочевали почти ежегодно близ южной границы Московского княжества, примерно совпадавшими с границами современной Московской

области. Севернее этой границы еще в первой половине XV в. лесной край был малонаселенным и представлял собой мир одно-двух-трех-дворок, слабосвязанных или вовсе не связанных между собой. Со второй половины XV в. демографический рост в лесном Северо-Востоке Европы обусловил нарастающее укрупнение селений и связанность их дорогами [Дегтярев 1980, с. 8, 15]. Рост населения был столь значительным⁶², что в ряде районов России в середине XVI в. было больше сельских поселений, чем когда бы то ни было до того и много позднее [Шапиро 1977, с. 59]. Особенно заселенным было Подмосковье. Прежде всего, здесь пошел процесс интенсивного истребления широколиственных лесов под луга, выгоны и пашни. Во многих местах Подмосковья лес – вторичен, вырос на заброшенной пашне, свидетельством чему, в частности, является широкое распространение ельников [Леса южного Подмосковья. М., 1985, с. 165, 166, 182].

В-третьих, оба кризиса были усугублены негативными погодными условиями: засухой (относительно кратковременной в масштабах столетий) в степи во второй половине XIV в. и тотальным наступлением эпохи Малого ледникового периода, занявшим три с половиной века. Начало Малого Ледникового Периода совпало с началом кризиса в лесах.

В-четвертых, в обоих случаях политическим эпицентром кризиса стала смута – состояние хаоса общества и государства, гражданской войны, естественного в таких условиях разгула криминальных элементов и падения нравов. О смуте в Орде 1360-1380 гг. летописных свидетельств почти нет. Напротив, о правлении Ивана Грозного и Русской Смуте написано много.

В-пятых, состояние хаоса в государстве всегда притягательно для иностранного вторжения. Однако здесь в истории двух кризисов были существенные различия. Великая Замятня происходила без сколько-нибудь заметного иностранного военного вмешательства. (Одноактное нашествие Тимура было осуществлено через 15 лет после Замятни). Смута в России непосредственно сопровождалась нашествием поляков и шведов, а непрерывные войны с ними продолжались после окончания Смуты еще 15-20 лет.

Главным же отличием является разные варианты выходов из кризиса. Для Орды социально-экологический кризис оказался катастрофическим: с этого времени началось ее угасание во всех отношениях, развал государства и разрушение степных городов – мест концентрации культуры, экономики и власти. Россия же (как государство и общество), натужно преодолевая, вышла из кризиса окрепшей и консолидированной и продолжала крепнуть все последующие столетия вплоть до второй половины XX века [анализ состояния природы и общества в России см. в: Кульпин 1995; Кульпин 1996; Кульпин, Клименко, Пантин, Смирнов 2005].

Более детальное рассмотрение начнем с относительно менее сложной составной части кризиса – природной. В степях Золотой Орды в XIV в. явно наблюдался перевыпас (иначе незачем было пасти скот в лесах и «съедать» леса), однако он не привел к опустыниванию степи за исключением, возможно, небольших ее участков, прежде всего, около городов, причем не всех. В степной зоне Золотой Орды археологи сегодня нашли следы около сотни городов⁶³. С современной точки зрения это были вовсе не города, но – поселки, и могут быть

⁶² Анализ косвенных данных позволяет предполагать, что в XV в. население Руси удвоилось. Рассчитано по: Аграрная история Северо-Западной России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971, с.323.

квалифицированы историками как города лишь по плотности населения: более тысячи человек на квадратный километр. Численность жителей этих городов, за исключением двух Сараев, было незначительной. Зимой население городов возрастало за счет степняков, ставящих свои юрты прямо за городскими кварталами, а иногда и внутри городов. Степняки приходили со стадами, которые оказывали сильное давление на окрестные пастбища и места водопоев. Больше всего стад приходило к столицам – Сараям и потому, только около столиц можно предполагать временное опустынивание земель. В бывшей лесной, а впоследствии за счет выпаса скота – лесостепной зоне опустынивание в силу природно-климатических условий было практически невозможным. Что касается самих биоценозов, то продуктивность их по массе снизилась, но разнообразие видов в лесостепи всегда много большее, чем в степи и в лесу. Природа, своей жизни, условно говоря, в данном случае в потеряла количестве, но не в качестве. **В итоге, как до, так и после засухи, имевшей место во время Замятни, угроза голода перед степняками не стояла.**

В связи с этим определить конкретный пусковой механизм экологического кризиса затруднительно. Он как бы был «размазан» во времени: нехватка степных пастбищ заставляла кочевников шаг за шагом идти в лесостепь, затем углубляться в леса, увеличивая их мозаичность, т.е. увеличивая число полей и их размеры. Зато завершение процесса хозяйственного кризиса кочевого скотоводства можно определить точно: когда степнякам в условиях жесткой конкуренции за пастбища впервые пришлось зимовать в регионах непригодных для зимовок скота. Для скотоводства такие зимовки равнозначны хозяйственной катастрофе. Это явление зафиксировано для середины XV в., когда в 1444 г. золотоордынский царевич Мустафа расположился на зимовку в поле близ Рязани [Кириков, с. 23].

Иная ситуация возникла при распашке лесов. Здесь можно точно определить начало кризиса. Оно состояло из трех последовательных этапов. Первым стала замена подсеки на рубку в подсечно-огневом земледелии в результате широкого распространения топоров в середине XV в. При подсеке, т.е. обрыве коры деревьев, последние высыхают для пожара в 5-15 лет, после рубки – в 1-3 года. Метод подсеки тем самым являлся гарантом самого функционирования технологии подсечно-огневого земледелия, где поле – временное явление, а лес постоянное. Лес при подсеке успевает вырасти хотя бы до кустарника. При рубке – не успевает. При огневом земледелии землю не пашут: зерно бросают прямо в золу, которая смывается с поля в три года. На четвертый год, чтобы получить урожай надо пахать. Вторым этапом стало полное исчезновение подсечно-огневого земледелия в Московском княжестве, что имело место во второй половине XV в. Третьим - стало возникновение дефицита земли. В центральном районе Московского государства это произошло в конце XV в. (индикатор – «взрыв» тягб за землю).

Лесная почва малопродуктивна. Без отдыха эксплуатировать ее можно лишь с применением неорганических удобрений, которые в Европе стали использоваться лишь в XIX после известных работ немецкого химика Юстаса Либиха. До того существовала лишь возможность задерживать падение плодородия почв за счет органических удобрений. Последние в Северо-Восточной Руси впервые в источниках отмечены лишь с конца XVI в. До того истощенная почва оставалась

⁶³ Иногда, речь идет и о большем числе, но Г.А. Федоров-Давыдов справедливо предостерегал против автоматизма в расширении списка золотоордынских городов [Федоров-Давыдов 1995. С. 41].

в перелог – на восстановление ее плодородия силами самой природы. Срок полного восстановления полностью истощенной почвы для территорий севернее Черноземного центра – 150-200 лет. Освоенная лесная целина стала оставляться в перелог с начала XVI в.

Большая часть лесов, а именно низинные места, при распашке имеют тенденцию превращаться в болота и озера. Что и произошло в значительной мере. В отличие от превращения леса в лесостепь и степь, при распашке лесов природа теряла и количестве (продуктивной массе биоценозов), и в качестве (богатстве видов). В итоге экологического кризиса, спровоцированного ростом населения и его следствием – чрезмерной распашкой на фоне негативных изменений глобального климата, население Северо-восточной Руси со второй половины XVI в. вошло в состояние хронического голода, который поставил под угрозу физическое существование этноса и спровоцировал массовый исход населения на восток⁶⁴.

Индикатором чрезмерной распашки является превращение пашни, оставленной в перелог, в болота и озера. Выдающийся русский ученый первой половины XX в. Ю.В. Готье отмечал, для территории Нечерноземного центра XVI-XVII вв. **повсеместно** (выделено мною – Э.К.), кроме ополей, обилие стоячих вод - болот и озер [Готье, с. с. 91]. Их в таком большом количестве не было до XVI и после XVII в. Таким образом, конец XVI – начало XVII в. можно квалифицировать как эпицентр экологического кризиса и одновременно совпадение по времени эпицентров социального и экологического кризисов.

Политический кризис на Руси обозначился раньше экологического и связан был с проблемой оплаты труда госслужащих, в то время в массе своей военнотружеников. Оплачивался труд предоставлением во временное пользование поместий. Земли для испомещивания с самого начала образования Московского государства ощущался недостаток. В последний раз в 1550 г. в Замосковном крае была испомещена тысяча дворян, которые не получили необходимого для несения службы количества земли. Тогда окончательно утвердилась мысль о введении в хозяйственный оборот плодородной («подрайской») земли Казанского ханства. *Пусковым механизмом* политического кризиса можно считать взятие Казани в 1552 г. Однако сразу испоместить служилых на Казанской земле не удалось из-за десятилетнего восстания народов Поволжья и десятилетней тамошней засухи. Отмобилизованная армия двинулась на завоевание западных земель в Ливонию. В защиту Казани выступил Крымский хан. В результате более ста лет Россия непрерывно находилась в состоянии внешне и внутривнутренней напряженности: воевала на два фронта на западе и на юге. За исключением коротких перерывов напряженность нарастала в течение всего XVI в. Эпицентром ее стала Смута. После чего напряженность пошла на спад.

Эпицентром политического кризиса в Золотой Орде также была смута. Ордынская Великая Замытня пагубно сказалась на жизни степных городов. Культура Золотой Орды была сосредоточена в городах, а сила государства во многом была связана с внешней торговлей. Говоря современным языком, уровень глобализации этого государства был большим, чем всех государств Востока и

⁶⁴ Как писал А.А. Дегтярев, «громадное, измеряемое многими десятками тысяч число деревень (от 50 до 90% в разных районах) превратилось в пустоши. Средний размер оставшихся поселений при этом возрос в 2-3 раза» [Дегтярев, с. 170]. Особенно высока была степень запущения в Замосковном крае (Готье, с. 89), а в нем в самом густо населенном - Московском уезде [Колычева, с. 42].

Европы, за исключением торговых республик Венеции и Генуи. Следует также отметить, что международная торговля Запад-Восток и Север-Юг, в центре которой находились нижеволжские города Золотой Орды и, собственно говоря, обеспечивали, обслуживали эту торговлю, как налаженными коммуникациями, безопасностью передвижений, так и поддержанием стабильности своей валюты - диргема. Города, ориентированные на международную торговлю лишились своей, возможно, главной хозяйственной функции. В этом, наряду с неотрегулированностью престолонаследия, можно видеть конкретный *пусковой механизм* социального кризиса: экономического, хозяйственного, политического.

Окончательный разгром степной цивилизации нанес Тимур в 1395–1396 гг. Но жители степных городов покидали свои дома еще до Тимура. Они эмигрировали в страны благополучные и культурные, находя там себе работу и место в жизни и способствуя прогрессу приютивших их стран. «Заметное ухудшение общественно-политического состояния Золотой Орды в конце XIV – начале XV веков привело к большому оттоку интеллектуального потенциала из этого государства в страну мамлюков. Переселение образованных людей явилось основой для появления новых культурных очагов в Египте и сыграло определенную роль в обновлении его научной жизни» [Исламов 1997, с. 187].

И все же до Тимура были разрушены не все города, не вся городская культура, промышленность и инфраструктура. Степная городская цивилизация как система, возможно, еще сохраняла способность к самовосстановлению, но после этого момента начинают развиваться необратимые процессы, которые обычно либо уничтожают, либо принципиально изменяют систему. Система перерождается, переходит в новое состояние, уровень самоорганизации ее резко снижается. Военная мощь степняков, лишенная развивающегося, прочного промышленного тыла, упала до уровня производственных мощностей кочевого общества и все более отставала технологически не только от Западной, но и Восточной Европы – Польши, Литвы, Руси. Эти явления традиционно фиксируются историками лишь в политической ипостаси. Как писал Арсений Насонов, «эпоха Тохтамыша и его ближайших преемников была эпохой, когда Орда напрягала последние силы, чтобы удержать свое господство над Русью не номинально, но фактически» [Насонов 1940, с. 177].

Однако вовсе не фортификационная беззащитность ордынских городов была главной причиной разрухи. Опустошение городов произошло не в результате нашествия Тимура, а до него, в ходе жестокой гражданской войны и потому нужно искать не внешние, но внутренние причины кризиса общества. Внешнее воздействие общество не консолидировало, как в русской Смуте, но довершило разрушение. Таким образом, главные отличия нужно искать в специфике общества, его внутренней организованности и связями с окружающей средой.

Важным показателем любого социально-экологического кризиса является движение населения. Кто, куда и как мигрирует. Как и десятилетняя русская, двадцатилетняя ордынская смута 1360–1380 гг. происходила в основном в центральной части империи. Но русская смута относительно мало затронула города и именно города, горожане стали той силой, которая «здесь и теперь» способствовала отражению внешней агрессии и наведению порядка внутри страны⁶⁵. Что касается крестьян, то они искали свое счастье «не здесь и не

⁶⁵ Об этом точно и красиво написал русский историк А.П.Заозерский: «Смута вызвала необычайную самодеятельность населения – от крупных городов до мелких уездных обществ. ...

теперь». С последней четверти XVI в. начался массовый крестьянский исход со старых земель на новые: в Поволжье, на Дон, за Урал.

В Золотой Орде в XIV в. началась, а в XV в. стала массовой миграция наиболее активного социального слоя в средневековье – профессиональных военных в Литву, Польшу⁶⁶, на Русь. На Руси возникло вассальное от русских князей татарское Касимовское ханство.

Таким образом, если говорить о миграциях в ходе двух социально-экологических кризисов, то кризис в Золотой Орде способствовал выезду из страны наиболее интеллектуальной и относительной малочисленной части населения – горожан, а также довольно массовой и самой активной части – профессиональных военных. В Московском государстве имела место массовая миграция на восток крестьянства – подавляющей части русского населения, но наиболее интеллектуальная часть – горожане и наиболее активная – профессиональные военные не покидали мест проживания и службы. В итоге, русская миграция способствовала расширению пределов русской культуры и российской цивилизации, золотоордынская эмиграция – развитию культуры и цивилизации других стран и народов.

Черты различия: роль горожан

Русские города, окруженные стенами, по воле случая избежали нашествия непобедимой армии Тимура, успешно противостояли и полякам, и шведам. Кроме городов, крепостями были и монастыри. Знаменитая оборона Троице-Сергиевой лавры оказалась решающей для польской интервенции. Она сковала основные польские силы. Поляки, образно говоря, завязли при осаде монастыря и, в частности, не могли интенсивно разорять русские города и села.

В отличие от Руси, живущей на краю тогдашнего цивилизованного мира своим бедным натуральным хозяйством, экономически, и культурно не слишком связанной ни с Западной Европой, ни со своим культурным донором – угасающей Византией, ни с мусульманским Востоком, Золотая Орда находилась в эпицентре связей Запада и Востока. Жители степных городов по своему этническому происхождению были представителями не только всех народов самой Золотой

Каждый уезд, во главе со своим городом, образуют самостоятельную политическую единицу... Получилась изумительная картина: во всех этих городах, от Вологды и Устюга до Казани и Перми, убогих и по внешнему виду, и по количеству населения, и, наконец, по материальному достатку, забитых и загнанных Москвой, ключом закипела жизнь и неистощимым источником забил неподдельный энтузиазм. Читая их призывные грамоты, с трудом веришь, что носители этого подъема и этой моральной стойкости были те незаметные люди, размеры политической правоспособности которых еще накануне определялись термином: холопы. Теперь уничижительный титул исчезает сам собой, заменяясь более соответствующим моменту: «господам» (таким-то) начинаются грамоты, перечисляя в приветствии и чины и состояния, к которым адресуются; «и вы бы, господа»... - неизменная форма обращения авторов к своим корреспондентам. Вместе с подвигом не только поднялось общественное самосознание, но и явилось чувство власти». [Три века, с. 178-180].

⁶⁶

Согласно анонимному автору "Истории польских татар" – "Рисалия татары лях", составленной в 1558 году, к концу правления Витовта (к 1430 г.) в Литве было до 40 тыс. воинов-татар, не считая членов их семейств, а к 1558 году в Польше и Литве было уже до 200 тыс. татар [Сафаргалиев, с. 486]. Для того, что представить себе масштабы этой миграции населения, достаточно сказать, что по расчетам Магомета Сафаргалиева в Ногайской Орде в это время было всего 300-350 тыс. населения и эта орда "от других татарских государств отличалась не столько размерами территории, сколько многочисленностью людей" [Сафаргалиев, с. 482]

Орды, но и соседних народов – европейцев, персов, народов Северного Китая. На Нижней Волге с основным языком общения – языком базара – татарским конкурировал персидский. В главных городах были кварталы генуэзцев и венецианцев. Как пишет М.Г. Крамаровский, «улица в больших и малых золотоордынских городах не была только исламской. В гуще столичного Сарая Ибн Баттута, не ступавший за пределы исламской общины Сарая, различил немусульман и среди них кыпчаков, черкесов, русских и византийцев (вероятно, греков) (СМИЗО I. С. 306). Еврейский и греческий кварталы известны для Азака-Таны (ханафиты более терпимо чем последователи других мизхабов, относились к иудеям и христианам) (Ковалевский 1905. Т. 2. С. 121, 122). Поквартальная застройка на этно-конфессиональной основе не составляла специфической особенности золотоордынских городов — для времени развитого средневековья это общепринятая практика... Приходы, состоящие из кварталов, группирующихся вокруг мечети, церкви, синагоги или кенассы, облегчали условия существования горожан в условиях этнической пестроты и религиозного многообразия Золотой Орды. Кроме того, они обеспечивали возможность выживания, занимаясь привычным ремеслом, способствовали структуризации внутригородской общественной жизни, преодолению этнической замкнутости и лингвистической немоты. Объединительная роль церковных приходов еще мало изучена, особенно с точки зрения их вклада в развитие городских субкультур и сохранения (или утрат) родовой аутентичности» [Крамаровский 2005, с. 118]. Видимо, можно с большой уверенностью предположить, что степные города Золотой Орды были не только центрами транснациональной торговли, но и интернациональными культурными центрами, характерными для Европы лишь с Новейшего времени.

Если русские города были плоть от плоти окружающих их сельских миров, то сказать того же о степных городах нельзя. Виднейший исследователь Золотой Орды Г.А. Федоров-Давыдов во всех работах писал о процветающих высококультурных золотоордынских городах, богатые жители которых (а таковых было немало) имели почти все мыслимые для того времени удобства обыденной жизни как Запада, так и Востока. Но связи золотоордынских городов с окружающей сельской периферией Орды Федоров-Давыдов оценивал по-разному: чаще как механический симбиоз, реже как начинающийся синтез двух миров [Федоров-Давыдов 1997, с. 89, 97]. Как было показано выше связь с кочевой сельской периферией не была механическим симбиозом, но и не было той органичной связи, которая возникает между городом и его непосредственным земледельческим окружением.

Жители степных городов, занятые в административной, финансовой, промышленной, торговой и культурной сферах жизни государства, являвшихся сосредоточением и выражением этой жизни, достаточно подготовленные для выполнения сложных административных, общественных и технологических функций в ответственный момент не сумели ответить на «вызов» судьбы: сплотиться самим и организовать все население на борьбу с природным бедствием – засухой, с внешнеэкономическим – прекращением международной торговли, и для принципиальных перемен в функциях разных социальных слоев. Конечно, задача была не из легких: сплотить не только близкое окружающее города кочевое население, но относительно далекую болгарскую земледельческую хору.

Напротив, на Руси именно горожане, отнюдь не богатые подданные, не занятые в административной, военной, финансовой и культурной сферах, стали главной консолидирующей и стабилизирующей силой, прервавшей Смуту. Что касается русских крестьян, то в Смуту последние были активными «поставщиками» криминальных элементов⁶⁷.

Лишь в конце XVII в. подошло время восстановления почв, оставленных в перелог, и изменилась технология земледелия. Тогда жизнь крестьянства вошла в более-менее нормальное русло (если «нормальным» считать и развитие крепостной зависимости) и была осуществлена повторная "энергическая внутренняя земледельческая колонизация" изначального ядра Московского государства, который в целом приобрел заново тот вид, который имел в первой половине предшествующего столетия [Готье, с. 316, 321], но не совсем: из массы поселений XVI в. было восстановлено в разных районах от 30 до 50% поселений. И это количество поселений, подверженное лишь случайным колебаниям существовало едва ли не до столыпинской реформы [Дегтярев, с. 170].

Подведем итоги того испытания, которое является самым тяжелым для любого общества: испытания социально-экологическим кризисом – кризисом одновременно природы и общества. Золотая Орда до кризиса – процветающее государство, где уровень и качество жизни горожан превосходили таковые в Западной Европе, население степи практически не знало голодовок, в то время как население Западной Европы в то время находилось в состоянии хронического голода. В Золотой Орде была хорошая государственная и общественная организация, позволявшая в трудных природно-климатических условиях степи нормально функционировать развитой ремесленной промышленности и торговле. Это государство имело отлично функционирующую, передовую для того времени финансовую систему и было активно вовлечено во внешнюю торговлю. Здесь довольно оптимально были решены проблемы управления полиэтническим, поликонфессиональным обществом. Государство было конфедеративным, регионы управлялись, хотя и под контролем центральной власти, но представителями местной политической элиты. Жители степных городов – представители разных племен и народов и особенно купцы в отличие от Европы и Руси не подвергались никакой дискриминации и были привилегированными сословиями. Государство заботилось о том, чтобы все конфессии пользовались режимом наибольшего благоприятствования, стремилось утверждению порядка по юридическим нормам близким к современным, обеспечивала свободу и безопасность передвижения, защиту чести, жизни и имущества не только подданных, но и иностранцев. Пожалуй, единственное, чего по большому счету не имела Золотая Орда, так это **идеологической парадигмы, связывающей прошлое, настоящее и будущее.**

Великая Замятня, практически разрушившая Золотую Орду, по-видимому, была преимущественно социально-политическим кризисом при относительно слабой экологической составляющей или только социально-политическим. Природа во время эпицентра политического кризиса деградировала не до той степени, когда населению не оставалось иного выхода, как покидать степь,

⁶⁷ «Общественные низы - крестьянство владельческих земель и холопы – составили главный контингент «воровских» отрядов и казачьих ватаг, доведших смуту до крайнего предела», - писал А.Е.Пресняков. [Три века, с. 37].

потенции кочевого скотоводства в то время не были исчерпаны. По итогам социально-экологического кризиса, затронувшего практически все население Великой степи городская цивилизация, ее организация, культура и инфраструктура были разрушены, государство и общество опустелись до уровня аморфной раннесредневековой кочевой империи, государство распалось, население растворилось в Российской империи. Часть, дала начало знаменитым российским дворянским родам, не все из которых дожили до наших дней, часть бесследно вошло в состав русских, поляков, украинцев, белорусов, литовцев, постепенно став «иванами, не помнящими родства». Это «беспамятство», в частности, было вызвано политикой романовской Российской империи и Советского государства, предпринявшей огромные усилия для того, чтобы, с одной стороны, опорочить все, что связано было с Золотой Ордой, с другой, чтобы стереть память о ней в родословных людей, не вошедших в число великих и потому не имеющих права гордиться своим татарским происхождением.

Московская держава, находящаяся на северной окраине цивилизованного мира, по большому счету весьма небогатая, сложилась на подъеме хозяйственном, политическом и культурном как моноэтническая, моноконфессиональная и унитарная. После завоевания Поволжья и Сибири русский этнос оставался численно доминирующим. Государство стало не просто унитарным, но тоталитарным. Местная иноэтническая элита к управлению регионов, как правило, не допускалась. В этом православным царстве другие религии режимом наибольшего благоприятствования не пользовались. Мечети разрушались, а строительство новых не допускалось вплоть до Екатерины II. Нормы юридической жизни были далеки от современных. Не случайно русский человек на вопрос «Тебя как судить: по закону или по совести?» Всегда отвечал: «По совести».

Однако **Московское государство имело важную для консолидации общества в настоящем и важнейшую для будущего идеологию: «Москва – Третий Рим, а Четвертому – не бывать».** И это оказалось решающим для всего дальнейшего развития⁶⁸.

Ни общество, ни государство не смогли противостоять глубочайшему экологическому кризису: распашка лесов велась без понимания последствий. Однако общество, консолидировавшееся идеологически во время ига (за счет массового распространения христианства в народе, индикатором чего был рост монастырей) и политически за счет создания централизованного государства, выдержало испытание. Городская цивилизация, культура не были разрушены. Государство поднялось до уровня централизованной монархии, укрепилось, контроль над обществом усилился, разумеется, с хорошо известными издержками: отсутствие свобод, незащищенность чести, жизни и имущества, бесправие населения и своеволие чиновничества, нередко совершенно бесконтрольного от центральной власти.

И несмотря на все негативные стороны российского общества и государства главный вывод из произведенного анализа для современного мира, глобализирующегося и находящегося под растущей угрозой глобального экологического кризиса, может быть таким. Даже в средневековье с его слабыми

⁶⁸ Идеологема нужна вне зависимости от того, что за ней стоит. Не так уж важно, каков характер, принимаемой обществом идеологии. «То, чего нам не хватает, – говорил Фридрих Хайек, – так это *либеральной* утопии, которая не замыкалась бы на том, что ныне представляется политически возможным». Измените в этой фразе прилагательное, – пишет Серж Алими, – и убедитесь, что она ничуть не потеряет смысла» [Алими, с. 15].

торговыми отношениями, богатые и процветающие общество и государство, в максимальной мере задействованные на внешнеторговые связи, при резком и значительном снижении торгового оборота на фоне отнюдь не катастрофических стихийных бедствий и давления со стороны соседей способны полностью саморазрушиться. Напротив, бедные, слабосвязанные с внешним миром общество и государство, но ориентированные на самодостаточность, консолидированные этнически и идеологически способны не только преодолеть тяжелейший экологический кризис и тяжелые войны с окружающими соседями в течение смены 10 демографических поколений (почти два века), но «выработать» «формулы» социально-экологической стабильности и социально-политического договора и обеспечить себе трудное, но неуклонное развитие в течение длительного периода (в истории России вплоть до последней трети XX века).

И все же, каков был позитивный результат ордынской смуты? После него, после развала великой империи, основной этнос ее создавший объединился в границах от Сибири до Днестра в самоназвании – татары. Этому объединению способствовала конфессиональная принадлежность. Не мусульмане, например, казаки вплоть до XIX века, имевшие «привычку» в домашнем кругу говорить по-татарски, не помнили (или не хотели признавать) свое не только русское, но также и татарское происхождение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В жизни многих народов были эпохи, когда одной идеей или одним общим делом было охвачено несколько поколений людей. У древних евреев это был исход из Египта. У древних китайцев в эпоху Сражающихся царств – идея единого мирного государства. У средневековых испанцев – Реконкиста – идея возврата Пиренейского полуострова от мавров. Реконкиста осуществлялась ценой гибели процветающих мавританских сельского хозяйства и экономики. Несколько поколений средневековых португальцев, вдохновленных примером соседей, огнем и мечом безуспешно пытались создать мировую империю. Русские в безуспешных поисках Беловодья – плодородной земли, на которой можно было бы безбедно жить, за полтора века прошли от Урала до Аляски. У татар (как называли жителей степной части Золотой Орды в Европе) было другое общее дело. Потомки завоевателей, установив мир с соседними народами, как внутри империи, так и вне ее направили свою энергию на создание городской степной цивилизации – демилитаризованной зоны империи. Эта энергия была не разрушительной, а созидательной и позволила в краткие сроки смены двух поколений развиться уникальной цивилизации. Естественно, она опиралась на достижения большей части тогдашнего мира. Крым находился на глобальном торговом пути Европа-Китай, поэтому здесь было сильным влияние Европы. «Сердце» империи – нижеволжская городская агломерация находилась на двух дорогах Великий шелковый и Великий волжский торговый путь – из арабских стран и Ирана в Европу. «Нижеволжские города Золотой Орды имели обширные связи с Китаем.... Оживленной была торговля со Средней Азией). Тесные торговые и иные связи имели место между Золотой Ордой и Русью" [Федоров-Давыдов 1992, с. 70].

Представители разных народов вливались в жизнь городов, встраивались в социальную структуру. При этом, если жизнь на чужбине, предпочтительней жизни на родине, то возникает желание принадлежать к какой-либо местной социальной группе, страте или этносу, к которой он не принадлежит по

происхождению. Иными словами происходит ассимиляция иноземцев, они обретают новую родину. Индикатором ассимиляции всегда и везде является освоение языка основного народа страны. **Язык – этноконсолидирующий фактор. Базар – поле информационного обмена.** В Золотой Орде язык общения или для средневековья – язык базара повсеместно, даже в многонациональном Крыму был тюркским – татарским.

Тюркский этнос вбирал в себя не только представителей других народов, обогащался их культурой, но и создавал свою собственную синтетическую культуру. В Крыму «зарождается новая материальная и художественная культура поистине космополитического характера.... Новая линия в материальной культуре характеризуется тесным переплетением джучидской тюркско-монгольской (городской и степной), греческой (византийской), сложными по составу армянской, крымско-малоазийской и латинской традициями ремесла" [Крамаровский, с. 38-40]. На Волге она четко прослеживается в прикладном искусстве, а конкретно, в керамике, обломков которой сохранилось больше всего. Это вынуждены признавать даже те ученые, которые не хотят признавать эту культуру самостоятельным явлением. Так, Г.А. Федоров-Давыдов пишет (выделено мною – Э.К.): *«был определенный и в значительной степени единый стиль. Разноголосица эклектически соединяемых элементов покрывалась мощным звучанием нового стиля в прикладном искусстве — главном искусстве золотоордынской культуры, стиля в значительной мере «патетического», с сильной тенденцией к «живописности»* [Федоров-Давыдов 1994, с.210}.

Пожалуй, не найти в истории другого народа, который бы в столь краткий срок достиг столь высокого уровня культуры, но на который бы обрушилось враз столько бед. Масштаб свершений золотоордынской цивилизации значителен и эти свершения были столь опережающими свое времени, что остались непонятыми современниками, а потом веками оставались непонятыми потомками, представителями следующих поколений. Парадоксально, но факт, человечество должно было не только выработать новую систему научных взглядов, основанных на общей теории систем и синергетике, но и под виртуальным дамокловым мечом глобального экологического кризиса⁶⁹ (и отнюдь не виртуальными негативными климатическими сдвигами) сознать роль экологии, при компьютеризации повседневной жизни пересмотреть свои воззрения на роль информации, наконец, плотную подойти к явлениям глобализации в области экономики и с этим новым пониманием значимости процессов, явлений и событий принципиально изменить свое представление о настоящем и будущем. И только после всех этих перемен мы начинаем иначе смотреть и на прошлое, изживать давние стереотипы. Процесс этот для историков, как впрочем, и для большей части старших поколений наших современников, психологически труден и, как свидетельствует история, чреват охотами на ведьм (от чего нет гарантий и в наши дни). Но вместе с тем, только переосмыслив настоящее и будущее, мы можем понять прошлое. В случае с Золотой Ордой это прошлое в новом видении начала XXI века предстает как цивилизация, опередившая свое время и подтвердившая вечную истину: одиночный далекий рейд в будущее всегда обречен.

⁶⁹ Из последних публикаций анализ современного глобального экологического кризиса см. в [Зубаков 2006]

ЛИТЕРАТУРА

- Алими С. Последние новости об утопии. - *Le monde diplomatique*. Русское издание. 2006, №2, авг.
- Амир Темур в мировой истории. Издание второе. Ташкент: «Шарк», 2001.
- Антипова А.В. Вмещающий ландшафт. – Э.С.Кульпин (ред). Ландшафт и этнос. СЕИ, Вып. XIII, М.: Институт востоковедения РАН, 1999, с. 15-34.
- Антипова А.В. Вмещающий ландшафт (географический смысл и эколого-ресурсное содержание) // *История и современность*. 2006, №2.
- Аскарлов А.А., Буряков Ю.Ф., Гуляев В.И., Сайко Э.В. Дифференцирующее и интегрирующее действие Шелкового пути в культурно-исторических и этнических процессах // Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Ургенч. 1991. 98 с., с. 6-11.
- Базаров В.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004.
- Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. // Пер. Е.Ч. Скржинской. – Л. 1971
- Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М. 1957
- Бурханов А.А. Человек и природа в Предволжье. – Э.С.Кульпин (ред). Человек и природа: история и современность. Симферополь: Аян-Доля. 2004, с. 14-29.
- Быря П.П., Рябой Т.Ф. К вопросу о топографии золотоордынского города в Молдавии (по материалам Старого Орхоя) // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН. 28-30 апреля 1997 г. Спб.: 1997, с. 107-110.
- Вигилев А.Н. История отечественной почты. М.: Связь, 1979
- Виноградов Б.В., Глазовский Н.Ф., Габуншина Э.Б. Программа действий по борьбе с опустыниванием в Калмыкии. // Аридные экосистемы. Том 2. № 2-3, 1996. Май., с. 103-110
- Газиз Г. История татар. М. 1994
- Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое: Пер. с нем. М.: Наука, ГРФМЛ, 1989.
- Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIII в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987
- Горелик М.В., Фомичев Н.М. Рыцарские доспехи XIV в. из Азова // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. — Ростов-на-Дону, 1989
- Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. — Пенза, 2001
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X—XIV веков. — М., 2002
- Горский А.А. Два «неудобных факта из биографии Александра Невского. - Александр Невский и история России. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. 1996
- Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2000.
- Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования истории быта Московской Руси. М. 1937
- Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков. М. Интерпракс. 1994

- Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык хана Узбека венецианским купцам Азова. Реконструкция содержания // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Межвузовский сб. Вып. XIII. Л. 1990. 215 с., с. 74-106.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. Л., 1950.
- Дашпурев Данзанхорлоогийн. Этапы модернизации современного монгольского общества (социально-философский анализ). Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора философских наук. М.: ИФ РАН. 1995.
- Джанов А.В. «Храм с аркадой» в Судак // *Сугдейский сборник*. Вып. 2. Киев-Судак: Национальный заповедник «София Киевская», 2005, с. 654-669.
- Дегтярев А.А. Русская деревня в XV-XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л. Наука. 1980
- Демкин В.А., Борисов А.В., Демкин Т.С. Палерпочвы, природная среда и древние общества южнорусских степей. 10-я школа «Экология и почва». Пущино 1-5 октября 2001.
- Демкин В.А., Демкина Т.С. Палеоэкология Нижнего Поволжья в золотоордынское время // *Поволжье в Средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000)*. Н. Новгород: НГПУ, 2001.
- Диалог культур Евразии (под ред. Бурханова А.А.). – Казань: ТГТИ, 2001.
- Егоров В. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай... // *Родина*. XIII-XIV, 1997, № 3-4.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды вв. М. 1985
- Егоров В.Л. Александр Невский и Золотая Орда. - Александр Невский и история России. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. 1996
- Егоров В.Л. Золотая Орда. М.: ГМИ, 2005.
- Ельников М.В. Экономические и культурные связи населения Нижнего Подднепровья и Крыма в золотоордынский период // *Сугдейский сборник*. Вып. 2. Киев-Судак: Национальный заповедник «София Киевская», 2005, с. 57-65
- Зубаков В.А. Итоги XX и перспективы XXI веков глазами геоэколога: ипостаси глобализации и перспективы выживания // *История и современность*. 2006 №2.
- Зюскинд Патрик. Парфюмер. СПб., 2002.
- Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995
- Иванов И.В., Луковская Т.С. Проблемы социоестественной истории аридных и семиаридных областей Евразии в голоцене // *Человек и природы*. Материалы VI конференции *Человек и природа – проблемы социоестественной истории*. (ред. Кульпин Э.С.) М.: Институт востоковедения РАН, 1997, с. 33-35.
- Исламов Р.Ф. Мамлюкский Египет и Золотая Орда: культурные взаимоотношения и взаимовлияния // *Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы*. Тезисы и краткое содержание докладов Международной научной конференции. – Казанью 1997
- Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды / *Из истории Золотой Орды*. Казань, 1993
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. Казань: Иман, 2000
- История Польши*, Дыбковская А. Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава: Научное издательство ПВН, 1995.

- Кадырбаев А.Ш. Польша и тюрко-монгольские народы в историческом пространстве. – Э.С.Кульпин (ред). Человек и природа: из прошлого в будущее. М.: Энергия, 2006
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М. 1992;
- Казаков Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Поволжья / Татарская археология. 1999, №1/2
- Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Булгарии / Проблемы ранней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. (а)
- Карпачевский Л.О. Экология и почвоведение. Тезисы докл. III съезда Докучаевского общества почвоведов. Книга 1, М., 2000
- Карпачевский Л.О. Почвы, мелиорация и цивилизация. 10-я школа «Экология и почва». Пушкино 1-5 октября 2001.
- Карпачевский Л.О. Почва и цивилизация. – Э.С.Кульпин (ред). Природа и ментальность. М.: Московский лицей, 2003, с. 38-53.
- Карпачевский Л.О. Почвенный профиль, как летопись истории природы и общества. – Э.С.Кульпин (ред). Природа и ментальность. М.: Московский лицей, 2003, с.90-97.
- Кириков С.В. Человек и природа в восточноевропейской лесостепи в X - начале XIX в. М. 1979
- Клименко В.В. История климата Восточной Европы // Кульпин Э.С., Клименко В.В., Пантин В.И., Смирнов Л.М. Эволюция российской ментальности. (Под ред. Кульпина Э.С.). М. 2005
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. Л., 1941.
- Колычева Е.И. Демографические и социальные аспекты экономического кризиса 70-90-х годов в. по материалам центральных уездов // Социально-демографические процессы в российской деревне XVI – начала XX в. Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению аграрной истории. Вып.1. Таллин. 1986
- Крадин Н.Н. Империя Хунну. — М., 2002
- Крамаровский М.Г. Северное Причерноморье, Лигурия и Латинская Романия в XIII-XV вв. К вопросу о латинском компоненте в культуре Золотой Орды // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. Донецк. 1992.
- Крамаровский Марк. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология, 1997, № 1, с. 101-106.
- Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. С-Птб: Славия, 2005, с. 13-172.
- Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы 6,. М. 1976.
- Крюков М.В. , Малявин В.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Китайский этнос на пороге средних веков. М.,1983;
- Кулаковский Юлиан. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Киев. 1906.
- Кульпин Э.С. Революционные преобразования и особенности формирования монгольского пролетариата // Народы Азии и Африки. 1987. № 4
- Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М.: ГРВЛ, 1990.
- Кульпин Э.С. Путь России. М.: Московский лицей, 1995.

- Кульпин Э.С. О минимуме диссипации энергии в жизни социума // Человек и природа. Проблемы социоестественной истории. М.: Институт востоковедения РАН. 1995, с.3-32.
- Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса российского государства.. М. : Институт востоковедения РАН. 1998
- Кульпин Э.С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. М.: Московский лицей, 1999.
- Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. М.: Институт востоковедения, 2001.
- Кульпин Э.С. Две смуты: опыт сравнения. - *Общественные науки и современность*, 2003, № 5, с. 96-107.
- Кульпин Э.С. Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004
- Кульпин Э.С., Петкевич К. Восточная Европа между двумя смутами: феномен Великого княжества Литовского. - *Общественные науки и современность*, 2004, № 2, с. 80-94.
- Кульпин Э.С. Демографические и миграционные процессы тюрков и славян в Восточной Европе в XIV-XVII вв. – *Восток*, 2005, № 4, с. 14-24.
- Кульпин Э.С. Проблема ментальности в современном мире // Природа и общества в глобализирующемся мире. М.: ИАЦ Энергия, 2005, с. 7-13.
- Кульпин Э.С. Что можно принять за ДНК цивилизации? // Природа и общества в глобализирующемся мире. М.: ИАЦ Энергия, 2005, с. 189-195.
- Кульпин Э.С., Клименко В.В., Пантин В.И., Смирнов Л.М. – *Э.С.Кульпин (ред)*. Эволюция российской ментальности. М. 2005.
- Кучкин В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси. – Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26-28 сентября 1995 года). Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. 1996.
- Леса южного Подмосковья. М., 1985
- Макконелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. М.: Республика. 1992, т.2.
- Минерт 1990
- Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана. – Казань: Алма-Лит, 2003.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII I- начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, Гражданского общества и правового государства. Тт. 1, 2. Спб: ДБ (Дмитрий Булавин) 1999.
- Мирошниченко Ю.М. Влияние выпаса на границы ценозов и их биоразнообразие или почему Северо-Западный и Северный Прикаспий является степью, а не пустыней // Проблема изучения краевых структур биоценозов. Тезисы докладов Всероссийского семинара. Саратов. 1997
- Насонов А.С. Монголы и Русь. М. 1940
- Плано Карпини. История Монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957, с. 23-83.
- Поволжье в Средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Н. Новгород: НГПУ, 2001. – 168 с.
- Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т.I. Кн.1.
- Рудаков В.Г. К вопросу о хронологии и топографии Селитренного городища эпохи Тохтамыш (1380-1396 гг.) // Поволжье в Средние века: тезисы докладов Всероссийской

научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Н. Новгород: НГПУ, 2001. – 168 с.

- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды / На стыке веков континентов и цивилизаций (из опыта образований и распада империй X-XVI вв.) – М.: ИНСАН, 1996.
- Слепцов А.М. Разработка методов анализа и обобщения палеоклиматических данных (история климата Восточной Европы в последние два тысячелетия). Автореферат на соискание ученой степени к.т.н. М.: МЭИ, 2002, с.24.
- Слепцов А.М., Клименко В.В. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет / История и современность, 2005, №1, с. 118-135.
- Смирнов Л.М. Общественное бессознательное современной России и его отражение в массовых опросах. – Э.С.Кульпин (ред). Человек и природа: история и современность. Симферополь: Аян-Доля. 2004, с. 243-250.
- Судьба степей, Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск: Мангазея, 1997.
- Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А.. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005.
- Серия «Социоестественная история» выпуски XXIV, XXV. XXVI]. *Татары*. Казань, 2000.
- Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М. 1973. С. 175, 176.
- Тартарика*, Справочно-энциклопедическое издание Атлас Тартарика. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. Казань-Москва-Санкт-Петербург. 2005.
- Тортика А. А., Михеев В. К., Кортиев Р. И.. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ. / Этнографическое обозрение, 1994, № 1.
- Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник под ред. В.В.Каллаша в шести томах. Том I. XVII век. Первая половина. М. 1912. Репринтное издание. М.: Патриот. 1991
- Триандис Г., Малпасс Р., Дэвидсон Э. Психология и культура. История зарубежной психологии (30-60 гг. XX вв.). Тексты. М.:МГУ, 1986.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Нижнего Поволжья в системе “Шелкового пути” // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье. Международный научный семинар. Тезисы докладов. Донецк. 1992.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: МГУ, 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология 1997, № 1.
- Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
- Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань,1989.
- Хузин Ф.Ш. Булгары на Волге и Каме до монгольского завоевания (вторая половина VIII- XIII вв.) / Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995
- Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV-XVI вв. Л. 1977
- Энгельс Ф. Конраду Шмидту 27.X.[1890]. Соч. Т. 37. С. 417.

- Якупов Р.И. Тепляри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. – М.: Старый сад. 2001.
- Ястребицкая А.Л. Городская Европа // Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть 2. М., Интерпракс. 1995
- Park R., Burgess A. The city. NY., 1978. P. 1.
- Weber M. The city. NY – London, 1958.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Что можно принять за ДНК цивилизации?⁷⁰

Социоестественная история базируется на общей теории систем и синергетике, модернизированной концепции эволюции биосферы Никиты Моисеева, традициях социологической школы Макса Вебера и исторической школы «Анналов». В центре внимания СЕИ – взаимосвязи, взаимовлияние и взаимодействие процессов, явлений и событий в природе и обществе. И два состояния – временной динамичной устойчивости (стабильности) системы и состоянием поиска устойчивости (бифуркации). Ключевые слова здесь – *взаимодействие* и *процессы*, *междисциплинарность* и *системность*. Еще 15 лет такое основание казалось новым в гуманитарных науках бывшего Советского Союза, но не сейчас. Системный подход, использование понятий общей теории систем и синергетики, междисциплинарность – все это сейчас то, без чего, если не на деле, то на словах не обходится ни одно исследование, претендующее на фундаментальность, во всяком случае значительная часть диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Но общая теория систем, как известно, вовсе не теория в традиционном смысле этого слова, а научное мировоззрение. Мировоззрение помогает работать, но не является конкретным «инструментом» анализа. Инструменты-то остаются прежние! Цели иные и «печка», от которой начинается научный «танец», иная.

Нельзя сказать, что проблемы целей и методов в СЕИ не обсуждаются. Обсуждаются, но как? Любое серьезное исследование всегда связано с уточнением и пересмотром тех или иных научных парадигм. Обсуждение происходит по конкретным исследованиям и в узком кругу. Общение в узком кругу закономерно приводит, с одной стороны, к взаимодействию, и как следствие взаимодействия – взаимопониманию, с другой, поскольку взаимопонимание уже достигнуто – к отсутствию острой необходимости в фиксации основополагающих моментов взаимопонимания. Хотя вопросы методологии являются неизменной частью дискуссий на конференциях «Человек и природа», эти дискуссии не находят отражения в выпусках СЕИ. Причина в том, что сборники статей по сложившейся практике публикуются не после, а до конференций. Эта практика повышает продуктивность форумов: традиционно первый день на них выделен не для заседаний, а для чтения представленных на обсуждение материалов, что позволяет сократить количество устных выступлений и расширить возможности для обсуждений. К сожалению, методология (как был достигнут результат), ее обоснованность рассматривается во время обсуждений, но не фиксируется из-за ограниченности финансовых и технических возможностей. В результате даже беглый просмотр книг серии СЕИ показывает, что зафиксированная методологическая база СЕИ, по сравнению с

⁷⁰ Опубликовано в: Природа и общества в глобализирующемся мире. М.: ИАЦ Энергия, 2005, с. 189-195.

используемой, несколько устарела. Из обобщающих работ можно упомянуть мою стенограмму курса лекций, прочитанных в 1991-92 гг., ставшую давно библиографической редкостью [Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. (Серия СЕИ. Вып. VII). М.: Московский лицей. 1996 – 200 с.], вводную лекцию в книге «Восток» [Кульпин Э.С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. (Серия СЕИ. Вып. XII). М.: Московский лицей, 1998. – 272 с., с.11-21. Книга «вывешена» на сайте www.kulpin.ru], а также ряд статей, разделов в монографиях, посвященных фундаментальным понятиям СЕИ, А.В. Антиповой, А.Н. Мещерякова, В.И. Пантина, Г.Д. Сухарчука, Т.Ф. Столяровой, Л.М., Смирнова (Статьи названных авторов можно найти в сборниках СЕИ Все сборники «вывешены» на сайте www.kulpin.ru). В сложившейся ситуации до написания монографии, посвященной методологии СЕИ, что, конечно, необходимо, но текущие конкретные исследования до сих пор не позволяют этого сделать, сконцентрируем внимание на целях, месте отсчета («печке») и основном источнике, откуда можно черпать новые идеи. В самом общем виде: ученые, объединившиеся в СЕИ, поставили своей целью *понять кто мы* (мир в целом), *куда мы идем*, исследуя, прежде всего, истоки – *откуда мы пришли*. Чтобы представить пути достижения цели начнем с «печки».

Для традиционных исследований главным объектом является нечто оформленное и застывшее, хотя бы на краткий миг, как отдельный кадр в киноленте, линейные модели с причинно-следственными связями. Для социестественных исследований линейные модели, структуры могут быть объектами исследования лишь тогда и постольку, когда и как они способствуют выявить само движение, изменение. Междисциплинарность не сводится к дополнительной аргументации закономерностей, выявляемых монодисциплинарным, узконаправленным анализом (для истории, чаще всего, нарративных документов), но выявлением взаимосвязанных, не обязательно взаимозависимых параллельных процессов в разных, чаще всего, автономных сферах жизни природы и общества.

Конечной целью социестественных исследований являются представления больших групп людей о мире и о себе. Эти представления находят свое выражение в понятиях, именуемых ценностями. Психологи насчитывают несколько сотен понятий, относимых к ценностям. При этом совокупность (набор) большинства ценностей остается практически неизменным для всех времен и народов цивилизационного периода истории, но значимость каждой отдельно взятой ценности различна и в одной цивилизации в разные эпохи, и у разных народов в одну и ту же эпоху. Все ценности непосредственно или опосредовано взаимосвязаны смыслами, заложенными в них. В соответствии со смыслами ценности могут быть либо равными по значимости, либо неравными. Непосредственно связанные равнозначные ценности связаны горизонтально, неравнозначные – вертикально. Поскольку существует ценности с двумя видами связей, то совокупность ценностей можно представить в виде пирамиды, на вершине которой расположены самые главные по смыслу и наиболее устойчивые во времени ценности для данной цивилизации, этноса. При такой интерпретации смыслов проблема сводится к выделению этих самых главных, самых важных, основных ценностей, которым все остальные, расположенные на разных горизонтальных уровнях значимости «подчиняются».

В конце 1980-х гг. методом исторического анализа мною были выявлены основные ценности западноевропейской, дальневосточной цивилизаций и

появилась возможность, аналогичным образом проанализировав историю России, выявить основные ценности российской цивилизации [Кульпин 1995]. Одновременно возникла проблема верификации систем основных ценностей социологическими методами. Была достигнута договоренность с группой ученых из Психологического института РАО во главе с И.Г.Дубовым о том, что в ходе социологических опросов они попытаются «построить» систему основных ценностей россиян, анализируя социологические опросы [См. Ментальность России, Базовые ценности россиян, Смирнов 2003, 2004]. При этом в точном соответствии с принципами естественных наук система должна была «появиться» не в результате целенаправленных действий, а независимо от конкретных действий – «сама собой», как раскрывается ядро ореха, когда разбивается скорлупа. Однако до сих пор «сама собой» система не выстроилась. Был выявлен набор основных ценностей, состав которых не полностью совпадал с составом, выявленным историческим анализом. При этом, что существенно, набор не представлял собой целостную систему элементов. Такую систему, когда устранение какого-либо элемента или добавление нового ведет к автоматическому разрушению всей системы. Мое объяснение «разночтения» следующее.

Метод действия социальных психологов и социологов - это социологические опросы. Они проводятся чаще всего для того, чтобы определить реакцию людей на те или иные конкретные акции, выявив *изменения* настроений. В результате дается данномоментный, во времени горизонтальный срез предпочтений, настроений, сознания [см., в частности, Ментальность россиян, Базовые ценности россиян]. Далее, ценности, выявленные таким образом, являются прямым продуктом *сознания*, сознательного жизненного опыта, причем опыта индивидуального, хотя и имеющего всеобъемлющий характер. Сознание предполагает самосознание — понятие о самом себе, свойственное мыслящему и рефлексизирующему субъекту. Самосознание присуще человеку как индивиду, но вовсе определяет все области поведения. Как пишет Фритьоф Капра: «В книге двух ведущих представителей когнитивной лингвистики Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Философия во плоти» [Lakoff George, Johnson Mark. *Philosophy in the Flesh*. Basic Books, New York, 1999] приводятся красноречивые свидетельства в пользу воплощенности человеческого разума и обсуждаются фундаментальные философские выводы, следующие из такого представления. Изложенные в книге аргументы основываются прежде всего на том, что наше мышление по большей части *бессознательно и оперирует на уровне, не доступном обычному сознательному осмыслению*. Такое «когнитивное бессознательное» включает в себя не только все наши автоматические когнитивные операции, но также и наши подспудные знания и убеждения. *Без участия нашего сознания когнитивное бессознательное формирует и структурирует все сознательное мышление*. Именно такое формирование стало основным предметом исследования в когнитивистике, что привело к радикально новым представлениям о том, как возникают понятия и мыслительные процессы» [Капра, с. 84, выделение мое – Э.К.]. Самосознание, видимо, не присуще, как утверждал К.Г. Юнг [Аналитическая психология, с. 71-72, 176-177], коллективному существу. Фундаментальный вопрос здесь: можно ли механически распространять индивидуальную способность рефлексизирующего сознания на человеческие коллективы? Есть ли «мозг» у коллектива и работает ли он на уровне сложности

аналогичной мозгу индивида? Такого «инструмента» сознания у коллектива мы не видим. Отсюда рефлексия коллектива иная, чем индивида.

В данном рассмотрении существенно то, что социологические опросы имеют объектом *текущий поток сознания*, сиюминутный ценностный срез, а целью – *усреднение индивидуальных сознаний*, суммы деленной на число индивидов. Завтра этот срез актуальных ценностей будет иным, чем сегодня. Вне потока меняющих свою значимость ценностей есть такие, что остаются неизменными во все времена, значимость которых непреходяща. История не имеет возможности анализировать данные социологических обследований, поскольку они в прошлом не проводились, способна «видеть» результаты потока сознания на природную, хозяйственную, политическую окружающую среду, подобно тому, как мы видим след реактивного самолета в небе, а в камере Вильсона остается след движения невидимых заряженных микрочастиц. Но движение самолета и его след, движение заряженной частицы и ее след – разные явления и процессы, хотя описываться они могут одними и теми же понятиями, терминами. Из общего числа в несколько сотен понятий, классифицируемых как ценности, набор основных ценностей неизменно востребованных в долговременной перспективе и востребованных в каждый данный момент может совпасть лишь случайно, поскольку актуальность ценностей в каждый отдельный временной момент в индивидуальном сознании разная. Иными словами, ценности, составляющие набор актуальных на данный момент и набор неизменных на все времена могут совпадать лишь частично, отсюда следует, что совпадение равнозначных ценностей индивидуального сознания и «сознания» коллективного явление исключительное или в принципе невозможное. Именно это имел в виду К.Г. Юнг, анализируя личности Гитлера, Муссолини и Сталина на соответствие индивидуального подсознания общественному бессознательному, Юнг фиксирует данное соответствие как совершенно уникальное явление лишь у Гитлера [См. Аналитическая психология, 1997, с. 173-191]. Коллективное «сознание» (или бессознательное по Юнгу) не является прямым продуктом, суммой индивидуальных сознаний.

Исследуя причины невозможности выявления целостной системы ценностей социологическими обследованиями, я пришел к выводу, что стандартные социологические исследования по самой своей сути ориентированы на сдвиги в *личностном сознании*, на *изменяющиеся* ценности, и что немаловажно на ценности расположенных условно в нижних ярусах пирамиды, а верхние – неизменные, остаются где-то за пределами видимости. Иными словами, неизменные ценности (по крайней мере, некоторые из них) остаются вне сферы повседневного сознания, находятся в области подсознания или в бессознательном. Идею о коллективном бессознательном, определяющем движение народов и цивилизаций, в научный оборот ввел К.Г. Юнг. При этом нельзя не согласиться с В.В. Зелинским, который пишет: «Что касается „коллективного бессознательного“, то это понятие также выступает ключевым для всей аналитической психологии и в истории психологии вполне может считаться „наиболее революционной идеей 20-го века“, идеей, серьезные выводы из которой так и не были сделаны до сего времени» [Зелинский].

Итак, если исследование ценностных горизонталей является прямой целью социологии, предметом социологических опросов, то о вертикали должна дать знание история, выявить те ценности, которые на протяжении длительных периодов времени оставались неизменно значимыми, а из них – основные,

главные, выявить систему основных ценностей, поскольку раз ценности связаны между собой, то они образуют систему. При этом, если какой-то элемент такой системы можно удалить и от этого система не разрушится, значит, он был лишний в этой системе, а если разрушится, то, значит, это был тот элемент, который действительно принадлежит данной системе (подсистеме). Иными словами, выявляя основные ценности, необходимо осуществить названную логическую верификацию. А затем дополнить ее фактографической - исторической.

Верификация историческая заключалась в том, чтобы выявить, какой набор различных ценностей удерживался в числе актуальных в течение длительного времени. Второй этап исследования: определить как в этом наборе ценности связаны между собой? Дело в том, что ценности могут быть «вечными», но обладать разной значимостью: условно, первого порядка, второго порядка, третьего порядка и т.д. Некоторые ценности, которые удерживались в актуальных длительный период времени, по своей значимости не были основными. Основные нужно «вычислять» «технической» верификацией: проверкой не «алгебры гармонией», но гармонии алгеброй. Необходимо такую найти область проявления ценностей, «правдивость» свидетельств которой была бы вне сомнений, вне субъективизма, иными словами, это область естественных наук. Законы природы, используются человеком в его хозяйственной деятельности. В любой технологии, связанной с природой, находят свое отражение не только законы природы, но и их *выбор*, а выбор зависит от представлений людей о мире и о себе, от ценностей. Следовательно, исследуя технологии, прежде всего, технологии основного хозяйственного процесса той или иной эпохи, страны мы можем увидеть отражение основных ценностей, данной эпохи, страны, этноса.

Литература

- Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1997
- Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги. 2003.
- Зелинский В. Предисловие // Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб.: «Палантир». 1994
- Капра Ф. Скрытые связи М.: «София», 2004. Рапопорт А. (Rapoport A. Mathematical Aspects of General Systems Analysis // "General Systems", vol. XI, 1966, p. 3-11) Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969, 520 с., с. 87-88.
- Кульпин Э.С. Путь России. М.: Московский лицей. 1995
- Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). М.: Имидж-контакт. 1997.
- Смирнов Л.М. Базовые ценности – поиск природных оснований // Природа и ментальность. М.: Московский лицей. 2003.
- Смирнов Л.М. Общественное бессознательное в современной России и его отражение в массовых опросах // Человек и природа: история и современность. Симферополь: «Аян»-«Доля». 2004
- Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб.: «Палантир». 1994.

Проблема ментальности в современном мире⁷¹

⁷¹ Опубликовано в: Природа и общества в глобализирующемся мире. М.: ИАЦ Энергия, 2005, с. 7-13.

Общее обращение исследований к ментальности, имеющей глубокие исторические корни, как главной цели поисков в социоестественной истории, обусловлено исследовательскими приоритетами ООН на XXI век. Приоритеты нашли свое выражение, прежде всего, в самом фундаментальном, из когда-либо выполненных, международном исследовании о настоящем и ближайшем будущем Планеты, изданном Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) - втором Докладе по проекту ГЕО (GEO-2) о состоянии окружающей среды. В этом докладе главным фактором в преодолении современного глобального эколого-социального кризиса впервые названа ментальность, а российские официальные документы последних лет впервые охарактеризовали состояние Планеты как эколого-социальный кризис. Конечной целью исследований по проекту РФФИ «Экспериментальное и теоретическое моделирование процессов социально-экологических кризисов в истории России» было выявление глубинных корней российской ментальности. Подобный поиск в наши дни не является исключительным. Исключительность социоестественных исследований заключается в методе.

Для традиционных исследований главным объектом является нечто оформленное и застывшее, хотя бы на краткий миг, как отдельный кадр в киноленте, линейные модели с причинно-следственными связями. Для социоестественных исследований линейные модели, структуры могут быть объектами исследования лишь тогда и постольку, когда и как они способствуют выявить само движение, изменение. Междисциплинарность не сводится к дополнительной аргументации закономерностей, выявляемых монодисциплинарным, узконаправленным анализом (для истории, чаще всего, нарративных документов), но выявлением взаимосвязанных, не обязательно взаимозависимых параллельных процессов в разных, чаще всего, автономных сферах жизни природы и общества.

Системный подход означает движение не от частного к целому через выявление причинно-следственных связей, но от целого к частному. Отсюда «исходными считаются законы, управляющие поведением целого, в той степени, в какой нас интересует поведение частей, мы пытаемся вывести его из законов, управляющих поведением целого... проблема синтеза поведения целого из поведения частей не рассматривается... При таком подходе особое внимание уделяется организованной сложности, то есть тому обстоятельству, что добавление новой единицы вводит не только отношения этой единицы ко всем другим, но также изменяет отношения между всеми единицами. Чем более тесно взаимосвязаны отношения, тем более организована *система*, образованная этими отношениями. *Степень организации*, таким образом, становится основным понятием теоретико-системной точки зрения» [Рапопорт, с. 87-88.].

Фундаментальной аксиомой в СЕИ является сущностная идентичность форм, функций и жизнедеятельности двух подсистем биосферы – природы и общества. Названная идентичность является источником новых идей по принципу фрактальности (самоподобии), новых метафор. Аксиома для желающих овладеть методологией СЕИ нуждается в разъяснении.

Общество, как систему можно сравнить с живой природой, начиная от ее первоосновы - клетки, как ограниченную мембраной, самовоспроизводящуюся, организационно замкнутую метаболическую сеть. Мы видим, что природные метаболические (т.е. живые, живущие) системы (сообщества) включает в себя взаимодействующие автономные подсистемы на всех уровнях самоорганизации

материи от низших до высших, начиная от чрезвычайно сложных макромолекул, где имеются структурные белки, ферменты, которые катализируют метаболические процессы, переносчики генетической информации – РНК, хранители эту информации – ДНК, отвечающие за самовоспроизводство отдельной клетки и сообщества клеток в целом. В обществе мы видим те же специфические черты жизни. Ясно, что общество складывается из различных составляющих – подсистем. Это – социальные, профессиональные, конфессиональные, этнические, территориальные, научные и иные группы, катализирующие процессы, хранящие и переносящие информацию, обеспечивающие материальное, демографическое и духовное воспроизводство подсистем и общества, как системы в целом. Точно также, как природа в целом, ее отдельные составляющие – подсистемы материально и энергетически открыты и используют непрерывный поток материи и энергии для своего построения, ремонта и поддержания жизнеспособности, общество является материально, энергетически и информационно открытой системой и в тех же целях, что и живая природа, использует материю, энергию и информацию окружающей среды. Точно также как природные сообщества – неравновесные системы, что обуславливает спонтанное возникновение новых структур и форм, а значит – становление и эволюцию, общество также является динамичной неравновесной системой, что обеспечивает ей возможность появления новых структур и форм и их эволюцию. Три основных фактора эволюционного становления в живой природе – *мутации, генный обмен и симбиоз*, имеют свои аналоги в обществе. Весь вопрос в том, что именно является аналогом. Речь может идти только о сущностном, но не о конкретном тождестве. Любые попытки приписать конкретные функции исключительно какой либо одной составляющей общества способны исказить реальную картину и не получить безусловную экспериментальную поддержку. Общественные подсистемы в отличие от природы слабо специализированы и выполняют названные функции в подавляющем большинстве случаев совокупно.

В природе биологические сообщества (системы) претерпевает непрерывные структурные изменения, компоненты системы постоянно порождают и преобразуют друг друга, при этом сохраняется общая организационную модель. Изменения, о которых идет речь, двух видов. Одни изменения постоянные циклические имеют целью самообновление. (Всякий живой организм постоянно обновляет себя по мере того, как его клетки, делясь, выстраивают новые структуры, а ткани и органы непрерывно и циклически обновляют свой клеточный состав). Другие – создают новые структуры – устанавливают новые связи в сообществах в ответ на воздействие среды сообщества приспосабливаются к ним, образно говоря, обучаются и развиваются. Эти перемены, носящие уже не циклический, но поступательный характер, также происходят непрерывно, но с разной интенсивностью. Низкой – будучи обусловлены внутренней динамикой системы и слабым воздействием окружающей среды, высокой – при сильных воздействиях окружающей среды. При этом среда лишь инициирует структурные изменения; может лишь частично, но не принципиально, не по существу изменить сообщества на любых уровнях – от клетки до биосферы Земли. Живые системы не только сами определяют свои будущие структурные изменения, но и то, какие внешние раздражения их вызовут. Живая система сохраняет за собой свободу решать, на что и как реагировать, вплоть до свободы выбора жизни и смерти. Все живые системы

автономны, но не независимы от окружающей среды. В экстремальных ситуациях (при сильных воздействиях среды) автономность (независимость) сужается до выбора между жизнью и смертью. Отсюда следует важный вывод: управлять живой системой нельзя — можно лишь оказывать на нее возмущающее воздействие.

На первый взгляд кажется, что все, о чем говорилось выше о живых организмах и их сообществах (а также о многом другом, о чем в данном случае не говорилось), можно прямо распространить на людей (индивидов) и на человеческие сообщества. Можно, но не *a priori*, а только если это будет подтверждено *экспериментально*. В эксперименте (исследовании) прямые аналогии должны быть блокированы. В соответствии с одним из основных понятий синергетики — фрактальности (самоподобии) законы природы могут подсказывать путь поисков законов общества, но не его результат, т.е. в наиболее благоприятном варианте — выполнять роль метафоры. (О роли метафоры в исследовательском процессе см. Wrzosek). Ведущая роль должна принадлежать *решающему опыту* — опыту дающему возможность предвидеть, т.е. делать обобщение (*experimentum crucis*, по Бэкону) [Кульпин 1996]. В СЕИ решающий опыт проводился для решения ряда принципиальных проблем. Из них следует отметить, прежде всего, выявлению связи между идеологией (ментальностью) и технологией на примере китайской, европейской и российской цивилизаций [Кульпин 1990; Кульпин, Пантин], а также, в сравнительном анализе поведения биологических сообществ и человеческого общества в экстремальной ситуации на примере социально-экологического кризиса в Приаралье (по инициативе В.С. Залетаева) и др. При этом сравнительный анализ выявил неполное соответствие в поведении общественных и биологических сообществах. Живая природа в экстремальных ситуациях более способна противостоять внешнему воздействию, сохраняя свои сущностные характеристики и медленно снижая уровень самоорганизации [Залетаев 1998, с. 52-85, 1996 с. 44-46; 1997 с. 82-89; 1999, с. 165-166. Кульпин, Бурнакова 2002. с. 44-47; 2002, с. 20-30; 2003, с. 5-14].

При всей широте социоестественных исследований во всем прошедшем периоде у них была одна главная узко поставленная задача — поиск аналогов ДНК для общества. За основу была принята гипотеза, согласно которой в обществе роль генов выполняют основные ценности. Из всех определений культуры при этом было взято антропологическое: культура — совокупная система общепринятых ценностей, убеждений и правил, ограничивающая область допустимого поведения в том или ином обществе.

Верификацией выводов, создаваемых на основе традиционных в гуманитарных науках методах, было выявление соответствия их основным технологиям по принципу дополнительности Нильса Бора. Согласно В.Гейзенбергу, понятие дополнительности призвано «описывать ту ситуацию, когда одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба эти способа рассмотрения взаимно исключают друг друга, но они также и дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью исчерпывают наглядную суть явлений». [Гейзенберг. с. 205-206]. При этом исследования с самого начала была отвергнута идея о представлении генома в виде *всех* понятий, относимых психологами к категории ценностей, т.е. отказ от пути генетиков, за которым мы следили. Здесь опять-таки главный упор был сделан не на прямое подобие, а на фрактальность или метафоричность. Пока биологи искали геном

человека в чрезвычайно вытянутой двойной спирали, в которой все составляющие а priori равнозначны, и «собрав» по частям все составляющие в единое целое к концу XX века, выяснили, что значительная часть генов является «мусором» (роль которого несомненно выяснится впоследствии), в СЕИ самого начала велся поиск *основных* ценностей и отсекаания второстепенных. Отсекание выразилось в представлении всей системы ценностей в виде пирамиды, вершиной которой являются практически неизменные по значимости основные ценности, а основанием пирамиды – ценности, в разной мере способные к наибольшим коррекциям по значимости, перемещению по шкале значимости как вверх, так и вниз.

Генетическая общественная память, закодированная в основных ценностях, ограничена пространством общественных групп, где они приобретают отличительные черты. Задача основных ценностей – ограничение мутаций, поскольку для общественного организма, как и для биологического вида, большинство мутаций пагубны и лишь весьма малая их часть приводит к полезным изменениям. Изменения происходят в пределах границ, определенных основными ценностями, и находят свое отражение в изменении значимости ценностей низших ярусов.

Люди обладают свойством чрезвычайно легко передавать друг другу наследственные ценности по обменной информационной сети как локальных общественных групп, так и больших групп, прежде всего, этносов, суперэтносов. Суперэтнос в логике СЕИ – группа этносов имеющих общие представления о мире и о себе, ядром которых является система основных ценностей, и общая историческая судьба, общий исторический путь эволюции. Цивилизация – жизненный путь суперэтноса. В ходе эволюции суперэтноса центральным на каждый данный момент времени является меняющееся динамичное ментальное ядро, являющееся результатом изменения значимости ценностей и отражающееся в идеях, сознательно или бессознательно разделяемых большей частью членов (индивидов) социальных сообществ. Изменения значимости ценностей происходит в результате конкретных актов взаимодействия индивидов, групп, сообществ, координации действий и идей. В то же время это взаимодействие инициирует структурные перестройки в ценностях, убеждениях, идеях и правилах поведения и обуславливает поступки, действия, процессы, фиксируемые и изучаемые в ходе исследований в разных областях гуманитарных наук.

Основные достижения на этом пути мы видели в выявлении традиционных основных систем ценностей дальневосточной и западноевропейской цивилизаций к началу 1990. После этого началось исследование российской цивилизации, которое заняло более 15 лет. С 1993 гг. по 2004 гг. – 5 коллективных проектов РФФИ и РГНФ, слагавшихся из ряда конкретных исследований изменений в природе, хозяйстве (технологиях) и ментальности. В ходе исследований было выявлено несколько комплексных социально-экологических кризисов и возникали драматические моменты, когда некоторые ведущие исследователи приходили к заключению об отсутствии сложившейся системы ценностей российского общества, т.е. бесперспективности, бессмысленности поиска в этом направлении. В настоящее время исследования продолжаются, поскольку все названные цивилизации находятся в точке бифуркации – выбора дальнейшего пути развития, т.е. трансформации традиционных систем ценностей. Актуальным является также исследование ближневосточной, узко – арабской, более широко – мусульманской цивилизации, а также индийской цивилизации. Без этих

исследований, за которые еще никто в рамках СЕИ не взялся, предвидеть будущее развитие невозможно.

Одновременно с продолжением выявления систем ценностей, в СЕИ поставлена новая генеральная задача - поиск аналога РНК, исходя из аналогии функций ДНК и РНК в генетике, При этом было сделано предположение, что РНК находят свое выражение в непрерывно меняющихся ценностях низших ярусов пирамиды, связанных с основными и своих изменениях поддерживающими устойчивостью основных и, кроме того, своими действиями обеспечивающих жизнеспособность социальных систем.

Литература

- Вжосек В. Между дефиницией и метафорой. Проблемы интерпретации в гуманитарных науках // *Природа и культура*. (Серия СЕИ. Вып. XX). М.: Институт востоковедения РАН, 2001, - с. 256, 13-39 с.
- Гейзенберг В. Философия и общество. Часть и целое. М.: Наука. ГРФМЛ. 1989.
- Залетаев В.С. Экологически дестабилизированная среда и ее особенности как современной стадии эволюции биосферы // *Экология и почвы*. Избранные лекции I-VII школ (1991-1997 гг.). Т. 1. Пущино, 1998
- Залетаев В.С. Аральский экологический кризис и его влияние на коренное население Приаралья // *Человек и природа*. Проблемы социоестественной истории. (Серия СЕИ. Вып. VI). М., 1996
- Залетаев В.С. Реальные и мнимые парадоксы в системах современных взаимодействий природных объектов и их антропогенных аналогов // *Человек и природа* (Серия СЕИ. Вып. X). М., 1997.
- Залетаев В.С. Освоение земель, экологические кризисы и миграция населения // *Ландшафт и этнос*. (Серия СЕИ. Вып. XIII). М., 1999.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. Л., 1941.
- Кульпин Э.С., Бурнакова Е.В. Арал как зеркало нашей эпохи // *Азия и Африка сегодня*, 2002. № 8, с. с. 44-47;
- Кульпин Э.С., Бурнакова Е.В. Локальный социально-экологический кризис (на примере Приаралья) // *Природа и самоорганизация общества* (Серия СЕИ. Вып. XXII). М.: Московский лицей, 2002, – 256 с., с. 20-30;
- Кульпин Э.С., Бурнакова Е.В. Современный социально-экологический кризис в Приаралье и его исторические корни // *Региональные тенденции взаимодействия человека и природы в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу: материалы международной научной конференции* (Тверь, 19-21 марта 2003). Тверь: Золотая буква, 2003, - 324 с., 5-14.
- Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1990
- Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. (Серия СЕИ. Вып. VII). М., 1996,
- Кульпин Э.С., Пантин В.И. Решающий опыт. (Серия СЕИ. Вып. I). М., 1993,

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

О социоестественном исследовании истории Улуса Джучи

Объектом этого интересного как по форме, так и по содержанию исследования является история становления, развития и гибели Улуса Джучи,

более известного в исторической традиции под выдуманным позднее названием Золотая Орда.

О сложной и богатой событиями судьбе державы Джучидов, этой огромной империи Средневековья, оставившей неизгладимый след в истории многих народов Евразии, написано не мало, хотя до сих пор остается еще много нерешенных, недостаточно осмысленных вопросов. Многие исследования, особенно всевозможные учебники и популярные издания, за редкими исключениями почти не отличались друг от друга — ни методом анализа, ни новизной привлеченных источников, ни оригинальностью, убедительностью полученных выводов. В них повторялись, как правило, одни и те же общеизвестные, почти «дежурные» факты, которые иногда «обогащались» за счет выдуманных позднее «событий» или же искусственно возвышенных «героев». Если имелись какие-либо принципиальные различия между ними, то они сводились, в основном, к соотношению позитивных или негативных эпитетов при оценке «исторического места» этого до жуткости «плохого» или же, наоборот, идеально «хорошего» государства. В целом, существующие до сих пор традиционные, так называемые общепринятые приемы освещения истории Золотой Орды в большинстве случаев «топтались на одном месте». (Хотя, должен признать, и традиционные методы осмысления истории этого государства не исчерпали до конца своих возможностей...)

Предложенная Э.С. Кульпиным монография написана на стыке нескольких научных дисциплин и относится к виду социоестественных исследований, основателем которых и является автор данной работы. Важность и чрезвычайная актуальность подобных исследований обусловлена тем, что до сих пор история этого государства рассматривалась в отрыве от реальных географо-климатических условий, отмечая преимущественно значение лишь внешних факторов, определивших особенности его судьбы. Поэтому считаю, что подобный опыт заслуживает всяческого одобрения.

Э.С. Кульпин, обращаясь к методу социоестественного анализа, не претендует на всестороннее описание «сколько-нибудь полной жизни общества» золотоордынской эпохи, а считает, что этим путем можно лишь получить представление о «модели реальной жизни». Но надо сказать, что не имея представления о реальной модели жизни общества в целом вряд ли возможно будет получить более или менее объективные представления о причинах становления, особенностях развития (в том числе «расцвета») или кризиса (также гибели) любого общества, государства. Ибо модель реальной жизни создается людьми, народами в конкретных природных, т.е. географо-климатических, иначе говоря, своеобразно «базисных» условиях, вне которых не было, нет и вряд ли будут существовать человеческие общества, также и государства, в том числе и крупные империи.

Исходя из всего этого, я считаю, что появление такого междисциплинарного исследования по истории Улуса Джучи следует всячески приветствовать и желать автору дальнейших успехов.

В то же время, делая такой вывод, я вполне отдаю себе отчет в том, что не все современные историки будут согласны с выводами Э.С. Кульпина, видя в методе его работы «угрозу» для своих традиционных представлений — «устоявшихся концепций». Однако считаю, что и такой междисциплинарный метод имеет полное право на существование и дальнейшее развитие. Это нисколько не мешает существованию, развитию и традиционного метода

исторического исследования, который применительно к истории Золотой Орды также не исчерпал еще свои возможности (ему следует, прежде всего, более полно освободиться от ненужной политизированности и нардофобских бредов). Иначе говоря, и традиционные методы исторического исследования, и приемы социоестественного анализа имеют полное право на жизнь, и они должны существовать, развиваться параллельно, возможно соревнуясь, полемизируя, таким образом уточняя друг-друга, тем самым взаимообогащаясь и приближаясь к научной истине.

Проф. д.и.н. М.А. Усманов

Поколения в историческом процессе

Социоестественный анализ исторических явлений является новой и перспективной методологией. Привлечение данных и методов анализа ряда дисциплин - биологии, географии, экологии, климатологии, демографии, психологии расширяет возможности исторического анализа. Все это имеет место в монографии. Особо хочу отметить большие потенциалы юнгианского коллективного бессознательного и закономерностей географического понятия вмещающего ландшафта в историческом анализе.

Поскольку я не являюсь специалистом во многих привлеченных методах, то как историк могу сказать, что результаты, полученные таким нетрадиционным путем, в целом не противоречат традиционным представлениям об эволюции исторических процессов в Золотой Орде и дают возможность получать интересную дополнительную информацию.

Постановка вопроса рассмотрение истории через смену демографических поколений осуществляется на примере Золотой Орды впервые. Разложение событий социальной и политической жизни по поколениям дает возможность приходить к определенным выводам, которые не всегда можно получить иным путем.

Несколько замечаний считаю необходимым отметить.

Иногда увлеченность автора приводит к излишней категоричности. Новые методы необходимы вовсе не потому, что старые исчерпали свои потенциалы, а потому, что они просто дают новые возможности.

Что хотелось бы видеть в данной работе, так это более детальное рассмотрение ряда положений. Так, противостояние монголов и тюрок, которое, конечно, можно рассматривать, как этническое, но этнический компонент является лишь частью социального и за этим скрывается многосложность общественной жизни. Полис и хора, как синонимы города и деревни «привязаны» к античности. В Золотой Орде город уникален, он иной, чем в Европе и на Востоке, и окружение его иное. Этого, кроме узких специалистов, читатели не знают. В книге речь идет в основном о нижневолжском мегаполисе, но Золотая Орда - огромная империя с ярко выраженной спецификой регионов. Необходимо говорить о специфике городов и их сельского окружения в других регионах.

Приведенные замечания, как и высказанные устно не меняют общей позитивной оценки монографии, которая несомненно будет полезной для историков и интересной для широкого читателя.

д.и.н. М.Г. Крамаровский

1. Архитектура. Пролог и эпилог Золотой Орды.

До наших дней дошли считанные образцы архитектуры великой средневековой империи. Мы не можем сегодня восстановить облик ее площадей и дворцов, полные экстерьеры и интерьеры зданий, но воссоздать дух в наших силах, поскольку известно, что прототипы караван-сараев, соборов, дворцов и бань Золотой Орды находились в Закавказье и Средней Азии, а самые грандиозные сооружения Тимура построены после того, как он стер с лица земли города Золотой Орды и увел ее мастеров в Самарканд.

Архитектура Куня-Ургенча (фото А.А. Бурханова) Азербайджанский пролог.

Деталь минарета. Мечеть Мухаммеда. 1078 г. Баку. Крепость //

Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 72.

1. Мавзолей Юсуфа. Нахичевань. 1162 г. Орнамент. //

Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 86.

2. Мавзолей Момине-хатун. Нахичевань. 1186-1187. Детали и элементы орнамента. // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 91.

3. Мавзолей Пир-Кубала. Портал. Апшерон. XIII в. // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 103.

4. Мавзолей. Карабаглар. XIV в // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 132.

5. Мавзолей. Агдамский р-н. 1314 г. // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 149.

6. Мавзолей. Физули р-н. 1272 г. // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 155.

9. Мавзолей. Ахмедалылар. Конец XIII – начало XIV вв. // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 156.

10. Султанье. Мечеть XIV в. (рис. М. Прео) // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с.

11. Баку. Ансамбль дворца XIII-XVI вв. // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 188.

12. Караван-сарай. Портал. 1330-1335. Маранд. // Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 1963, с. 175.]

Самаркандский и Кавказский эпилог.

1. Резные деревянные столбы в кумыкских селениях // Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Сов. художник. 1977, с. 86

2. Декоративное оформление подбалок в домах кумыкских селений // Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Сов. художник. 1977, с. 96

3. Резной деревянный портал мечети в с. Тпиг // Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Сов. художник. 1977, с. 198

4- 9. Гур Эмир и Биби-ханым

2. Керамика (из раскопок Бурханова А.А.) №№ 1-19, 30- 32, 34-38, 40-43, 45, 46, 49, 51, 53, 54, 56-62, 65-85, 89-93, 102-121, 125-131, 133-134, 136-139 .

3. Музей-заповедник Куны-Ургенч (Туркмения) (фото А.А. Бурханова)
№№ 151, 148-150, 152-158,